

ПАВЕЛ КОРЦЕВ

Сиятельный

Москва, 2020

ПАВЕЛ КОРЦЕВ

Тетралогия
в одном
томе

- Сиятельный •
- Бессердечный •
- Падший •
- Спящий •
- + Сиятельный. Прелюдия

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 2005 году
Выпуск 178

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.

К67 Сиятельный: Сиятельный. Прелюдия: Рассказ; Сиятельный; Бессердечный; Падший; Спящий: Романы. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 1145 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-3158-8

В этом мире Средние века были не темными, а кровавыми. В этом мире люди всякий раз замирали от ужаса, когда небосвод затмевали крылья падших. В этом мире наука вернула человечеству свободу, и от океана до океана раскинулась Вторая Империя, империя людей. Воды морей бороздят боевые пароходы, на запасных путях ждут своего часа бронепоезда, а в небесах парят армейские дирижабли, но все же равновесие висит буквально на волоске. Эпоха пара уходит, эра всеблагое электричества только-только берет разбег, поэтому даже самая малость способна низвергнуть мир в пучину хаоса.

И как знать, не станет ли такой «малостью» Леопольд Орсо, детектив-констебль полиции метрополии? Он принадлежит к новой элите империи — сиятельным, но доставшийся от предков талант слишком мрачен, чтобы уповать на долгую спокойную жизнь. Леопольд наделен даром воплощать в реальность чужие страхи, а страх — вещь несравнимо более опасная, нежели шестиствольные пулеметы, ранцевые огнеметы и орды выходцев из преисподней, все вместе взятые.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3158-8

© Корнев П. Н., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

СИЯТЕЛЬНЫЙ. ПРЕЛЮДИЯ

Рассказ

Дриада. Палая листва и небесный огонь

1

Два коротких гудка — и качнулась лавка, лязгнули стекла, за скрипели стенки вагона. Поезд дрогнул и тронулся с места, понемногу набирая ход и оставляя перрон полустанка позади. Труба паровоза выбросила в воздух клубы черного дыма; они окутали состав серым маревом и проникли внутрь, вызвав першение в горле и кашель.

«На следующей сходить...»

Мысль эта пробежалась по спине уютным ознобом, царапнула душу страхом, и я спешно отправил в рот мятный леденец. Потом развернул газету и укрылся от спутников за ее желтоватыми листами, но последние известия меня нисколько не интересовали, внимание, как и обычно, привлекла фотография девушки на второй странице.

Точеная фигура с осиной талией, чудесные рыжие локоны, очаровательная улыбка, светло-серые, с оранжевыми искорками глаза...

Вздор, конечно! Фотография была черно-белой и зернистой, а вместо глаз серели засвеченные пятна. Истинный образ девушки был запечатлен в моей голове; я мог обратиться к нему в любой миг, когда только пожелаю.

Но отвлечься от дурных предчувствий не получилось.

— Билли, а ведь малыш Лео совсем зазнался! — прозвучало с противоположной лавки.

— Что ты, Джимми! — тут же подключился к игре другой шутник. — Он теперь не малыш Лео, а детектив-констебль Леопольд Орсо! Его даже на зимний бал приглашением удостоили! Не чета нам!

— Вот он после выхода в свет умом и тронулся! — рассмеялся первый зубоскал. — Недельной давности газету с собой таскает!

— Брось! Он виконт, да к тому же *сиятельный*, с младых ногтей к светским раутам привычен! Это на него так повышение подействовало! Шутка ли: двадцать лет — и уже детектив-констебль сыскальной полиции! Ошеломительная карьера!

Я с обреченным вздохом сложил выпуск «Атлантического телеграфа» и убрал его в боковой карман прорезиненного плаща с новенькими нашивками.

Констебли на лавке напротив весело скалились в ожидании ответа, и сидевший рядом со мной невысокий черноволосый крепыш их не разочаровал.

— Не обращай внимания, Лео, — зевнул он, прикрыв рот широкой ладонью. — Они просто завидуют.

Джимми и Билли закудахтали от смеха, враз позабыв о разложенных на лавке картах.

— Тебе, Рамон, повышение точно не светит! — выдал Билли, расплываясь в широкой лягушачьей улыбке.

— Ты для этого слегка... смугловат! — поддержал приятеля рыжий Джимми.

Истинный каталонец немедленно схватился бы за наваху, но Рамон Миро темпераментом пошел в мать, уроженку Нового Света. Он пропустил оскорбление мимо ушей, раскрыл приклад лежавшей на коленях лупары и установил в него новую электрическую банку.

В ружье с короткими счетверенными стволами десятого калибра использовался электрический воспламенитель патронов, поэтому ни магия, ни воздействие инфернальных тварей не могли предотвратить выстрел, но зачастую осечки случались по причине слишком слабого заряда.

Я промолчал и нацепил на нос очки с круглыми темными окулярами, давая понять, что зубоскалить не в настроении. Джимми и Билли кисло переглянулись и вернулись к игре в карты.

Сослуживцы могли сколь угодно скрывать нервозность за ерничеством, но я-то прекрасно ощущал их растерянность. Да чего греха таить, испытывал ее и сам. Слишком пугающими оказались фотоснимки с места преступления. Новый Вавилон — та еще клоака, и все же за два года службы в полиции метрополии сталкиваться со столь немотивированной и одновременно холодной и расчетливой жестокостью мне пока еще не доводилось.

Железная дорога пошла в гору, вагон закачался из стороны в сторону, и глаза начали слипаться, но тут, как на грех, подошел кондуктор.

— Детектив-констебль Орсо? — обратился он ко мне. — Инспектор Уайт просит вас присоединиться к нему.

До прибытия на место ничего дурного страстись попросту не могло, и все же сердце у меня так и екнуло. Подавив обреченный вздох, я взял фуражку и вслед за кондуктором отправился в вагон первого класса. Мимоходом бросил там взгляд на зеркальную панель и невольно поморщился.

Увы, красавцем назвать меня было нельзя. Слишком высок и нескладен. Ситуацию исправил бы пошитый у хорошего портного костюм, а мундир не только дурно сидел, но еще и топорщился сбоку из-за кобуры.

Ничего! До совершеннолетия оставалось всего три месяца, а там дорогому дядюшке волей-неволей придется выделить мне положен-

ную долю фамильного состояния. Но тут же вспомнились многотысячные долги, и я горестно вздохнул. Все изменится, да только вовсе не так быстро, как того хотелось бы.

Инспектор Роберт Уайт путешествовал в купе один. Он вольготно развалился на мягком сиденье и читал материалы уголовного дела. При моем появлении инспектор кинул папку на столик у окна и наморщил лоб.

— Мундир? — удивился он. — Леопольд, тебе как детективу-констеблю больше нет нужды носить форму!

— Привычка, — скованно улыбнулся я в ответ.

— Присаживайся! — указал Роберт Уайт на сиденье напротив и предположил: — Хочешь, чтобы все видели, с кем имеют дело? Чувствуешь так себя увереннее?

Круглое лицо инспектора выглядело обманчиво мягким на вид, но ни мягким, ни наивным сиятельный Уайт не был. И поскольку растворенное в крови инспектора проклятие падших наделяло его уникальным *талантом* чувствовать ложь, я прибегнул к полуправде:

— В том числе.

Мне не хотелось говорить о стесненности в средствах, а ведь именно по этой причине штатскому костюму я предпочел полицейскую форму, которую мог чистить и чинить за казенный счет.

Роберт Уайт прищурил бесцветно-серые глаза сиятельного и попросил:

— Будь добр, сними очки.

Я повиновался, но без всякой охоты.

В Ночь титановых ножей улицы Нового Вавилона были залиты кровью падших, она отравила одних и наделила невероятными способностями других. Мне от родителей достался не самый приятный талант воплощать в реальность чужие кошмары, и я чувствовал себя увереннее, пряча бесцветные глаза за темными стеклами очков.

— Почему ты стал полицейским, Лео? — поинтересовался вдруг инспектор.

— В Ньютон-Маркте неплохо платят, — ответил я, привычно прогоняя воспоминания об одной недоброй ночи, когда в наш фамильный особняк пришла смерть. Уцелеть тогда посчастливилось лишь мне и отцу. Следствие завершилось ничем, дело сдали в архив, и в глубине души я лелеял надежду, что, став полицейским, получу возможность сам во всем разобраться.

Роберт Уайт с недоверчивой улыбкой покачал головой и принялся набивать трубку пахучим персидским табаком.

— Уже ознакомился с материалами дела? — указал он на папку.

— Ознакомился, — подтвердил я. — И не понимаю, почему расследование поручили именно нам.

— А кому еще? — фыркнул инспектор. — Местное отделение — три констебля и сержант, а дело чрезвычайное!

• Сиятельный •

Часть первая

ПАДШИЙ. ТИТАНОВЫЙ КЛИНОК И СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

1

Рожденный ползать летать не может? Воистину так!

Люди просто не созданы для полетов. Любой полет обречен закончиться падением, и чем выше взлетаешь, тем плачевней последствия. Вспомнить, к примеру, *падших*...

Я открыл глаза, сразу зажмурился, но поздно — клочок подернутого серой дымкой неба уже завертелся-закружился, создавая иллюзию, будто лежу на спасательном плоту посреди гигантского водоворота. При одной только мысли о необходимости подняться на ноги сделалось дурно, так и остался малодушно валяться посреди смягчившей падение кучи мусора.

Осторожно вздохнул, и ребра немедленно пронзила острая боль. Но когда вздохнул второй раз, неприятные ощущения пошли на убыль, давая понять, что посчастливилось отделаться простым ушибом спины. Ни обломков кирпича, ни осколков бутылок, по счастью, среди принявшего меня в свои объятия хлама не оказалось.

Это радовало. Хотя и не особо, учитывая обстоятельства падения, но все же радовало.

И я вновь открыл глаза.

Мрачные стены домов возвышались со всех сторон глухим колодецем, над ними маячило серое небо, недоброе и хмурое, как и все вокруг. Неожиданно тени сгустились еще больше, и над крышами проплыло брюхо армейского дирижабля с квадратами наглухо задраенных оружейных люков. Мелькнули хвостовые стабилизаторы и киль, сверкнули солнечными отблесками ствольные блоки гатлингов, и вот уже воздушное судно скрылось из виду, будто его и не было вовсе.

Не важно! Вывалился я вовсе не из гондолы этого летающего монстра, нет: в недолгий полет меня отправили из щерившегося осколками окна на втором этаже.

Хотя, если начистоту, отправили — это громко сказано.

— Леопольд! — эхом прокатился по двору далекий крик. Гулкий топот, и миг спустя уже ближе: — Лео! Проклятье, где ты?!

В арке мелькнули отблески электрического фонаря; яркий луч пробежался по стенам, вильнул в мою сторону и сразу погас. А только глаза вновь начали привыкать к темноте, во двор ступил невысокий констебль в форменном плаще и фуражке, чья крупнокалиберная лупара недобро щерилась дульными срезами счетверенных стволов.

— Убери! — потребовал я, досадливо морщась.

Рамон Миро мгновение помедлил, потом все же передвинул ружье на сгиб локтя левой руки.

— Ты в порядке? — спросил он, настороженно озираясь по сторонам.

— Буду, — ответил я немногословно, но емко.

— Точно? — засомневался черноволосый крепыш, протягивая свободную руку.

Я раздраженно оттолкнул ее в сторону. Собрался с силами, самостоятельно перевалился на бок и даже успел приподняться на одном локте, прежде чем наверху вновь раздался звон разбитого стекла.

В скалящемся осколками оконном проеме возник круглолицый господин средних лет в сером костюме-тройке и столь же неброском котелке. Он рукоятью трости вышиб из рамы еще одну стекляшку, затем посмотрел на меня, и его физиономия приобрела выражение крайней степени неодобрения.

— Где суккуб, Лео? — спросил инспектор Уайт. — Где эта дрянь?

Я повернул голову сначала в одну сторону, затем в другую, оглядев таким образом помойку, в которой валялся, и невесело усмехнулся:

— Ну... здесь ее точно нет, инспектор.

— Детектив-констебль Орсо! — отчеканил Роберт Уайт, давая понять, что шутки сейчас совершенно неуместны. — Отвечайте немедленно, где эта тварь!

— Не знаю, — сознался я тогда. — Просто... На самом деле, мало что помню, после того как меня выкинули из окна.

— Чрезвычайно прискорбное обстоятельство, — поморщился инспектор и скрылся из виду.

Я повалился обратно на спину и обреченно вздохнул, потом взглянул на Рамона и спросил:

— Ну, чего ты пялишься?

Констебль неопределенно хмыкнул и отвернулся. На его невозмутимом, красноватого оттенка лице не отразилось ни тени эмоции, но меня показное безразличие в заблуждение ввести не смогло — разочарование сослуживца ощущалось буквально физически.

Плевать! Еще начальника успокаивать...

Я уселся посреди мусора, и сразу закружилась голова. Не успел еще толком прийти в себя, а уже хлопнула дверь черного хода, и на высоком крыльце показался инспектор Уайт.

— Лео, — необычно мягко произнес он, с брезгливой гримасой оглядывая темный двор, — Лео, какого дьявола тут произошло?

Спешить с ответом я не стал. Сначала поднялся на ноги и за обрезиненный шнур подтянул к себе раздвоенный на конце телескопический электрощуп, после неопределенно пожал плечами.

— Роковое стечение обстоятельств, — заявил, когда затянувшаяся пауза стала совсем уж неприлично длинной.

— Вот как? — хмыкнул инспектор, и его серые глаза выцвели, потеряв остатки и без того блеклых красок.

Сиятельный Роберт Уайт обладал чрезвычайно полезным в нашей работе *талантом* — он чуял ложь. Не знал наверняка, когда ему лгут, но, подобно обученной ищейке, легко чувствовал сознательное намерение собеседника ввести его в заблуждение. Очень, очень удобный талант достался ему от замаранных кровью падших родителей...

Именно поэтому я даже не стал пытаться юлить и просто поднял руку с электрощупом.

— Слабая искра, — сообщил инспектору.

— Да неужели? — озадачился Роберт Уайт.

В этот момент к нам присоединились два констебля в форменных прорезиненных плащах и с новомодными самозарядными карабинами на изготовку. Коробчатые магазины нелепо торчали вверх, но понимающих людей это обстоятельство нисколько не смущало; в условиях скоротечных перестрелок укороченная винтовка Мадсена — Бьярнова зарекомендовала себя с самой лучшей стороны.

— Проблемы с электрической банкой, думаю, — предположил я, не обращая внимания на скептические взгляды коллег.

— С головой у тебя проблемы, Лео! — немедленно выдал рыжий констебль.

— Джимми, ты не прав! — вступился за меня парень с коричневыми от жевательного табака зубами, но лишь для того, чтобы сразу уточнить свое высказывание: — Просто руки у человека кривые.

Рыжий с довольным видом хохотнул:

— Билли, дружище! Одно другого вовсе не исключает!

— А ведь ты совершенно прав, Джимми! В нашем случае одно другое скорее дополняет!

Я не обиделся; Джимми и Билли — известные хохмачи, им только дай позубоскалить. Но инспектор ждал объяснений, поэтому мысль ткнуть электрощупом залившегося лающим смехом Билли показалась мне удачной вдвойне.

Так и сделал.

Сверкнула ослепительная искра, констебль резво отскочил и потер грудь.

— Совсем спятил? — оскалился он.

— Забудь! — отмахнулся я и повернулся к инспектору. — Говорю же, слабый разряд!

Инфернальные создания чрезвычайно чувствительны к электричеству, но подобный удар совершенно точно не смог бы оглушить ни суккуба, ни любого другого выходца из преисподней.

Роберт Уайт спустился по лестнице, повесил трость на руку и принялся неспешно набивать трубку крепким оттоманским табаком.

— Мог бы с утра не бульварные газетенки почитать, а заряд проверить! — укорил он меня.

— Да я три раза проверил! Все работало!

— Ну-ка дай, — потребовал тогда инспектор, забрал вытасченную мной из кармана электрическую банку и осмотрел шильдик на донце. — «Электрические машины Дебре»? — прочитал он и возмутился: — Лео, где ты откопал эту рухлядь?!

Я ответил чистой правду:

— Получил на складе.

— Проклятье! — выругался инспектор, в сердцах оборвал провода и зашвырнул электрическую банку в кучу мусора. — Лео, мы выслеживали эту тварь две недели! Две недели! И все впустую из-за этого барахла!

— Но...

— Молчи! — потребовал Роберт Уайт и принялся раскуривать трубку. — Рамон! — повысил он голос после нескольких глубоких затяжек. — У тебя в лупारे электрическая банка чьего производства?

Ружье с короткими счетверенными стволами десятого калибра на мануфактуре Хейма и в самом деле снабдили электрическим воспламенителем патронов, поэтому констебль отчитался без запинки, лишь мельком взглянув на разборный приклад:

— «Электрического света Эдисона», инспектор!

— Вот видишь, Лео? — укорил меня начальник. — Запомни на будущее: только «Электрический свет Эдисона», и ничего кроме, да простит меня Тесла! Ты понял?

— Понял.

— И кстати, чего ради ты сунулся внутрь, не дожидаясь остальных?

— Дверь была открыта. Решил разведать обстановку.

— Ну и как, разведал? — нахмурился инспектор, раздраженно передернул плечами и зашагал со двора. — Идемте! — позвал он нас, но сразу остановился и охлопал себя по карманам: — Джимми, где мои перчатки?

— Не знаю, инспектор, — ответил констебль и ткнул в бок напарника. — Билли, где перчатки инспектора?

— А Билли-то здесь при чем? — огрызнулся тот, озираясь по сторонам.

— Забудьте! — одернул их Роберт Уайт и скрылся в арке.

Джимми и Билли смерили меня недобрыми взглядами и поспешили за начальником; я потер поясницу и поплелся следом, Рамон Миро молча зашагал рядом, приноравливаясь к моему неровному шагу.

Надо сказать, для каталонца констебль был удивительным молчуном. Впрочем, каталонцем он являлся лишь по отцу, мать его происходила из аборигенов Нового Света; не иначе темпераментом Рамон пошел в свою краснокожую родню.

Вот и когда из-под ног у нас выскочила перепуганная крыса, он лишь наподдал ей носком сапога и спокойно отправился дальше. Я переступил через наваленную в проходе кучу мусора и пригнул голову, чтобы не испачкаться о покрытый сажей потолок арки.

Быть высоким далеко не столь привлекательно, как полагают иные завистливые коротышки, что есть — то есть.

Глухой двор сменился другим, столь же грязным и неприглядным, из него мы попали в безлюдный переулок и остановились в ожидании дальнейших распоряжений инспектора. А тот без всякой спешки выбил о стену дома курительную трубку, выудил из жилетного кармана серебряные часы и в глубокой задумчивости поджал губы.

Пользуясь моментом, я отряхнул от остатков мусора прорезиненный плащ, затем сложил телескопический электрощуп и достал из нагрудного кармана очки с круглыми линзами из затемненного стекла. Нацепил их на нос и только тогда окончательно почувствовал себя в своей тарелке.

В отличие от инспектора, я не любил привлекать внимание обывателей выцветшими до противоестественной светлости глазами. А еще терпеть не мог смотреть собеседнику в глаза. Да и людей не особо жаловал, если уж на то пошло.

Люди меня обыкновенно раздражали своей бестолковостью.

— Возвращаюсь в «Ящик»! — решил тут Роберт Уайт и, помахивая тростью неровно и даже нервно, зашагал к ближайшей станции подземки.

Новый Вавилон — удивительный город! Жизнь не замирает в нем ни днем ни ночью, а прекрасное и ужасное столь тесно сплетаются воедино, что с ходу и не отличить одно от другого. И никаких стыков, никаких острых граней, одни лишь оттенки и смазанные полутона.

Старинные дворцы, чья мраморная облицовка давно потемнела из-за наростшей на стены сажи, соседствуют с новостройками, пока еще чистенькими, но типовыми и оттого ущербными изначально. Проспекты, широкие в центре, непонятным образом теряются в переплетениях кривых улочек окраин. Вековые деревья императорского парка шелестят густой листвой, но листья эти сплошь и рядом чахлые и желтые из-за постоянного смога. Лазурная вода гавани на-

катывает на берег масляными разводами, а бескрайнее небо постоянно затянуто клубами дыма из заводских труб.

И так везде и во всем. Даже гранит площадей красноватый не в силу природной расцветки камня, а из-за намертво вьевшейся в него крови *падших*...

Новый Вавилон, столица Второй Империи; одновременно и сердце государства, и язва, разъедающая его изнутри.

Узенькая улочка с покрытыми копотью стенами домов и редкими квадратами мутных окон вывела нас к перекрестку, и впереди замаячили фабричные трубы, высоченные и увенчанные длинными клубами дыма. По счастью, сегодня ветер относил выбросы в сторону, и воздух в пригороде был не столь задымлен, как обычно.

Вскоре трущобы остались позади, улица расширилась, и стали попадаться курившиеся зловонием промышленных стоков решетки ливневой канализации. Дорога пошла под уклон, а через пару кварталов и вовсе уткнулась в набережную Ярдена. Серебристую ширь воды там сковывал перекинувшийся с одного берега на другой железнодорожный мост; неповоротливые буксиры и баржи казались на фоне его опор игрушечными корабликами, да и дрейфовавший к порту грузовой дирижабль размерами в сравнении не поражал.

— Поспешим! — поторопил нас инспектор.

Я приложил ко лбу ладонь, заметил медленно ползшую в нашу сторону полоску дыма и прибавил шаг, торопясь за остальными.

Под стук набоек по брусчатке набережной мы прошествовали к железнодорожной станции и прошли за ограду, беспрепятственно миновав билетные кассы с их нескончаемыми очередями. На платформе оказалось не протолкнуться от рабочих окрестных фабрик, но дорогу вооруженному до зубов отряду чумазые пролетарии освобождали без лишних понуканий.

Послышался мощный гудок, под навес вкатилась окутанная клубами белого пара махина паровоза, и помещение моментально наполнил вырывавшийся из его трубы дым; залязгал металл, закрипели тормоза. Поезд остановился, пассажиры хлынули на перрон, тесня подступающий им на встречу рабочий люд, что разъезжался после ночной смены по домам.

Инспектор толкается с чернью не захотел и решительно шагнул в вагон первого класса; зашли вслед за начальником и мы. На входе Роберт Уайт тростью отодвинул с дороги опешившего от подобного обхождения кондуктора и с невозмутимым видом уселся у окна. Остальным занимать сидячие места не полагалось, но и так служителя подземки едва не хватил удар, а почтенная публика косилась на нас с едва сдерживаемым возмущением.

Раздалось два коротких гудка, вагон вздрогнул, и за окнами, понемногу ускоряя свой бег, замелькали столбы и унылые заборы. Вскоре пути нырнули в тоннель, и поезд помчался под землей, оста-

вив сутолоку улиц со всеми их лихачами-извозчиками и ротозеями-пешеходами где-то далеко-далеко наверху. Теперь состав летел на всех парах, нас нещадно раскачивало, и приходилось не только цепляться за поручень, но и крепко стискивать спинку ближайшего сиденья.

Через несколько минут паровоз замедлил ход и под оглушительный гудок выкатился из тоннеля к перрону подземной станции, освещенной лишь неровным огнем газовых рожков. Кто-то вышел, кто-то зашел, и мы помчались дальше.

Подземка — великая вещь! Ни паровики, ни даже новомодные самоходные коляски с ней сравниться не могут. Вот только дымом несет — дышать невозможно...

Через три станции мы покинули поезд и поднялись на улицу. Громада Ньютон-Маркта высилась на противоположной стороне площади, но инспектор лишь досадливо глянул на мраморные колонны портика и зашагал в противоположном направлении.

— Надо промочить горло, — пробурчал он, спиной почуяв наши вопросительные взгляды.

Возражать никто не стал.

Да и с чего бы? После столь оглушительного фиаско возвращаться в «Ящик», как с легкой руки неизвестного жулика повсеместно называли штаб-квартиру полиции, не хотелось совершенно. Тем более мне.

Промочить горло традиционно отправились в «Винт Архимеда» — небольшое питейное заведение, отличавшееся огромным выбором фламандского пива и преимущественно полицейской аудиторией.

— Покупайте утренний выпуск! — надрывал у его дверей осипшее горло парнишка с толстенной стопкой газет. — Напряженность в Иудейском море! Очередной демарш в Александрии! Покупайте! Только в субботнем номере! Раскол в рядах «Всеблагото электричества»! Тесла против Эдисона! Большая статья!

Роберт Уайт кинул мальчонке монету в десять сантимов, забрал выпуск «Атлантического телеграфа» и прошел в бар.

— Привет, Алмер! — поздоровался он с тучным хозяином за стойкой и уселся на свое неизменное место у окна. — Как обычно.

Толстый фланандец выставил перед инспектором графинчик с красным портвейном, после налил по кружке светлого Джимми и Билли, и те уединились в дальнем углу с выпивкой, тарелкой хлеба и нарезанным на ломтики острым свиным паштетом.

Когда Рамон Миро отошел со стаканом белого вина, которое пил изрядно разбавленным содовой, я уселся на высокий стул и облокотился о стойку.

— Лимонад? — вздохнул владелец заведения.

— Лимонад, — подтвердил я, без особого интереса разглядывая батарею пивных бутылок с цветастыми этикетками и пробками, прикрученными к горлышкам прочным шпагатом, а то и дополнительно залитыми сургучом.

— Ох уж мне эта мода! — покачал головой Алмер. — Скоро пиво с лимонадом пить начнут!

— Вот уж даром не надо, — усмехнулся я в ответ.

— Начнут, помани мое слово! — уверенно заявил владелец заведения и отправился на ледник. Вскоре он вернулся и выставил передо мной запотевший кувшин с лимонадом, в котором весело позвякивали кусочки льда.

Я наполнил высокий стакан, сделал несколько глотков и кивнул:

— Отлично!

Алмер воспринял похвалу как должное и принялся протирать полотенцем одну из пивных кружек.

— Не припомню, чтобы ты когда-нибудь заказывал выпивку, — произнес он, не прекращая своего занятия.

— Все верно, не заказывал, — подтвердил я.

— Удивительно.

— Почему же? Обычное дело, как по мне.

— Для помешанного на морали механиста — да, — с усмешкой произнес фламандец, — но проще встретить благочестивую шлюху, чем непьющего констебля.

— Из-за алкоголя у меня проблемы со сном, — объяснил я свое неприятие выпивки, не особо покривив при этом душой.

Владелец заведения гулко расхохотался:

— Скольких твоих коллег смутила бы подобная мелочь?

Я только плечами пожал, не собираясь оспаривать это утверждение. Если начистоту — и сам знавал людей, помешать напиться которым мог лишь выстрел в голову, желательно из крупнокалиберного ружья.

Впрочем, общение с подвыпившими сослуживцами не вызывало у меня ровным счетом никакого отторжения, ведь пьяные зачастую даже более честны в своих суждениях и открыты. Раз алкоголь позволяет людям хоть на время позабыть о собственных страхах, кто я такой, чтобы их осуждать?

Взяв кувшин с лимонадом, я соскользнул со стула, намереваясь присоединиться к Рамону, но меня вдруг окликнул листавший газету инспектор.

— Леопольд! — произнес он, отрываясь от чтения. — Не составишь мне компанию?

Проклятье! Этого еще только не хватало!

Я мысленно выругался, без особой спешки подошел к столу и уселся напротив начальника, а когда наполнил лимонадом стакан, Роберт Уайт повертел пальцами у себя перед лицом и попросил:

— Сними очки, пожалуйста.

Выполнив распоряжение, я подышал на черные круглые линзы, протер их льняной тряпочкой и отложил на край стола. Затем отпил лимонада и перевел взгляд на приштиленный к стене чертеж винта Архимеда, один из многих.

— Ты ведь никогда не смотришь людям в глаза, Лео? — неожиданно спросил инспектор. — Так?

— Как правило, не смотрю, — подтвердил я и повернулся от пожелтевшего рисунка к собеседнику. Оценил покрой пошитого на заказ костюма, идеальную прическу, затейливый рисунок шелкового шейного платка.

В глаза смотреть не стал.

Меж бровей инспектора залегла тяжелая морщина, он отпил крепленого красного вина, промокнул узкие бледные губы салфеткой и только после этого негромко произнес:

— Я знаю о твоём таланте, сиятельный. Наверное, нелегко видеть в глазах людей один лишь страх?

— Приятного мало, — подтвердил я. — Посмотреть в глаза — все равно что забраться человеку в душу. Предпочитаю... сохранять дистанцию.

— Со мной у тебя такой номер не пройдет.

— Сохранить дистанцию? — пошутил я.

— Залезть в душу, — на полном серьезе ответил Роберт Уайт, потер подбородок и задумчиво промолвил: — Предполагалось, твой талант будет несколько более полезен в нашей работе...

Более полезен? Слова эти меня откровенно покоробили.

Нет, мой талант мог и в самом деле приносить больше пользы в работе, вот только я терпеть не мог копаться в чужих страхах, позволять им забираться в собственную голову и воплощаться в жизнь. Пусть это и давалось без особого труда, но всякий раз в итоге я чувствовал себя извлекшимся в грязи.

Впрочем, не о моей тонкой душевной организации речь...

— Инспектор! — встрепенулся я. — С суккубом...

— Послушай меня, Леопольд! — стукнул Роберт пальцами по краю стола, призывая к молчанию. — Не в суккубе дело! Просто ты не справляешься! Не вытягиваешь! Не умеешь и не хочешь работать с людьми, а в нашей работе это — залог успеха. Зачем ты вообще пошел служить в полицию? Тебе бы библиотекарем работать!

— Надо же как-то оплачивать счета, — привычно отделался я полуправдой.

Если инспектор и уловил недосказанность, то заострять на этом внимание не стал.

— Но ладно люди! — поморщился он, переходя к главному. — Город набит жульем, будто бочка селедкой, и аресты воров, грабителей и убийц давно стали обыденностью. Сепаратисты и анархо-христиане? Вся эта беспокойная братия тоже мало кого интересует. И даже за поимку египетского агента главный инспектор мне разве что руку

пожмет. А вот inferнальные твари — это серьезно! Такие дела попадают на первые полосы газет. Мы выслеживали суккуба две недели, Лео. На две недели забросили все остальные дела! И все пошло прахом. Из-за тебя.

Оправдываться было по меньшей мере глупо, поэтому я молча устался в стакан и побренчал плававшими в лимонаде кусочками льда.

— Совпадение, подумал я! — продолжил инспектор разнос. — Простое совпадение! Но читаю газету и понимаю: нет, не совпадение. Решительно, Лео, от тебя сплошные неприятности.

— В смысле? — озадачился я, сбитый с толку неожиданным поворотом.

Роберт Уайт подвинул через стол утренний выпуск «Атлантического телеграфа» и подсказал:

— «Светская хроника».

Я взглянул на указанный заголовок, страдальчески сморщился, но все же прочитал всю статью целиком и только после этого выдохнул:

— Вот зараза...

Роберт Уайт забрал газету, встряхнул, расправляя, и прочитал:

— «Известный столичный поэт Альберт Брандт в разговоре с нашим корреспондентом упомянул, что по просьбе своего хорошего друга, виконта Круса, написал стихотворное посвящение его возлюбленной, *сиятельной* Елизавете-Марии Н.». — Инспектор припечатал газету ладонью к столу и ожег меня гневным взглядом. — Ну, виконт Крус, как думаешь, что сделает с тобой после прочтения этой заметки отец *сиятельной* Елизаветы-Марии Н.?

— Погодите! — вскинулся я. — Вы все не так поняли!

— Разве? — скептически скривился инспектор. — Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о ком идет речь. Светлоокая, рыжеволосая Елизавета-Мария Н.! Ты много знаешь таких? Я — только одну! И это — дочь главного инспектора фон Нальца! Проклятье! Старик застал *падших*! Поговаривают, он был вымазан в их крови с головы до ног! И сейчас он изо всех сил хлопочет, чтобы выдать свою ненаглядную доченьку за племянника министра юстиции. Если партия расстроится из-за вот этой заметки...

— Все не так...

— Все так! — нахмурился Роберт Уайт. — Если партия расстроится, старик вызовет тебя на дуэль и убьет. Для него это не впервой. И знаешь, Лео, он будет в своем праве. — Инспектор допил портвейн и откинулся на спинку стула. — Лично я с превеликим удовольствием умыл бы руки, вот только на моей карьере этот инцидент скажет самым прискорбным образом.

— Это простое совпадение, — упрямо повторил я. — Никакого отношения...

— Перестань! — рявкнул начальник. — Оправданиями ничего не изменить. К полудню о твоём романе с дочерью главного инспектора будут знать даже полотеры. Старик и слушать ничего не станет!

— Я могу...

— Ничего ты не можешь, — отрезал инспектор, но сразу прищелкнул пальцами. — Нет, можешь! Исчезни на неделю, а лучше на две. Оружие сдай, на службу не выходи. Потом решим, как быть.

Это «решим, как быть» не понравилось мне категорически, но любая попытка переубедить начальника была изначально обречена на провал. Для себя он уже все решил. Во рту появилась неприятная кислинка, глаза защипало от несправедливости бытия.

Альберт! Какая же ты сволочь! Ну кто тебя за язык только тянул?

— Исчезни, — приказал инспектор и отгородился от меня газетой.

Я спешить с выполнением этого распоряжения не стал, очень уж неприятно было ощущать себя побитой собакой. В жалкой попытке сохранить последние крохи достоинства сначала допил лимонад и только потом поднялся из-за стола и снял с вешалки прорезиненный плащ.

— Алмер, запиши на мой счет, — попросил я владельца заведения.

— Уже, — подтвердил ушлый фламандец, который знал даты выплаты жалованья рядовому составу полиции ничуть не хуже нашего кассира.

На прощанье махнув всем рукой, я вышел на улицу, глянул на небо, по которому плыли то ли куцые облака, то ли обрывки дыма из фабричных труб, и обреченно выругался. Затем привычным движением нацепил на нос темные очки и зашагал в сторону Ньютон-Маркта.

Сдам оружие, заодно и переоденусь.

Хотя, в отличие от рядовых сотрудников полиции, мне как детективу-констеблю и не было нужды ходить на службу в форменном мундире, я этой привилегией обычно не злоупотреблял. На чистку и починку личной одежды средства не выделялись, а лишних денег у виконта Круса давно уже не водилось.

В карманах виконта Круса гулял ветер, дом был перезаложен три раза, и лишь унаследованный от деда по материнской линии фонд позволял смотреть в будущее с осторожным оптимизмом.

Почему с осторожным? Да просто нынешний распорядитель фонда, мой дядя, граф Кóсице, вовсе не горел желанием расставаться с двадцатью тысячами франков годового дохода и всячески затягивал процедуру моего вступления в права наследования. Двадцать один год мне исполнился еще в прошлом месяце, но поверенные за это время даже не составили реестра активов, не говоря уже о передаточных ведомостях. И сколько эта запутанная процедура еще протянется — совершенно непонятно. Не думаю, что дядя доведет дело до судебных тяжб, но остальных «прелестей» раздела наследства точно не избежать.

С другой стороны — что мне деньги? Тут бы головы не лишиться...

В Ньютон-Маркт — занимавшее целый квартал здание полицейской штаб-квартиры — я прошел с задов, через служебный вход. Пропустил броневик, что под размеренные хлопки порохового двигателя выехал из ворот гаража и неспешно покатил по переулку, огляделся по сторонам и взбежал на крыльцо. Уверенно распахнул дверь, на ходу кивнул сонному караульному и пустынными коридорами прошел в оружейную комнату.

Там вручил сержанту электрощуп и достал из кармана электрическую банку, завернутую в утренний номер «Атлантического телеграфа». Смятую газету выкинул в мусорное ведро, увесистый накопитель передал смотрителю арсенала.

— Электрощуп, одна штука, — сделал тот отметку в журнале регистрации, — электрическая банка Эдисона, одна штука... — И сразу встrepенулcя: — А вторая где? Производства Депре?

— Пиши в безвозвратные потери.

— Это еще с какой стати?

— Все вопросы — к инспектору Уайту.

— Ладно, разберемся, — нахмурился сержант и вновь макнул в чернильницу железное перо.

Я отошел к столу в дальнем углу и выложил на него две снаряженные обоймы, потом вытащил из кобуры «Рот-Штейр» и за выступавшую из титановой ствольной коробки головку до упора отвел затвор. Когда тот встал на задержку, нажал кнопку выброса патронов, собрал вылетевшие на стол боеприпасы в пустую обойму и вернулся к сержанту.

— Самозарядный пистолет Рот-Штейр, модель восемнадцать — семьдесят четыре, одна штука, — монотонно пробурчал тот, — патроны калибра восемь миллиметров, тридцать штук. Все?

— Все, — подтвердил я и отправился в раздевалку, где не оказалось ни одной живой души.

Оно и понятно — самый разгар смены, нашим еще до самого вечера улицу топтать.

Я отпер шкафчик и с определенной долей облегчения избавился от плаща, мундира и сапог. Переоделся в светлый полотняный костюм и легкие штиблеты, повязал шейный платок, перед зеркалом пригладил расческой волосы. Напоследок придирчиво оглядел свое отражение и надел темные очки.

К черту! К черту все переживания! Надо жить настоящим.

Переложив из мундира керосиновую зажигалку и складной нож с титановым клинком, я немного поколебался, но все же прицепил на пояс кобуру с «Цербером», пистолетом плоским и компактным, а в карман пиджака сунул запасную кассету на три десятимиллиметровых патрона.

Стволами в этом образчике оружейного гения Теслы выступали закрепленные в съемном блоке гильзы, поэтому кучностью «Цербер» отличался, прямо скажем, неважной, зато при стрельбе на небольшую дистанцию был просто незаменим. Благодаря наличию электрического воспламенителя порохового заряда и алюминиевой оболочке пуль, он позволял уверенно поражать и малефиков, и выходцев из преисподней. Обычное оружие в силу конструктивных особенностей для этого годилось мало: за долгие века нечисть сумела выработать неуязвимость к железу, меди и даже свинцу, а опытные заклинатели гасили искру пробитого капсюля и выводили из строя сложный ударно-спусковой механизм самозарядного оружия буквально одним щелчком пальца. Да и переклинившие револьверы в подобных обстоятельствах редкостью вовсе не являлись.

Другое дело — «Цербер»! Электрическая банка и полное отсутствие подвижных деталей не оставляли шансов предотвратить выстрел ни малефику, ни inferнальному созданию. К тому же по сравнению с килограммовым «Рот-Штейром» этот пистолет почти ничего не весил.

Я взял с верхней полки шкафчика светло-серый котелок, запер дверь и вышел из раздевалки. Вышел — и немедленно наткнулся на незнакомого седюсого сержанта, которого сопровождали два дежурных констебля.

— Детектив-констебль Орсо, — с ходу заявил сержант, — следуйте за мной! Вас желает видеть главный инспектор.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди, и я сделал глубокий вздох в не очень удачной попытке успокоиться.

Опытный служака уловил эту непонятную заминку и озадаченно уточнил:

— Вы идете, детектив-констебль?

— Разумеется! — Я не без труда выдавил из себя кислую улыбку и уже уверенней повторил: — Разумеется!

Сержант кивнул и направился к лестнице, а вот констебли сначала пропустили меня вперед и лишь после этого двинулись следом, заставив столь бесхитростным маневром выбросить из головы мысль о бегстве, паническую и постыдную.

Успокойся!

Ты ведь ожидал этого? Ведь ожидал?

Да, черт побери, ожидал! Ожидал, но не так скоро. Старик, вероятно, дьявольски зол, если отправил кого-то караулить мое возвращение.

Сиятельный Фридрих фон Нальц был стар, но не дряхл. Семь десятков лет не ослабили его, а, напротив, закалили; главный инспектор походил на крепкое сосновое корневище. И глаза... глубоко запавшие глаза светились в полумраке двумя злыми огоньками, словно отблески свечи в прорезях морщинистого тыквенного фонаря.

Удивительное долголетие, просто поразительное. Большинство тех, кого окропила кровь *падших*, давно покинули этот мир, ведь случилась Ночь титановых ножей пятьдесят три года назад — в декабре тысяча восемьсот двадцать четвертого года от Кары Небесной или, как теперь принято говорить, новой эры.

Несмотря на преклонные года, сиятельный фон Нальц не только руководил полицией метрополии, но и состоял в дюжине клубов и благотворительных обществ, а каждое утро, демонстрируя завидную работоспособность, начинал с изучения свежей прессы. Вот и сейчас на его столе возвышалась целая стопка газет, но хозяин кабинета ожидаемо остановил свой выбор именно на «Атлантическом телеграфе».

Проклятье! Ну кто просил Альберта распускать свой длинный язык!

При моем появлении Фридрих фон Нальц оторвался от газеты и растянул губы в некоем подобии улыбки.

— Виконт Крус! Не имел чести лично знать вас раньше...

Я в ответ лишь склонил голову.

Старик поправил обшлаг черного мундира, из которого торчало сухонькое запястье — словно объединенная падальщиками кость, — и спросил:

— Вы знакомы с моей дочерью, виконт?

— Был представлен на осеннем балу, — ответил я, обмирая от ужаса.

В кабинете враз стало жарко и душно. И дело было вовсе не в камине — его сегодня не топили. Горячий воздух волнами расходился от сидевшего за столом старика. То проявлялся *талант* сиятельного, и мне вовсе не хотелось становиться целью его приложения. Пару лет назад довелось лицезреть ссохшуюся мумию, оставшуюся от покушавшегося на главного инспектора анархиста, так от вида заживо запеченного человека потом мутило до конца дня.

— Были представлены на балу — и только? — уточнил сиятельный фон Нальц, никак внешне не выказывая клокотавшей в нем ярости.

— И только, — подтвердил я, старательно не смотря на собеседника.

Смотреть на него было просто-напросто страшно.

Но тут старик вдруг рассмеялся, смял газету и кинул ее в корзину для бумаг.

— Знаете, виконт, я вам верю. Безоговорочно, — удивил меня главный инспектор неожиданным заявлением. — Просто я слишком хорошо знаю свою дочь. Елизавета-Мария никогда бы не связалась с подобным... — Он брезгливо поморщился и откинулся на спинку высокого кресла. — Не важно! Важно, что с подачи болтливой рифмоплета пойдут слухи. А этого я так оставить не могу...

— Главный инспектор! — попытался я оправдаться. — Речь идет о другой Елизавете-Марии! Не о вашей дочери! Это простое совпадение!

Но Фридрих фон Нальц только покачал головой, и до меня вновь долетело дуновение призрачного жара.

— Виконт! Я могу представить вас в роли тайного воздыхателя, но никак не в роли героя-любовника, — с холодной безжалостностью отрезал старик. — Не опускайтесь до столь откровенной лжи.

— Мою невесту зовут Елизавета-Мария Никли, она из Ирландии. Ее родители приходятся родней бабушке по материнской линии. Я собираюсь представить ее на завтрашнем балу.

Главный инспектор задумался, будто решая сложную шараду, потом кивнул.

— Это было бы неплохо, — произнес он медленно и отстраненно, но сразу яростно сверкнул глазами. — Только учтите, виконт, если притащите с собой какую-нибудь дешевую актриску и опозорите мою дочь, я лично уничтожу вас, лично! Я заставлю вашу кровь закипеть в жилах и сварю вас заживо!

— Уверая, главный инспектор, до этого не дойдет!

— Если стихотворное посвящение и в самом деле предназначено моей дочери, лучше сознайтесь прямо здесь и сейчас, — продолжил сиятельный фон Нальц уже абсолютно спокойно. — В этом случае мне придется вызвать вас на дуэль, но хоть умрете с достоинством. И не столь мучительно...

— Не стоит...

— Можете, разумеется, скрыться, но не советую, не советую. Очень не советую.

— Даже и в мыслях не было!

— Сгиньте с глаз моих, — проскрипел тогда хозяин кабинета, заканчивая аудиенцию.

Я незамедлительно выскочил в приемную, и воздух там показался просто ледяным. По спине немедленно заструился холодный пот, я кое-как успокоил сбившееся дыхание и спустился на первый этаж, но прежде чем успел распахнуть входную дверь, меня окликнули.

— Детектив-констебль!

Вздвигнув от неожиданности, я обернулся к дежурному, который выбрался из-за конторки с каким-то конвертом в руке.

— Вам корреспонденция! — сообщил констебль.

Я забрал непонятное послание, кивнул:

— Благодарю, — и вышел в отгороженный колоннадой портика двор, где подсобные рабочие без особого успеха пытались смыть наросшую за зиму копоть с белого мрамора статуи Фемиды.

С тяжелым вздохом я опустил на одну из расставленных вокруг фонтана скамей и осмотрел конверт из плотной бумаги с указанием одного лишь моего имени, без адреса, почтовых марок и упоминания отправителя. Недоуменно хмыкнув, достал из кармана склад-

ной нож, вспорол им клапан и вытряхнул на ладонь лаконичное приглашение посетить Банкирский дом Витштейна для обсуждения вопроса о вступлении в права наследования.

Я перечитал письмо два раза и недоуменно нахмурился. Поверенный за прошедший месяц так и не сумел добиться от дяди никаких бумаг по отходящему мне фонду, с чего бы тому форсировать события по собственной инициативе? И какое отношение к наследству имеет Банкирский дом Витштейна? Род Кóсице иудеев никогда особо не жаловал.

Взглянув на массивный хронометр, новомодный — наручный, я решил, что успею посетить Банкирский дом, прежде чем тот закроется на обеденный перерыв, а не успею — ничего страшного, подожду. Никаких неотложных дел на сегодня запланировано не было.

Сунув конверт в карман пиджака, я вышел со двора полицейской штаб-квартиры и без лишней спешки зашагал по Ньютонстраат в направлении площади Ома.

Для начала апреля денек выдался на редкость знойным, и зависшее над крышами домов солнце всюду прожаривало город, будто брошенный на сковородку стейк. Даже клубившиеся на горизонте тучки не могли гарантировать скорого наступления вечерней пролады; скорее всего, их просто развеет над океаном.

Прячась от духоты, я свернул на аллею платанов и зашагал дальше в тени деревьев. Минут через пять вышел к площади Ома, заскочил на заднюю площадку нещадно дымившего паровика и едва успел ухватиться за поручень, когда на повороте железные колеса звякнули на стыках рельсов и вагон ощутимо качнуло.

За окнами с черепашьей скоростью проплывали здания, в открытую дверь то и дело врывались клубы дыма, и тогда нестерпимо щипало глаза. О скоростях подземки не приходилось даже мечтать; да я и не мечтал — от ближайшей станции подземной железной дороги до иудейского квартала пришлось бы пробираться по узеньким запутанным улочкам старого города никак не меньше четверти часа.

И какой смысл?

Понемногу город начал меняться. Многоэтажные новостройки остались позади, вдоль сузившейся дороги стали тесниться обветшалые доходные дома и конторские здания с покатыми крышами. Между ними — узенькие сырые переулочки. А паровик все катил себе и катил.

Извозчики посматривали на набившихся в вагон пассажиров с нескрываемым неодобрением, лошади чихали и трясли головами, когда их накрывал шлейф стелившегося за вагоном дыма. Несколько раз нас обгоняли открытые самоходные коляски с шоферами в гоглах на пол-лица, кожаных тужурках и крагах. Коляски сразу уносились вдаль, но по улице еще долго разносилось громкое стрекотание пороховых двигателей.

На проспекте Менделеева я выскочил из паровика и свернул с тротуара в проход меж двух домов, обшарпанных и неухоженных, с узенькими окошками на уровне второго этажа. Немного поплутал по задворкам и вскоре вышел на широкую улицу, ближайшее строение которой щеголяло свежей табличкой: «Улица Михельсона».

Первые этажи солидных каменных особняков занимали магазины и лавки, но все как одна витрины сейчас были закрыты глухими ставнями, как если бы на дворе стояла ночь. Более того — одна из самых оживленных торговых улиц иудейского района словно вымерла. Прошел целый квартал, а на глаза не попало ни единой живой души!

Лишь на углу рядом с цирюльней неподвижно замерла длинная фигура в черном долгополом сюртуке и такой же шляпе.

Скользнув взглядом по бесстрастному лицу, обрамленному пейсами и бородой, я поднялся на крыльцо стоящего наособицу трехэтажного здания с солидной вывеской «Банкирский дом Витштейна» и потянул на себя дверную ручку.

Та не поддалась. Толкнул — и так заперто.

Тогда я несколько раз стукнул молоточком по железной пластине, выждал пару минут и вновь потянулся за колотушкой, но вдруг замер, пораженный неожиданной догадкой.

«Суббота! — хлопнул себя ладонью по лбу. — Сегодня суббота!»

Шаббат!

В нашем просвещенном обществе косо смотрели на любые проявления религиозных воззрений и без жалости искореняли весь этот мистицизм, но ортодоксальные иудеи стойко сносили беспрестанные нападки механистов. Впрочем, до претворения угроз в жизнь дело обычно не доходило: финансовая состоятельность общины позволяла своевременно смазывать нужные колеса государственного аппарата, и разговоры о погромах оставались всего лишь разговорами.

Пусть наука целиком и полностью вытеснила религию из жизни общества, но власти предержавшие обладали здоровым прагматизмом и свято блюди принцип «кесарю кесарево». Деньги — это кровь империи, все остальное вторично.

Я достал из кармана жестянку с леденцами и закинул в рот первый попавшийся.

Итак, сегодня суббота; сегодня Банкирский дом закрыт, завтра тоже. Воскресенье — официальный выходной.

Досадно.

В этот момент через перекресток со скрипом прокатила крытая повозка. Возница в надвинутой на глаза кепке подогнал ломовозов к цирюльне, и долговязый иудей поспешил открыть ворота заднего двора. А стоило только телеге скрыться в проезде, столь же торопливо их закрыл.

Очень интересно.

Я озадаченно огляделся по сторонам, затем утопил кнопку наручного хронометра, запуская отсчет времени, и закинул в рот очередной леденец.

Подождем...

Телега выкатила на улицу через двадцать минут, и тянули ее теперь ломовозы не столь легко, как раньше, а на брусчатке позади оставался явственный пыльный след. Долговязый иудей прикрыл ворота и попытался отпереть входную дверь цирюльни, но ключ никак не желал проворачиваться в замке; ему даже пришлось стянуть плотные брезентовые перчатки и зажать их под мышкой.

Тогда я отправил в рот очередной леденец, сунул жестянку в боковой карман пиджака и зашагал через дорогу.

— Уважаемый! — окрикнул иудея, встав посреди проезжей части.

Долговязый обернулся, окинул меня обеспокоенным взглядом и просипел:

— Закрыто!

— И не надо! Где здесь станция подземки?

— Там, — махнул долговязый цирюльник вдоль улицы левой рукой; правую, синевшую старой татуировкой, он как бы ненароком сунул в карман сюртука.

Я слегка склонил голову и прикоснулся самыми кончиками пальцев к котелку.

— Благодарю, — улыбнулся и зашагал в указанном направлении, не став просить об уточнении маршрута.

Никакой необходимости в этом не было.

3

Роберт Уайт отыскался в «Винте Архимеда»; судя по распушенному шейному платку, одним графинчиком портвейна дело явно не ограничилось, но настроение у инспектора от выпитого несколько не улучшилось.

Есть такие люди — они прекрасно понимают, что пить не вправе, но пьют и оттого не чувствуют облегчения от алкоголя, а лишь еще больше мрачнеют. Роберт точно был из их числа, поэтому, прежде чем начальник успел открыть рот и прогнать меня взашей, я решительно уселся напротив и без промедления заявил:

— Готовится ограбление банка.

— Я велел тебе проваливать, — пробурчал инспектор, ожидаемо пропуская мои слова мимо ушей.

— Я выполнил ваше распоряжение, — напомнил я, снял темные очки и, сделав над собой определенное усилие, посмотрел собеседнику в глаза. — Инспектор, ограбление банка — это серьезно.

— Да ну? — скептически поморщился Роберт Уайт, но моя уверенность его все же зацепила. Налившиеся свечением глаза потускнели и вновь стали бесцветно-серыми. — Рассказывай! — махнул он рукой.

— Думаю, готовится подкоп под Банкирский дом Витштейна.

— Думаешь? С чего бы это тебя осенило?

Я в двух словах описал увиденное в иудейском квартале, а когда инспектор впал в глубокую задумчивость, обернулся и подозвал подавальщицу. Время было обеденное, и хозяину теперь помогали несколько шустрых девиц.

— Суббота... — пробормотал Роберт Уайт. — Ортодоксальному иудею нельзя работать в субботу, так? Но ведь он и не работал? Или открыть и закрыть ворота — это уже работа? А если там просто делают ремонт?

— Чтоб иудей привлек рабочих со стороны? — фыркнул я, наполняя стакан из выставленного на стол кувшина с лимонадом. — Да его потом заклюют! Нет, думаю, этот иудей не из общины.

— Опять думаешь, — скривился Уайт.

— Татуировка, — напомнил я. — На правой кисти у него была наколота змея. Или длинная рыба, точно не разобрал.

— И что с того?

— Ортодоксальный иудей никогда не пометит себя татуировкой. «И царяпин по умершим не делайте на теле вашем, и наколотой надписи не делайте на себе».

Инспектор уставился на меня с нескрываемым удивлением.

— Ты так хорошо разбираешься в Торе?

— Нет, просто разбираюсь в татуировках.

— Даже если это так, откуда уверенность, что целью является банк?

— А какие варианты? С одной стороны — бакалейная лавка, с другой — мастерская сапожника. Банк — точно напротив.

Роберт Уайт допил портвейн и гаркнул во всю глотку, перекрывая царивший в заведении гомон:

— Джимми!

Рыжий поспешно поднялся из-за углового стола и подошел к нам.

— Да, инспектор? — тягуче произнес он, оправляя мундир. Был констебль в легком подпитии, но на ногах держался уверенно и не шатался.

— Садись! — приказал ему Роберт Уайт и спросил: — Никто не болтал в последнее время о налете на банк?

— Нет, тишина, — мотнул головой констебль после недолгих раздумий.

— А что скажешь о высоком сутулом иудее с татуировкой то ли угря, то ли змеи на правой кисти?

На этот раз Джимми ответил без запинки:

— Ури Кац по прозвищу Вьон. Получил пять лет каменоломен за взлом кассы, мог уже освободиться.

— Вот как? — удивился инспектор и приказал: — Разузнай о нем, Джимми. И хватит пить, похоже, у нас появились планы на вечер...

Я воспользовался паузой и принялся хлебать томатный суп, соленый и горячий.

На место выехали, когда город уже окутали сумерки, тихие и незаметные, словно вражеские лазутчики. Разъездной экипаж катил по Ньютонстраат, вдоль дороги сияли электрические фонари, но стоило только свернуть с нее, как враз сгустился мрак. Темень кое-как разгонял лишь скудный свет газовых ламп, которые к этому времени уже заканчивали разжигать бредущие с лестницами от столба к столбу фонарщики; потом пропали и они. В темных закоулках старых районов безраздельно царствовала Никта, разве что над дверями питейных заведений моргали одинокие фонари да из щелей рассохшихся ставень изредка пробивались тусклые лучики света.

Правил экипажем Джимми; он запалил керосиновую лампу, но та не столько освещала дорогу, сколько обозначала нас в ночной тьме. Иначе запросто могли столкнуться с кем-нибудь или затоптать вывалившегося под копыта лошадей пьяницу. Имелись у нас, разумеется, и электрические фонари, только использовать их было равносильно крику во всю глотку, что по улице катит полицейский наряд.

Ни к чему это. Тем более наш экипаж внешне не отличался от частных повозок, сам Джимми сменил мундир на обшарпанные брюки и клетчатый пиджак, а все остальные укрылись от нескромных взглядов внутри.

Роберт Уайт сидел на лавке прямой как штык, лишь беспрестанно бегавшие по верхней крышке электрического фонаря пальцы выдавали его беспокойство. Рамон упер не заряженную пока еще лупару прикладом в пол, оперся на нее и клевал носом. Билли же придерживал отставленные к стенке самозарядные карабины, свой и приятеля, и размеренно пережевывал табачную жвачку. От этого его и без того скуластое лицо с широкой прорезью лягушачьего рта порой превращалось в совсем уж гротескную маску.

Я достал из кармана жестянку и закинул в рот леденец; оказался мятный.

— Испортишь зубы, — ухмыльнулся Билли, непривычно спокойный, словно опившийся опиумной настойки невротик.

— На свои посмотри, — скривился я.

Избавить от коричневатого табачного оттенка не мог никакой зубной порошок, но иного выбора любителям этой немудреной забавы не оставалось с тех самых пор, как производство патентованной каучуковой жевательной резинки встало из-за нехватки сырья. И ожидать улучшения ситуации с поставками каучука в ближайшее время не приходилось: плантации Цейлона и Зюйд-Индии не могли

удовлетворить всех потребностей, а о возобновлении торговли с атеками даже речи не шло. Более того — если в Иудейском море начнется очередная заварушка, торговые суда и вовсе придется направлять вокруг Африки, ведь военные флоты Великого Египта и Персии способны перекрыть и Красное море, и Персидский пролив. Даже преимущество в воздухе не позволит организовать полноценное конвоирование торгового флота, поскольку, в первую очередь, дирижабли потребуются для поддержки наших крепостей на севере Аравийского острова.

Билли в ответ на мое замечание лишь усмехнулся, приоткрыл шторку и сплюнул на улицу. Рамон глянул ему через плечо, встрепетнулся, прогоняя сонливость, и переломил стволы лупары. Затем вытащил из бандольеры солидный патрон со свинцовой пулей в алюминиевой рубашке и отработанным движением сунул его в один из патронников.

Для задержания обычных грабителей столь мощного оружия не требовалось, но неизвестно, с кем доведется повстречаться на темных улочках нашего беспокойного города. А пятьдесят грамм чистой смерти успокоят даже демона; ненадолго, но успокоят.

Главными недостатками четырехствольного монстра, произведенного на Оружейной мануфактуре Хейма, была сильная отдача и немалый вес. Во всем нашем отряде лишь Рамон не испытывал затруднений при обращении с этой машиной.

Тут раздался условленный стук в стенку, и сразу погасли отблески керосиновой лампы; Рамон зарядил последний патрон и поспешно защелкнул стволы.

— Подъезжаем? — уточнил он.

— Подъезжаем, — подтвердил инспектор и, откинув полу плаща, проверил, легко ли выходит из кобуры шестизарядная «Гидра».

Старший брат «Цербера» напоминал многоствольный револьвер и помимо чрезвычайной устойчивости к чарам малефиков и потустороннему воздействию inferнальных созданий — электричество сильнее магии! — отличался громоздкостью и крайне трудоемким процессом перезарядки, а посему особой популярностью среди полицейских не пользовался. Я и сам полагал, что инженерам «Оружейных заводов Теслы» стоило остановиться на трехзарядном «Цербере».

Экипаж начал замедлять бег, и тогда инспектор скомандовал Билли:

— На выход. Ты — на Михельсона.

Констебль распахнул дверцу, передал Джимми второй карабин и спрыгнул на брусчатку, в один момент растворившись в ночной тьме. Рыжий убрал винтовку на колени, потушил керосиновую лампу и натянул поводья, еще больше сдерживая бег лошадей.

Сунув темные очки в нагрудный карман, я расстегнул хлястик кобуры, вытащил «Рот-Штейр» и дослал в ствол патрон. А когда

экипаж повернул на перекрестке, оставляя позади цирюльню, первым соскочил с подножки и метнулся к воротам. В один миг перевалился через них, сдвинул щеколду и приоткрыл, запуская в переулочек инспектора Уайта и Рамона Миро.

Джимми направил карету к соседнему дому и остался сидеть на козлах с карабином в руках; роль караульного его всецело устраивала.

— Сюда! — позвал я за собой инспектора, и тот немедленно шикнул на меня:

— Не шумим!

Электрический фонарь начальник не включил, и до задворков цирюльни пришлось пробираться в крошечной тьме. Новолуние, чтоб его...

К счастью, на заднем дворе темень была уже не столь беспросветной, поэтому отыскать дверь черного хода удалось, минуя разбросанный тут и там хлам и строительный мусор.

— Только тихо! — вновь предупредил Роберт Уайт, когда я убрал пистолет в кобуру и просунул в щель между полотном и косяком прихваченный с собой ломик.

Я осторожно надавил, дверь едва слышно хрустнула и приоткрылась. Рамон с лупарой на изготовку первым перешагнул через порог, инспектор сунулся следом и поспешно щелкнул выключателем фонаря.

Яркий луч пробежался по задней комнате цирюльни — никого.

— Лео, проверь зал и жди здесь, — распорядился Роберт Уайт. — Рамон, мы на второй этаж. И ти-и-ихо!

Отложив ломик на буфет, я взял пистолет двумя руками и двинулся по коридору, стараясь по возможности не скрипеть разошедшимися половицами. Заглянул за занавеску, оглядел силуэты двух пустых кресел — чисто! — и вернулся в заднюю комнату дожидаться возвращения со второго этажа сослуживцев.

— Пусто, — отчитался я, когда инспектор спустился из жилых помещений наверх.

— Там тоже никого, — проворчал Роберт Уайт. — Надеюсь, ты не сбил нас с панталыку...

— Они, должно быть, в подвале! — возразил я.

— Давайте отыщем лестницу, — решил инспектор и высветил выходящие в прихожую двери.

За одной оказалась уборная, а вот вторая привела нас в комнату со штабелями мешков, туго набитых и пыльных. Они занимали едва ли не все помещение целиком, свободным оставался лишь узкий проход у стены.

Я разложил нож, с тихим щелчком зафиксировал складной клинок и аккуратно вспорол плотную ткань; посыпалась земля.

— В яблочко! — выдохнул я тогда, не скрывая облегчения.

— В подвал! — оживился инспектор. — Прихватим их на горячем!

Мы осторожно пробрались по проходу к темному провалу в полу и окружили его, не зная толком, как быть дальше. Недолго думая, инспектор толкнул Рамона в плечо и указал на пол.

— Давай!

Констебль опустился на колени, отложил лупару на запыленные доски и заглянул вниз.

— Свет горит, — почти сразу сообщил он нам.

— Только тихо! Не спугните их! — азартно выдохнул Роберт Уайт, окончательно позабыв обо всех сомнениях на мой счет.

Ну в самом деле — оставлять свет на ночь в подвале цирюльни добропорядочному иудею совершенно не с руки.

— Пошли! Пошли! — скомандовал инспектор. — Быстрее!

Рамон скатился вниз первым, я без промедления метнулся следом, хоть обычно подвалы и не жаловал. Пугали они меня, до неуютного озноба, до мурашек на спине и дрожи в коленях пугали.

Но куда деваться?

Ходу!

Едва не наступая на пятки констеблю, я вбежал в небольшую каморку, чуть ли не наполовину заваленную огромной кучей земли. Здесь же валялись обломки разобранной кладки одной из стен, а немного дальше, за столом в круге света от висевшей под потолком «летучей мыши» сидел долговязый иудей, чью плешистую макушку больше не скрывала черная шляпа.

Заслышав шум шагов, он отставил кружку и обернулся, но при виде направленных на него стволов лупары обмер и совершать глупостей не стал.

— Руки! — шепнул Рамон, иудей повиновался.

Я обогнул кучу натасканной в подвал земли, шагнул через перевернутую тележку и присел рядом с проломом в разобранной стене. Осторожно заглянул в усиленный деревянными распорками лаз, там — одна лишь темень.

— Чисто, — сообщил Рамону.

— Инспектор! — позвал тот начальника, не отрывая от задержанного ни пристального взгляда, ни ружья.

Роберт Уайт без лишней спешки спустился в подвал, подошел к столу и взял лежавший на нем странного вида пистолет. Изогнутой рукоятью и открытым курком задняя часть непонятного оружия напоминала револьвер, в то время как компоновка передней копировала маузер «К63» с той одной лишь разницей, что здесь магазин был съемным.

— «Бергман», номер пять! — объявил инспектор и многозначительно добавил: — Совсем новенький.

Он повертел оружие в руках и как бы невзначай направил ствол на задержанного.

— Кто в подкопе? — спросил Роберт Уайт, большим пальцем играя со спицей курка.

Долговязый иудей шумно сглотнул и поспешно ответил:

— Никого.

— Двое? Трое? — уточнил Роберт, и глаза его стали белее мела и прозрачнее родниковой воды.

— Никого! — вновь соврал задержанный.

Инспектор небрежным движением сдернул с него сначала один накладной пейс, затем другой и с нескрываемой печалью в голосе произнес:

— Зачем ты лжешь мне, Ури?

Иудей задрожал, но оказался не в силах оторвать взгляд от глаз *сиятельного*. Он попытался отвернуть голову, не сумел и этого и как-то сразу весь поник.

— Двое, — признал злоумышленник.

— Вооружены?

— Да.

— Рамон, присмотри за ним, — приказал тогда Уайт констеблю.

— На колени! — немедленно распорядился констебль. — Руки на затылок, пальцы сцепить!

Инспектор Уайт удовлетворенно кивнул, положил пистолет на стол и подошел ко мне.

— Что у тебя, Лео?

Я глянул в темень пролома и невольно поежился:

— Кротовья нора. — Потом спросил: — Инспектор, вызовем Джимми и Билли?

— Разберемся сами, — отрезал начальник, выкрутил регулятор электрического фонаря на полную мощность и достал из кобуры «Гидру». — Вперед! — приказал он, когда яркий луч скользнул по дощатым распоркам и уперся в земляную стену.

Я с тяжелым вздохом забрался в лаз, согнулся там в три погибели и с пистолетом в руке начал продвигаться вперед. Инспектор пытался освещать дорогу, но ничего толкового из этого не выходило, поскольку луч то и дело упирался мне в спину.

Не выдержав, я обернулся и попросил:

— Дайте!

После, уже с фонарем, подобрался к месту, где лаз уходил в сторону, и обнаружил, что грабителям там попалась старая каменная кладка, они не сумели пробиться напрямик и были вынуждены забираться правее.

Ничего удивительного — Новому Вавилону без малого две тысячи лет; здесь история, где ни копни. И хоть постройки повсеместно разбирались для нового строительства, фундаменты попросту уходили под землю, и над ними возводились все новые и новые здания.

Не город, а мечта археолога. Но вот делать в таких условиях под-коп — затея гиблая. Теперь понятно, откуда взялось столь колоссальное количество выбранного грунта.

Я вплотную подобрался к повороту и облизнул пересохшие губы.

Было страшно. Даже очень. В темноте запросто могли притаиться грабители с пистолетами на изготовку или даже...

— Лео! — дернул меня инспектор.

Окрик стряхнул накотившее оцепенение, и оно сменилось раздражением и досадой; будто меня за чем-то неприглядным застали.

Терпеть не могу подвалы!

И наперекор дурным предчувствиям я шагнул за угол. Шагнул в полуприседе, с высоко поднятым над головой фонарем и заранее вскинутым пистолетом, но дальше оказался очередной коридор, проложенный вдоль каменной стены.

— Это дурно пахнет, инспектор, — прошептал я.

Уайт меня словно не услышал.

— Шевелись! — прошипел только в спину.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться макушкой об укреплявшую потолок доску, я возобновил движение, подобрался к следующему повороту и настороженно выглянул из-за угла, не заметил ничего подозрительного, а только шагнул дальше — и нога немедленно подвернулась на вывороченном из старой кладки камне; едва не упал.

Как оказалось, здесь грабителям посчастливилось отыскать в злополучной стене прореху, и они расширили ее в надежде срезать путь через заброшенное подземелье. А тяжеленные камни, в отличие от грунта, выволочь наружу поленились и попросту раскидали их кругом.

Тут я заколебался. История у иудейского квартала была не самая безоблачная, взломщики запросто могли наткнуться на чумное захоронение, а то и что похуже.

— Быстрее! — вновь заторопил меня инспектор.

Он был всерьез намерен перекрыть утреннее фиаско поимкой опасной шайки, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как повиноваться приказу и лезть в прореху частично разобранный стены. За ней темнел коридор. Не лаз, именно коридор.

— Осторожней, — предупредил я инспектора, тихонько ступая по неровному полу, засыпанному землей вперемешку с обломками камней.

Облегчая себе труд, бандиты раскидали здесь выбранный грунт, и теперь мои туфли при каждом шаге глубоко погружались в рыхлую массу.

Выдохнув беззвучное проклятие, я отправился на поиски злоумышленников, но вскоре остановился на развилке.

— Направо? — обернулся посоветоваться с начальником.

На полу было изрядно натоптано, и если налево уходила лишь одна цепочка следов и она же возвращалась обратно, то в противоположном направлении была протоптана настоящая тропинка.

Инспектор протиснулся ко мне, посмотрел на пол и подтвердил.

— Направо!

Освещая дорогу электрическим фонарем, я двинулся дальше. Роберт Уайт шумно сопел позади, и оставалось лишь уповать на то, что стволы «Гидры» опущены к полу, а не нацелены мне в поясницу.

Неровный пол, легкий спуск — но не делать же замечание начальнику?

— Быстрее! — вновь заторопился инспектор.

Я отвлекся на его нервный шепот и немедленно приложился макушкой о каменный выступ потолка.

— Дьявол! — прошипел, опускаясь на корточки от неожиданности и боли.

Раздосадованный начальник забрал фонарь и, не дожидаясь меня, решительно зашагал по коридору.

— Стойте! — выдохнул я ему в спину, отыскивал сбитый с головы котелок и поспешил следом, но прежде чем успел нагнать, Роберт Уайт уже ворвался в зал с каменными колоннами, подпиравшими высокий потолок.

— Ури? — послышался недоуменный возглас. — Ури, поц, какого беся ты сюда приперся?!

Инспектор вскинул руку с «Гидрой», беря на прицел застигнутого врасплох злоумышленника, и скомандовал:

— Руки вверх! Бросай оружие!

В ответ раздался явственный щелчок взведенного курка; и раздался он в противоположном углу, у инспектора за спиной!

— Сам бросай! — сипло выдохнул второй грабитель, выступая из каменной колонны с пистолетом в руке.

Его напарник вмиг воодушевился и выхватил карманный кольт.

— Съел, легавый? — оскалился он.

Инспектор к подобному повороту оказался не готов и замер в замешательстве, а вот я колебаться не стал.

Выступил из коридора, крикнул:

— Полиция! — И для пушного эффекта пальнул в потолок.

В ответ хлопнула пара выстрелов; Роберт Уайт осел на кучу щебня с простреленной грудью, детектив-констебль Орсо выронил дымящийся пистолет и мешком повалился на пол. Во лбу у него зияла черная дыра, он умер мгновенно. А вот инспектор скреб ногами по камням и никак не желал подышать. Кровь пузырилась на его губах, и все же упрямец собрался с силами и приподнял руку с пистолетом.

Тогда я прострелил ему голову. Просто вскинул «Рот-Штейр», прицелился и потянул спуск. Будто на стрельбище.

— Дерьмо, — выдохнул инспектор Уайт.

— Дерьмо, — подтвердил я, вытащил из кармана жестянку с леденцами и дрожащей рукой отправил в рот первую попавшуюся конфету.

Роберт осветил кучу щебня с грабителем, который после смерти вновь стал самим собой, затем перевел луч фонаря на его подельника. Смерть вернула истинный облик и ему.

— Как?! Как ты это сделал? — потребовал ответа инспектор, машинально ощупывая собственную грудь, совершенно невредимую. — Как ты заставил их убить друг друга?

Я пожал плечами, вроде как беспечно.

— Они боялись. Боялись налета полиции, боялись обвала, боялись удара в спину от ненадежных поделщиков. Я просто воспользовался их страхами, заставил их видеть то, чего нет. Это мой талант, вы же знаете.

— Но я тоже это видел! — рявкнул Роберт Уайт, с шумом перевода неровное дыхание. — Проклятье! Я видел, как ты застрелил меня! Ты! Меня!

— Страх есть в каждом, — спокойно подтвердил я. — Неужели вы никогда не задумывались о возможном ранении или даже гибели? Уверен, вы опасаетесь этого, как и все остальные. Издержки профессии.

— Хочешь сказать, будто способен менять силой мысли саму реальность?

— Скорее, силой воображения. У меня чрезвычайно живое воображение. — Я посмотрел на подстреленного грабителя и покачал головой. — И нет, для изменения реальности моих сил недостаточно. Я лишь слегка перелицевал ее, только и всего.

О том, каким именно образом чужие страхи питают мой талант, говорить не стал. В противном случае разговор мог пойти слишком далеко; обвинение в черной магии — это серьезно даже для сиятельного.

Инспектор только покачал головой и убрал пистолет в кобуру. Я последовал его примеру и спросил:

— Что теперь?

— Не знаю, — ответил Роберт Уайт и осветил подземный зал. — Не вижу пролома в банк.

— Возможно, его еще не выкопали?

— Или он не здесь, — решил инспектор и позвал меня за собой: — Идем! Эту падаль отправим в морг утром.

Оставив мертвецов на залитом кровью полу, мы вернулись к развилке и зашагали по второму коридору. Вскоре Роберт Уайт замедлил шаг и поднял фонарь, направляя яркий луч в черный зев пустого дверного проема. Тьма сразу попрыгала по углам небольшого зала с высоким куполом потолка, и мы увидели ряды запыленных скамей, каменных и отшлифованных лишь сверху.

— Проверь! — приказал инспектор.

После недавнего инцидента желания лезть напролом у него изрядно поубавилось.

Прежде чем шагнуть внутрь, я на всякий случай вытащил из кобуры «Рот-Штейр», но оружие не понадобилось: в небольшом помещении никого не оказалось, как не оказалось и другого выхода.

Тушик.

Тупик — да, но что это за помещение?

— Странно... — пробормотал я, возвращая пистолет в кобуру.

— Что там у тебя? — Инспектор протиснулся мимо меня и повертел фонарем из стороны в сторону. — Похоже на заброшенную часовню, — объявил он и решил: — Давние дела.

— Вполне вероятно, — кивнул я, соглашаясь. — Посветите туда, будьте любезны! — попросил я начальника, указав в конец помещения, где, по моим предложениям, некогда находился алтарь.

Роберт Уайт небрежно мазнул лучом фонаря по дальней стене и направился на выход.

— Идем! — позвал он, но я не смог даже слова вымолвить, будто паралич разбил.

Да паралич и разбил. Ведь на меня взирал *падший*.

Прямо здесь и сейчас он смотрел на меня, и его бездонные глаза вбирали в себя всю тьму, злобу и несправедливость этого мира; всю — и немного сверху.

Впрочем, немного ли?

Не уверен...

Сознание вернулось хлесткой пощечиной.

— Детектив-констебль! — прорвался в забытье рык инспектора. — Очнитесь немедленно!

Я жадно глотнул воздух и отполз к ближайшей скамье, там уселся на пол, прислонясь к ней спиной, и стиснул ладонями виски в жалкой попытке не дать взорваться многострадальной голове.

— Что с тобой, Лео? — Роберт Уайт опустил на корточки и потормошил меня за плечо. — Что случилось?!

— Падший, — выдохнул я. — Там...

Инспектор обернулся к дальней стене, затем уставился на меня с нескрываемым раздражением.

— Ты бредишь, Лео? — язвительно поинтересовался он. — Это просто статуя!

— Совсем нет! Это падший, говорю вам!

Роберт Уайт озадаченно хмыкнул и снова осветил стену.

— Это статуя, — заявил он после недолгой заминки, но уже не столь уверенно. — Странная статуя...

Извятие и в самом деле поражало своей неправильностью. Оно было проработано до мельчайших деталей, буквально до каждой ворсинки, волоска, складки мраморной кожи, — но только выше пояса. Ноги скрывались в стене, более того — их не вмуровали, они просто сплывались с кладкой в единое целое, словно падший рвался на волю и лишь самую малость не успел освободиться из каменного плена.

— Разве вы не чувствуете, инспектор? — спросил я, переборол слабость и оперся о скамью. Поднялся с пола и повторил вопрос: — Разве вы не чувствуете?

На падшего лишний раз старался не смотреть. Если начистоту, старался не смотреть вовсе. Падший, пусть даже и в каменном обличе, давил ощущением беспредельного могущества и острой чуждости этому миру. Каждая черта каменного лица поражала своим совершенством, но все вместе они сливались в нечто столь идеальное, что ничего человеческого в застывшей маске не оставалось вовсе.

Идеал без малейшего изъяна.

Мертвый идеал.

И этот идеал подавлял.

— Не чувствую чего? — не на шутку разозлился Роберт Уайт. — Ты бредишь, Лео!

— Вы же сиятельный! Вы не можете этого не ощущать!

Инспектор ожег меня гневным взглядом, подступил к статуе и решительно приложил ладонь к каменной груди. Я невольно проследил за ним взглядом и сам не заметил, как моим вниманием вновь завладело мраморное изваяние; завладело целиком и полностью. Падший увеличился в размерах, заполняя собой все помещение, его раскинутые в разные стороны каменные крылья засветились изнутри янтарным сиянием, но в часовне от этого стало лишь темнее. И глаза... черные глаза больше не были мертвы, их заполонила беспредельная тьма. Тьма и нечто еще, нечто вроде презрительного недоумения.

Чужая воля невидимой рукой вновь придавила к полу, забралась в голову, порывом призрачного ветра переверорила воспоминания. Я попробовал перебраться к выходу, но руки и ноги окончательно отнялись, и уж не знаю, чем бы все это закончилось, если б не хлопнул перегоревший фонарь. Задымилась проводка, помещение наполнил запах горелой резины, и эта едкая вонь помогла совладать с жутким наваждением, сбросить оцепенение и вывалиться в коридор.

Роберт Уайт выскочил следом, вздернул меня на ноги, локтем придавил к стене.

— Что за дьявол?! — прорычал инспектор, брызжа слюной.

— Это падший! — выкрикнул я, отодрал от себя руку начальника и потихоньку, по стеночке продолжил отодвигаться от жуткой часовни. — Не знаю, как его обратили в камень, но это самый настоящий падший! Надо сообщить властям. Надо завалить подземелье, пока он не вырвался на волю!

— Остынь! — одернул меня инспектор. — Даже если это так, сколько десятилетий он пылится здесь? Сколько веков? Ему не освободиться, Лео! Никак не освободиться.

— Я могу вернуть его к жизни. А если могу я, сможет и кто-нибудь еще!

Роберт Уайт даже отступил на шаг назад.

— Ты рехнулся! — заявил он.

— Нет! — уверил я начальника. — Это все мой талант, мое клятое воображение! Мне достаточно просто представить его свободным!

Понимаете? Достаточно вообразить это, и он вырвется на волю! Освободить его просто, слишком просто. Надо завалить часовню!

— Что ты несешь?! — Инспектор вновь подступил ко мне и резко встряхнул за плечи. — Ты всегда говорил о страхе! О том, что именно чужие страхи питают твой талант и придают ему силу!

— Падший и есть сама сила! Чистая, ничем не замутненная сила!

Инфернальные создания являлись воплотившейся в материальном мире энергией. Они щедро делились своей властью с присягнувшими им смертными и походили на генераторы, только производили не электричество, а смерть, горе и разрушения.

И если малефики были вынуждены расплачиваться с выходцами из преисподней собственной душой и чужими жизнями, то мой талант позволял использовать силу потусторонних созданий напрямую, ведь страх и смертный ужас шагали с ними рука об руку.

Но падший был слишком силен. Падший подавлял своим неземным величием и яростным ураганом выметал из головы все образы, кроме собственного. Я был для него лишь инструментом, способным взломать проклятие и обратить каменную твердь в живую плоть; безвольной отмычкой, только и всего.

Участие в столь противоестественной метаморфозе неминуемо выжжет мне разум, только с чего бы падшему печалиться по этому поводу? Инструментам свойственно ломаться, не так ли?

Но Роберту Уайту мои уверения убедительными не показались.

— Хватит! — приказал он.

— Нет, не хватит, инспектор! — забыв про субординацию, придвинулся я к собеседнику. — Разве падшие не повелевали силами, выходящими за границы человеческого понимания? Проклятье! Да вспомните, что они сотворили с Аравийским полуостровом! Они попросту оторвали от него изрядный кусок и зашвырнули через полмира в Атлантический океан! Им потребовался день, чтобы создать Атлантиду, один лишь день!

— Все это чушь собачья! — отрезал Роберт Уайт и оттолкнул меня обратно к стене. — Я сам во всем разберусь, понял? Никому ни слова. Ни Джимми, ни Билли, ни Рамону. Ни одной живой душе, ты понял меня, Лео? Это приказ!

— Слушаюсь, — согласился я хранить молчание, но без всякой охоты.

— Тогда идем.

Роберт Уайт отправился на выход, я поплелся следом и спросил:

— Сердце билось? Инспектор, вы чувствовали биение его сердца? Ведь чувствовали, так?

Инспектор с обреченным вздохом остановился и посмотрел на ладонь, которую прикладывал к каменной груди.

— Билось! — подтвердил вдруг он. — Оно билось, Лео. Но будь добр, держи язык за зубами. Хорошо?

• Бессердечный •

Часть первая

МАВР. ЗАКАЛЕННАЯ СТАЛЬ И ЗАГУЩЕННЫЙ КЕРОСИН

1

Ночь. Мрак. Скорость.

Риск.

Надсадно ревет движок; броневик несется по размокшей от дождя проселочной дороге, ежеминутно и даже ежесекундно рискуя слететь на обочину и завязнуть в грязи, а то и вовсе врезаться в дерево или перевернуться. Колеса подпрыгивают на кочках и проваливаются в выбоины, руль всякий раз дергается и пытается вырваться из рук, приходится стискивать его изо всех сил, дабы не упустить и не потерять управление.

Первая же оплошность грозила стать и последней.

Скорость. Риск.

Ноги давно занемели, спину нещадно ломило, а глаза беспрестанно слезились, но я нисколько не раскаивался, что сорвался в имение дяди глухой ночью, сразу, как только покончил с формальностями в китайском квартале. А вот Рамон Миро жалел об этом с самого начала нашей безумной поездки.

Его неизменно красноватого оттенка лицо сейчас напоминало цветом сметану, сам же бывший констебль расщеперился, как морская звезда, опасаясь вылететь из кресла при очередном рывке, и явно боролся с рвотными позывами. В то, что неведомый душитель сумеет нас опередить, он нисколько не верил и не переставал об этом твердить, пока его окончательно не укачало.

— Остановись почистить фары! — потребовал он.

— И так светят! — отмахнулся я, не желая терять время.

«Или пан, или пропал! — мысленно повторил я слышанную от дедушки поговорку. — Или пан, или пропал, и никак иначе!»

Мы должны успеть. Успеть во что бы то ни стало!

К счастью, за городом дождь стих, а дорога большей частью бежала среди полей, обходя лески и рощицы стороной. Мне оставалось лишь высматривать ямы и давить на газ, выжимая из движка все заложенные в него лошадиные силы.

Тот бешено стрекотал, пожирая гранулы тротила, в кузове громышал незакрепленный груз, и не было слышно даже собственных мыслей, но вопрос Рамона я разобрал.

— Нет! — ни на миг не отрывая взгляда от дороги, крикнул в ответ. — Понятия не имею, кто удавил иудея!

Но точно не человек. Ладони простых смертных не обжигают жертв холодом, не оставляют на их коже следов обморожения. Аарона Малка прикончило либо inferнальное создание, либо *сиятельный* — один из тех налетчиков, что пытались взять меня в оборот.

Кто именно — не суть важно. Важно его опередить.

Убийце теперь доподлинно известно, где именно находится алюминевая шкатулка с руной молнии на крышке, и очень скоро граф Косице расстанется не только с ней, но и с собственной жизнью. Последнее, если честно, трогало меня мало, да только шансы отправиться при таком раскладе вслед за дядей превышали все разумные пределы.

Если шкатулку заполучат сиятельные, на меня откроют охоту малефики, в противном случае придется и дальше бегать от таинственных банковских грабителей. Только со шкатулкой я мог начать собственную игру; лишь продвинувшись в расследовании, имел реальные шансы переиграть своих оппонентов.

Тут переднее колесо ухнуло в яму, самоходную коляску подбросило, а потом потащило по грязи; в самый последний момент я справился с управлением и выровнял броневик, когда тот уже съехал на обочину и едва не перевернулся в кювет.

Рамон судорожно сглотнул и простонал:

— Ненавижу тебя, Лео!

Я только ухмыльнулся:

— Подумай о трех тысячах...

— Я их уже заработал! — немедленно взвыл крепыш. — Уже! А ты травил меня в новую авантюру!

— Охоту на оборотня ты тоже полагал авантюрой, так? — легко нашелся с ответом я.

Но Рамон Миро за словом в карман не полез. Он сунул палец в прореху распоротого и залитого кровью плаща и обвиняюще произнес:

— А это нормально, по-твоему?

Парировать этот неоспоримый довод было нечем, да я не стал и пытаться.

— Надо выяснить, из-за чего все это началось! Узнаем, что стоит на кону, — озолотимся!

И вновь Рамон оказался безжалостно точен в формулировках.

— Это надо тебе! — заявил он. — Не мне! Ты озолотишься, не я.

— Не беспокойся, ты тоже внакладе не останешься, — пообещал я, заметил мерцавшие по правую руку огоньки и предупредил: — Проехали станцию, скоро будем на месте.

Рамон промолчал.

Переполошив своим стрекотом и собак, и людей, броневик промчался мимо фермы арендаторов, затем обогнул дубраву и покатил напрямиком к усадьбе.

— Подъезжаем, — предупредил я приятеля. — Готовься.

— Выключи фары, — посоветовал Рамон.

— Пустое, — отказался я не столько даже из-за опасения вылететь на обочину, сколько из-за хлопков двигателя. Такой шум не услышит разве что глухой.

Или мертвый.

Именно эта мысль промелькнула в голове, когда броневик остановился перед закрытыми воротами имения. В оконце сторожки моргал неяркий огонек, но давешний старик и не подумал выглянуть на улицу и выяснить причину визита полицейских в столь неурочный час.

Что-то было не так.

— Что-то не так, — сказал я Рамону.

Да тот и без моего предупреждения уже укрылся за кутившимся паром капотом броневика и упер в плечо приклад винчестера.

— Что я здесь вообще делаю? — простонал он.

— Прикрываешь меня! — напомнил я и выбрался из кабины. — Не зевай! — предупредил приятеля, обежал самоходную коляску и, откинув задний борт, забросил в кузов трость. Взамен вытащил самозарядный карабин и пару подсумков с загодя снаряженными магазинами.

— Очки не мешают? — спросил тогда Рамон.

Я приподнял окуляры из затемненного стекла и хмыкнул:

— Думаешь, так лучше?

Красноватое лицо напарника осветилось отблеском моих сиявших в темноте глаз, и он признал:

— Нет. Верни.

Я опустил очки на нос, осторожно приблизился к воротам и, пристроив винтовку на перекладине, скомандовал Рамону:

— Давай!

Крепыш в один миг перемахнул через ограду, отпер калитку и запустил меня на территорию имения.

— Сторожка! — шепотом предупредил он.

— Ты первый! — столь же беззвучно выдохнул я в ответ.

Шуметь и во всеуслышание объявлять о своем визите не хотелось, даже несмотря на немалый риск поймать заряд соли или мелкой дроби.

Прикрывая друг друга, мы подобрались к приоткрытой двери, там Рамон заглянул внутрь и сразу отпрянул.

— Мертв, — сообщил он и добавил: — Шея сломана.

— Проклятье! — выругался я, на миг заколебался, потом распорядился: — Жди! — и поспешил к броневику.

Снял рулевое колесо, закинул его в кузов, следом забрался сам. На ощупь отыскал закрепленный под лавкой ящик с гранатами, достал две, вкрутил запалы. Потом навесил на борт массивный замок и вернулся к напарнику уже спокойным и собранным, без малейшей дрожи в коленях.

— Надо вызывать подкрепление! — злым шепотом встретил меня Рамон, совсем позабыв о недавнем увольнении.

Я на его больной мозоли топтаться не стал и лишь покачал головой:

— Думаю, мы опоздали.

— С чего ты это взял? — удивился крепыш.

— Дирижабля нет, — сообщил я, указав на одинокий фонарь причальной мачты.

Не горели сигнальные огни летательного аппарата, не проглядывал из ночного мрака белый овал полужесткого корпуса.

— На дирижабле мог улететь убийца, — предположил Рамон.

— Тогда тем более волноваться не о чем, — хмыкнул я и двинулся к родовому особняку.

Крепыш направился было следом, но сразу остановился и заявил:

— Улетел граф или убийца — нам незачем туда идти!

— Брось! — попытался урезонить я напарника. — Мы должны выяснить, что именно здесь произошло!

— На кой черт?

— Чтобы элементарно знать, кого именно разыскивать! К тому же если на дирижабле улетел граф, то душитель где-то поблизости. Вдруг получится его разговорить?

— Нет, — отрезал Рамон. — Это плохая идея.

Я оглядел темный, без единого светящегося окна силуэт особняка, конюшню и разросшийся сад, способный скрыть целую роту солдат, и мысленно согласился с приятелем.

Это и в самом деле была плохая идея. Плохая и очень опасная.

Но вслух сказал другое.

— Либо мы идем вместе, — беспечно пожал я плечами, — либо дождайся меня в броневике. Только учти — если я сгину, иудеи тебе за оборотня ни сантима не заплатят. Подумай об этом!

— Проклятье! — выругался Рамон, вытер вспотевшее лицо и нервно глянул на мрачный особняк. — Черт с тобой! — сдался он. — Идем!

С тихим смешком я первым двинулся по аллее, дошел до поворота к конюшне, но сворачивать к ней не стал, не желая терять время. Меня манил к себе особняк.

Манил? Я поймал себя на этой мысли и даже замедлил шаг.

Азарт схлынул, словно я переступил некий рубеж, мир вновь обрел объем, силуэты зданий и садовых деревьев перестали казаться вырезанными из фанеры и небрежно раскрашенными театральными

декорациями, накатило понимание, что все это происходит прямо здесь и сейчас.

Вернулся страх.

Я замер на месте, вслушался в тишину ночи. Без плеска наших сапог по лужам кругом воцарилась совсем уж гробовая тишина, только прокатился где-то далеко-далеко гудок паровоза. Но он донесся будто из другого мира; даже все имперские бронепоезда, вместе взятые, помочь нам сейчас, увы, ничем не могли.

— Лео! — тихонько шепнул Рамон. — Что такое?

Я передернул плечами, чтобы унять некстати разыгравшееся воображение, и двинулся дальше. Родовое имение мрачной громадой выросло из темноты; вскоре нам удалось различить распахнутую настежь входную дверь.

— Будь я проклят, если нас не приглашают внутрь! — выдохнул Рамон. — «Заходи в гости», — сказал паук мухе!

Нервное напряжение развязало немногословному крепышу язык, и я счел нужным успокоить его. Просто протянул одну из прихваченных с собой гранат.

— Держи.

— Не терпится тут все разнести? — пошутил Рамон, нервно озираясь по сторонам. — Может, сразу дом подожжем, чтобы время не терять?

— Отличная идея! — буркнул я, медленно и осторожно поднимаясь на крыльцо. — Прикрывай! — позвал приятеля, первым шагнув через порог.

В прихожей мы постояли, всматриваясь в темноту, затем я щелкнул выключателем, но электрическая лампочка под потолком не зажглась.

Тогда я повесил карабин на плечо, достал из кобуры «Рот-Штейр» и попросил напарника:

— Фонарь!

Рамон передал мне карманный фонарик; яркий луч скользнул по прихожей и сразу выхватил из темноты тело дворецкого. Да еще из коридора торчали чьи-то ноги в поношенных штиблетах.

Переступив через тело ночного сторожа, мы прошли в гостиную, там на софе лежала горничная с запрокинутой головой. Обескровленное лицо по цвету ничем не отличалось от белого передника.

— Вот черт! — выдохнул Рамон Миро.

— Тише! — шикнул я на него, прислушиваясь к тишине.

За стеной тихонько поскрипывал сверчок, и только. Больше не было слышно ни звука.

— За мной! — скомандовал я тогда и начал первым подниматься на второй этаж.

Яркий луч фонаря плясал и прыгал из стороны в сторону, легко освещая темные углы, и все же меня не оставляло чувство, что из тьмы за нами наблюдают чьи-то холодные глаза.

Самовнушение? Да черт его знает...

Второй этаж проверять не стали.

— Сначала осмотрим кабинет графа, — решил я и двинулся по лестнице дальше.

Как-то совершенно неожиданно у меня пропало всякое желание выслеживать неведомого душителя; захотелось развернуться и бежать отсюда без оглядки, и даже не знаю, что именно удержало от этого постыдного шага — остатки бушевавшего в крови азарта или опасение показаться смешным.

Подозреваю, все же второе.

Мы поднялись на третий этаж, я шагнул в коридор и замер как вкопанный, когда в распахнутой настезь двери кабинета мелькнули отблески керосиновой лампы

И тень! Тень на полу перед дверью слегка колыхалась, то отползая в одну сторону, то скользя в другую. В кабинете кто-то был.

Выключив фонарь, я сунул его в карман и приложил к губам указательный палец. Рамон кивнул, давая понять, что разглядел тень, и весь подобрался в ожидании схватки.

Я перехватил «Рот-Штейр» двумя руками и двинулся вперед. Бесшумно ступая по ковровой дорожке, прокрался по коридору и одним стремительным прыжком заскочил в кабинет. А там сразу отшатнулся в сторону, освобождая место напарнику.

Стрелять не стал: в кабинете никого не оказалось, только валялись всюду в спешке раскиданные бумаги да щерился прорехами вывернутых на пол ящичков секретер.

Но я ошибся! В первый миг взгляд просто соскользнул с растворенной в тенях фигуры у письменного стола. Огонек керосиновой лампы трепыхался за спиной у неподвижно замершего человека и превращал его черный силуэт в подобие одной из скользких рыбин, что бездумно скользили в аквариуме у дальней стены.

Глаза выхватили из темноты лишь плащ и широкополую шляпу с плоской тульей; больше ничего разглядеть не удалось.

Тени, чтобы их!

Я скинул пистолет, беря незнакомца на прицел, но прежде чем успел — решился? — выжать спусковой крючок, раздался неприятный свистящий полусшепот, столь же призрачный, как и тени вокруг:

— Не стоит!

Фраза неприятной ломотой отозвалась в висках, и я в нерешительности замер с поднятым пистолетом, а вот Рамон медлить не стал. Винчестер оглушительно грохнул, дульная вспышка в клочья разодрала заполонившие кабинет тени, но малефик даже не шелкнулся.

Он выдержал театральную паузу, затем посмотрел на зажатую в руке пулю и безразлично произнес:

— Напрасная трата патронов.

Обозленный неудачей Рамон рванул рычаг винчестера, выкидывая на пол стреляющую гильзу, но я остановил его, повторив слова незнакомца:

— Не стоит!

Выложенная таинственным душителем на край письменного стола пуля оказалась не только покрыта инеем, но и деформированна; тонкие пальцы незнакомца смяли алюминиевую оболочку.

— Верное решение, — рассмеялся малефик и жестом фокусника извлек из воздуха шкатулку из светло-серого металла с ломаной рунной молнии на крышке. — Полагаю, вас это интересует, сиятельный Орсо?

— Возможно, — осторожно ответил я, гадая, как быть дальше.

Действовать с позиции силы или проявить благоразумие? Напасть первым или попытаться договориться?

Смятая пальцами пуля делала бесперспективным первое; выказанная душителем безжалостность лишала надежды на второе.

И как поступить?

Рамон шагнул от двери в одну сторону, я двинулся в другую. Керосиновая лампа теперь не светила душителю в спину, но даже так сгустившиеся под его шляпой тени были непроницаемы для взгляда и скрывали лицо лучше всякой маски.

— Гадаете, где граф? — спокойно поинтересовался малефик; Рамона он упорно игнорировал и поворачивался на месте вслед за мной.

Я встал так, чтобы нас разделял письменный стол, и демонстративно убрал пистолет в кобуру.

— Даже если граф в аду, особо горевать по этому поводу не стану, — ответил после этого, не особо кривя душой.

— Возможно, и в аду, — усмехнулся душитель. — Хотите взглянуть? — протянул он шкатулку, но сразу отдернул руку обратно, словно дразня.

— Взглянуть? — озадачился я, облизнул губы, спросил: — На каких условиях? — и сразу понял, что совершил непростительную ошибку. Возможно даже фатальную.

Расслабленность душителя в один миг сменилась хищным интересом.

— Не знаете, что внутри, так? — даже подался он вперед, и лишь мелькнувший перед лицом огонек керосиновой лампы заставил его выпрямиться и отступить.

И впервые свистящий полушепот не отозвался колючим эхом в моей голове, принуждая к быстрому и опрометчиво-откровенному ответу.

— А вы? — спросил я, глядя на трепыхавшего за стеклом огненного мотылька. — Вы знаете?

— Не важно, — ответил малефик, и тени вокруг него пришли в движение, будто обвивавшие циркача удавы.

Один из призрачных жгутов скользнул к Рамону и обернулся вокруг его лодыжки; крепыш замер на полушаге, а направленный на душителя ствол винчестера вдруг вздрогнул и начал смещаться в мою сторону.

Я с обреченным вздохом снял темные очки, но сияние глаз нисколько не смутило малефика, он только рассмеялся:

— И что же вы будете делать, сиятельный? Напугаете меня до смерти?

— Прихвачу с собой в ад, — ответил я и небрежным движением скинул лампу на пол.

Стекло немедленно раскололось, керосин разлился по кабинету и вспыхнул. Пламя вмиг дотянулось до штор, взлетело к потолку, запылило разбросанные повсюду бумаги, вывернутые ящики, а потом и мебель.

Рамон отбросил винчестер и сорвал с себя объятый пламенем плащ, наткнулся на стул и живым факелом покатился по полу. Меня пожар отрезал от входной двери и загнал в угол, а вот душитель не потерял присутствия духа — или же обезумел от страха? — и ринулся к спасительному выходу напрямик через огненную стихию.

Я взглянул на хронометр, выжидая загаданную минуту, но Рамон протянул ко мне руку и умоляюще прохрипел:

— Перестань!

Решив не испытывать терпение напарника, я снял с плеча карабин и ударом приклада рассадил боковую стенку аквариума. Хлынувшая на пол вода в один миг смыла лужицу горящего керосина, и в кабинете воцарилась непроглядная темнота.

— Адский пламень! — прошептал Рамон пересохшими губами и отлип от стены. — Как же больно!

— Молчи! — шикнул я на него, перебежал к входной двери и выглянул в коридор, но душителя уже и след простыл. Прислушался — от густой тишины зазвенело в ушах.

Рамон встал рядом и едва слышно выдохнул:

— Ушел?

— Ушел, — подтвердил я столь же тихо.

Крепыш с облегчением вытер покрытый испариной лоб и без сил повалился в кресло. Его зацепил лишь малый отголосок чужого ужаса, но даже так он походил на одну из бившихся в опустевшем аквариуме рыб.

— Он не вернется? — спросил Рамон, когда я включил электрический фонарик и принялся изучать учиненный в кабинете разгром.

— Нет, — уверенно заявил я в ответ. — А если и вернется, то увидит дом в огне.

— Как ты сделал это?

Я только рассмеялся:

— Это все мой талант, дружище, не забыл?

Душитель боялся огня; я заметил это по той резкости, с которой он отпрянул от керосиновой лампы. Оставалось лишь вовремя дернуть за эту ниточку и превратить лужицу горящего керосина в бушующий пожар.

У страха глаза велики? Воистину так!

На полу в луче электрического фонаря сверкнул отблеск алюминиевой шкатулки; я натянул перчатки и поднял ее, но замок оказался взломан, а сама она — пуста.

— Проклятье! — выругался я, не скрывая разочарования.

— Что такое? — встрепенулся Рамон.

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем! — огрызнулся я, в сердцах зашвырнул шкатулку в угол и прошелся по кабинету, но так и не пришел ни к какому определенному выводу, чьих рук дело этот кавардак: спасавшегося бегством графа или прибывшего по его душу малефика.

— Лео, надо убираться отсюда! — поторопил меня крепыш, когда я начал разбирать разбросанные по полу обгорелые бумаги, мокрые из-за разлившейся всюду воды.

— Надо, — согласился я с напарником и сунул в карман смятую душителем пулю. — Только сначала проверим дом.

Комнату за комнатой мы обошли весь особняк, но на втором и третьем этаже никого не оказалось, а все слуги внизу были мертвы. Душитель отличался завидной методичностью, он не упустил никого.

— Где родные графа? — спросил Рамон, когда мы прошли в гостиную.

— Дочери в пансионе, жена на водах, — ответил я. — Континентальная Европа, до них не добраться ни нам, ни малефику. Нам — так точно.

— Будешь искать графа?

— А сам как думаешь?

— Твое дело, — не стал отговаривать меня Рамон и вдруг указал на тело служанки, распростертое на софе. — Подожди-ка!

— Что такое?

— Посвети на шею!

Я выполнил распоряжение напарника, присмотрелся и сразу заметил две темно-синих отметины на мертвенно-бледной коже.

— Чтоб меня разорвало! — охнул крепыш. — Здесь был вампир!

По спине пробежал неприятный холодок; я пересилил себя и заставил прикоснуться к мертвой девице. Тело уже остыло, но в отличие от остальных жертв только-только начинало коченеть.

— Во что ты втравил меня, Лео?! — зашипел Рамон испуганно и гневно. — Малефики и вампиры, подумать только! Да вампиров даже в Европе почти не осталось, а у нас и подавно!

— Если оборотень прилетел из Нового Света, почему бы не сделать это вампиру? — пробурчал я.

— Зачем? На кой черт? Что происходит, Лео?

Я отмахнулся от напарника и поспешил на выход.

— Давай убираться отсюда! Уже светает!

— Нет, постой!

— Так не терпится угодить за решетку? — нахмурился я, глянув на приятеля сверху вниз.

— Хорошо, после поговорим! — решил крепыш, но стоило только мне двинуться к выходу, ухватил за руку и придержал. — А ты уверен, что малефик был один? — спросил он и первым выглянул на улицу с винчестером на изготовку.

— Почему нет? — удивился я.

— Как он смог в одиночку перебить столько людей?

— Тени, — напомнил я. — Ему помогали тени. Ты меня чуть не подстрелил из-за одной такой, помнишь?

Рамона от неприятного воспоминания откровенно передернуло, он загнал в трубчатый магазин винчестера патрон взамен стреляного и пробурчал:

— Все равно не зевай!

Я кивнул и снял с плеча самозарядный карабин. Душителя винтовочной пулей точно не пронять, но вампиры имеют обыкновение окружать себя смертными помощниками. Да и спокойней с оружием в руках-то...

Высокое крыльцо особняка выходило на восток, на самом горизонте облака уже окрасились розовым, и я негромко произнес:

— Светает!

Крепыш кивнул, давая понять, что расслышал мои слова, но бдительности не потерял; в байки о сгорающих на солнечном свете вампирах он не верил. Я, если начистоту, — тоже. Поэтому до броневика добирались без лишней спешки, не отрывая глаз от подступавших к аллее деревьев и кустов.

Птицы уже затеяли свою обычную утреннюю перебранку, от фермы арендаторов донесся петушиный крик, и риск наткнуться на случайного прохожего возрастал с каждой минутой. Подойдя к воротам, мы распахнули калитку и опрометью бросились к броневику.

Рамон предусмотрительно заглянул под самоходную коляску и дал отмашку:

— Порядок!

Тогда я отпер кузов и закинул в него винтовку, взамен достал левое колесо. Крепыш подбежал и протянул винчестер.

— Убери, — попросил он.

Я принял ружье и сразу простонал:

— Болван!

— Что такое? — встрепенулся Рамон.

— Гильза! — крикнул я. — Стреляная гильза осталась в кабинете дяди! Отпечатки!

— Будь я проклят! — Рамон побледнел как полотно, но сразу поборол растерянность, выхватил у меня баранку и забрался в кабину.

— Возвращаемся! Быстрее! — крикнул он, ставя на место рулевое колесо.

— Заводи! — отозвался я и вскочил на подножку со стороны пассажирского сиденья.

Затрещал двигатель; под частые-частые хлопки броневик подкатил к воротам, легко снес их и въехал на территорию усадьбы. При ударе нас ощутимо тряхнуло, и самоходная коляска даже выкатилась на газон, но Рамону удалось вовремя вывернуть руль и вернуться на аллею.

В один миг мы домчались до особняка, там крепыш резко затормозил, выскочил из кабины и опрометью бросился в дом. Я перебрался на его место, заранее развернул броневик к выезду и поднял откинутый до того на капот лобовой бронелист. Ночью ехать с закрытым ветровым стеклом не представлялось возможным, но сейчас уже рассвело, сельский люд давно проснулся, и меньше всего мне хотелось, чтобы какой-нибудь не в меру зоркий арендатор сообщил впоследствии полицейским наши приметы.

Вновь хлопнула входная дверь, Рамон стремительно сбежал с крыльца и забрался в кабину.

— Погнали! — крикнул он.

— Нашел?

— Да! — подтвердил крепыш, переведа сбившееся дыхание. — Да погнали же!

И мы погнали. Не останавливались до самого города, даже воду в радиатор не доливали, пока не загнали броневик в глухой проезд на задворках какой-то мануфактуры.

Рамон побежал с ведром к колонке на соседний перекресток, а я принялся расхаживать вокруг самоходной коляски, разминая затекшие ноги и посматривая по сторонам. Спину нещадно ломило, голова налилась свинцом, а руки дрожали от усталости, но не находил я себе места вовсе не из-за плохого самочувствия.

Беспокоило совсем иное.

— Что делать с самоходной коляской? — спросил у вернувшегося с водой напарника. — Все знали, что мы с дядей не в ладах, не удивлюсь, если сегодня-завтра ко мне нагрянут с обыском.

— Такое разве возможно? — удивился крепыш, заполняя радиатор.

— А сам как думаешь? — фыркнул я.

— Нет! — досадливо махнул приятель рукой. — А карантин? Как они попадут внутрь?

— Рано или поздно подыщут сиятельного с иммунитетом к аггельской чуме. Броневи́к — прямая улика, наследили мы в имени изрядно.

— Избавься от него, — предложил Рамон.

— Не вариант, — отказался я. — Еще пригодится.

— Лео! Из-за этой консервной банки мы можем угодить за решетку!

Я даже ничего слушать не стал.

— Твой кузен со Слесарки... — прищелкнул пальцами. — Что, если загнать броневик к нему?

— Сдурел? — округлил Рамон глаза. — Не стану я впутывать в это семью!

— А угольный склад?

Крепыш задумался, потом кивнул.

— Знаешь, там есть пара заброшенных пакгаузов, — пробормотал он. — До осени в них точно никто не сунется.

— С отдельным въездом? — уточнил я.

— Есть и такие, — подтвердил приятель. — Поехали!

К этому времени давно рассвело, и высыпавшие на улицы обыватели с любопытством глазели на забрызганный грязью до самой крыши полицейский броневик. К счастью, в окрестностях угольного склада, где теперь работал ночным сторожем Рамон, было безлюдно; там компанию нам составила лишь пара брехливых собак.

Рамон указал на нужные ворота, велел ждать и куда-то убежал, а вернулся уже с увесистой связкой ключей.

— Не волнуйся, — успокоил он меня, отпирая заржавелый амбарный замок, — этот пьянчуга не проснется, даже если у него над ухом корабельная пушка выстрелит.

— Сделай в свою смену дубликат.

— Обязательно.

Ворота подались с жутким скрипом, нам пришлось приналечь изо всех сил, распахивая створки, а потом я загнал броневик в черное от угольной крошки нутро пакгауза, заглушил движок и обессиленно протянул напарнику руку:

— Спасибо! Выручил.

Рамон стиснул ладонь своей лапицей и спросил:

— Награду за убийцу банкира когда потребуешь?

— С утра займусь, — решил я, взглянул на часы и поправился: — Да нет, ближе к обеду уже, наверное.

— Не затягивай с этим, — потребовал крепыш. — Хорошо?

— Не сомневайся даже, — пообещал я, взял трость и выбрался из кабины.

Совместными усилиями нам с грехом пополам удалось захлопнуть ворота склада, Рамон навесил на них замок, измазал его угольной пылью и оценивающе оглядел со всех сторон.

— Сойдет, — решил он.

Стоило бы снять со связки нужный ключ, но от усталости мысли путались, а глаза закрывались сами собой. Бессонная ночь и нервотрепка выжали из меня все соки, и единственное, чего сейчас по-настоящему хотелось, — это лечь в кровать и закрыть глаза.

Поэтому только махнул рукой и отправился домой. Спать.

Но добраться до кровати оказалось не так-то просто.

С толку сбила Елизавета-Мария. Она окинула меня оценивающим взглядом и тоном, не терпящим возражений, заявила:

— Чашка чаю тебе сейчас точно не повредит.

Я взглянул на отражение своей бледной и осунувшейся физиономии, отвернулся от зеркала и кивнул:

— Хорошо, накрывай.

— Попьешь на кухне. Надеюсь, хоть это научит тебя являться домой вовремя!

Выяснить отношения я не стал; просто был не в состоянии. Молча убрал на вешалку пыльную куртку, поставил трость в тубу для зонтов, затем избавился от заляпанных грязью сапог и прошел на кухню.

Уселся у окна, отпил горячего сладкого чаю и бездумно уставился на сад с черными, мокрыми от дождя деревьями.

— Вижу, возвращаться под утро входит у тебя в привычку! — многозначительно заметила суккуб, разжигая плиту.

Я промолчал. Не хотелось ни разговаривать, ни шевелиться, и даже постель больше не манила обещанием забытья, представляясь теперь чем-то нереально далеким.

Я сидел у окна и пил чай.

Елизавета-Мария оставила попытки разговаривать со мной и поставила на огонь толстую чугунную сковороду. Налила масла, посыпала специй, и по кухне немедленно разлился аромат экзотических приправ. Пару минут спустя на раскаленный металл шлепнулся шмат мяса, но я не обратил на шипение и шкварчание ни малейшего внимания, и лишь когда девушка выставила передо мной тарелку с едва прожаренным бифштексом, выразил свое недоумение:

— Не слишком плотно для завтрака, как ты считаешь?

— Посмотри на себя, кожа да кости! — возразила девушка. — К тому же подзреваю, для тебя это не завтрак, а поздний ужин.

— С чего ты вообще решила, что я хочу есть?

— От тебя пахнет смертью, — спокойно ответила Елизавета-Мария, — а всякое убийство для человека — лишь прелюдия к сытной трапезе. Даже если это убийство себе подобного, так уж издревле повелось.

— Себе подобного? — скривился я. — Сегодня мы прикончили оборотня. Жуткая была тварь.

— Полагаешь, будто так сильно отличаешься от него? — не удержалась девушка от шпильки.

Меня передернуло.

— Отличаюсь! — резко бросил я. — Весьма и весьма. Все ясно?

— Как скажешь, дорогой, — пожала плечами Елизавета-Мария и достала из ящика бутылку хереса. — Да, кстати! Красное вино продолжает пропадать. Урезонь свою белобрысую мартышку, пока я не оторвала ей руки.

— В последнее время мы с лепреконом не находим общего языка, — покачал я головой.

Если начистоту, вымышленный друг детства просто сводил своими выходками с ума. Я не вспоминал о наглом коротышке долгие годы и теперь никак не мог взять в толк, с какой стати он вообще выбрался из подсознания. Это пугало возможной утратой контроля над собственным даром, ведь ни один мой кошмар не задерживался в этом мире так долго, ни одна фантазия не казалась столь реальной.

Елизавета-Мария была лишь личиной суккуба, а что придавало сил лепрекону?

Ответа на этот вопрос у меня не было.

— Этот коротышка пьет как лошадь, — пожаловалась девушка, усаживаясь напротив с бокалом крепленого вина, и придвинула ко мне тарелку с соусом. — Ешь!

Я собирался отказаться, но живот вдруг подвело от голода. И хоть никогда особо не жаловал плохо прожаренное мясо — а на срезе даже выступила кровь, должен был признать, что стейк оказался очень даже ничего. Острый соус с непонятным, но удивительно тонким вкусом прекрасно его оттенял.

— Слышала что-нибудь о Конvente? — спросил я девушку, отрезая очередной кусочек мяса.

— О Конvente? — озадачилась Елизавета-Мария и пригубила херес, пытаясь скрыть замешательство. — Это идейные, — сообщила она после долгой паузы, когда уже начало казаться, что мне не дожидаться ответа вовсе.

— Идейные? — не понял я.

— Малефик обыкновенный просто счастлив продать свою жалкую душонку в обмен на малую толику силы и прижизненное благополучие. Эти не такие, они грезят о старых временах. Они хотят их вернуть.

— Вот как?

— Именно так, — подтвердила девушка. — А почему ты спрашиваешь?

Я только плечами пожал, не став рассказывать о последних словах умирающего оборотня.

— Не связывайся с Конventом, — предупредила Елизавета-Мария. — Они опасны, чрезвычайно опасны. Перейдешь им дорогу — они убьют тебя и сожрут душу.

— Откуда вдруг такая забота о моей душе?

На миг из-под личины миловидной девушки проступил истинный облик inferнального создания, и огненно-красные глаза адской твари обожгли меня неприкрытой ненавистью.

— В этом случае я останусь ни с чем! — заявила суккуб.

Но меня так просто было не провести. Я разбирался в страхах и мог сказать точно — суккуб боялась, и боялась за себя, не за меня.

— Тебя ведь призвал из ада малефик? — прищурился я. — Он был из Конвента?

— Не хочу об этом говорить.

— Ты сбежала от него и он ищет тебя? А что будет, если найдет?

— Тебе не удастся вывести меня из себя, Лео, — мило улыбнулась Елизавета-Мария, но я не собирался менять тему разговора.

— Быть может, он и награду объявил? — спросил суккуба, глядя прямо в глаза.

— Ничего ты не понимаешь, — вздохнула девушка. — Лео, мы с тобой заключили сделку, это может значить только одно...

— И что же?

— Он давно мертв, — объявила Елизавета-Мария. — Оторвала голову собственными руками. Ты даже не представляешь, как это было приятно!

— Прошу, избавь меня от подробностей! Мы же за столом!

— Не я начала этот разговор, — сухо напомнила суккуб. — И нет, он не был из Конвента. Самонадеянное ничтожество! Умные люди выбирают в *знакомцев* бесов и мелкую нечисть, с которыми можно творить что угодно! А он замахнулся на суккуба! Самонадеянный выскочка!

— Но ведь мелкая нечисть даст меньше силы, разве нет? — удивился я. — Какой от нее прок?

— Силы? — рассмеялась девушка. — Источник силы — божественный огонь человеческой души. Знакомцы нужны для другого.

— Просветишь?

Но девушка уже допила вино и поднялась из-за стола.

— Доедай и отправляйся спать, — потребовала она. Затем отошла к соседнему окну, посмотрела на мертвый сад и вдруг произнесла: — Боль.

— Что, прости? — решил я, будто ослышался.

— Боль, — повторила Елизавета-Мария. — Этот мир встречает болью, а когда хозяин творит заклинания, она удесятерится. Знакомцы принимают ее на себя, вот так. Не всю, лишь часть, но и это невыносимая мука.

— В самом деле?

— О да! Жжение разрывает голову и пронзает сотнями холодных игл. Ты слышал о китайской пытке водой? Монотонная боль подавляет и низводит до уровня животного. Слова. Ты слышишь их, но не можешь понять. Не можешь даже понять, что ты действительно их слышишь.

— И сейчас?

— Нет, милый Лео, вовсе нет. Благодаря этому телу, — девушка отвернулась от окна и провела ладонью от груди до бедра, — боль оставила меня. Но она где-то рядом, ты уж поверь.

Я кивнул и поднялся из-за стола.

— Лео! Держись подальше от Конвента! — повторила суккуб. — Не зли их, не разговаривай с ними, не смотри на них и даже не наступай на их тени. Просто забудь об их существовании, мой тебе совет.

— Тени? — насторожился я. — Тени, которые живут собственной жизнью?

Елизавета-Мария ничего не ответила и вновь отвернулась к окну.

Я поколебался, но в итоге приставать к ней с расспросами не стал, махнул рукой и отправился в спальню.

Малефики, их знакомцы и непонятное жжение, мертвая Кира и ее компаньон, тени душителя — все это могло оказаться частью чего-то большего, но усталость помешала разложить все по полочкам; единственное, на что меняхватило, — это доползти до кровати, поваляться на нее и подгрести под голову подушку.

Спать!

2

Проснулся в один миг. Просто очнулся с ясным предчувствием беды, схватил с тумбочки «Рот-Штейр» и вскочил с кровати.

Оглядел спальню и с облегчением перевел дух — никого.

Дурной сон?

Но тут на подоконнике оставленного открытым окна возникла художава фигура лисы-оборотня; стремительный прыжок — и вот она уже стоит посреди комнаты.

— Давно не виделись, — произнесла миниатюрного сложения девушка с явственным китайским акцентом, а потом ее гладкое личико вдруг вытянулось в жуткую морду, блеснул оскал желтых зубов, мелких, но чрезвычайно острых.

Что острых — я знал это наверняка. И потому без колебания разрядил пистолет в изготовившуюся к прыжку тварь. Пули впустую продырявили деревянную панель за спиной лисы, сама она стремительно сиганула ко мне, но еще быстрее я выкинул вперед руку и рывкнул:

— Хватит!

Тварь развеялась в воздухе, лишь тугой порыв воздуха ударил в лицо, враз прогнав остатки сна. Кошмар, это всего лишь кошмар...

Подсознательно я опасался, что лиса попытается поквитаться, и мой талант не замедлил воплотить этот страх в жизнь. В последнее время он вообще пошел вразнос, мой талант. Как бы не вышло беды.

В дверь застучали; я отпер засов и впустил в комнату Елизавету-Марию.

— Опять кошмар? — спокойно спросила та, отметив многочисленные пулевые отверстия в стене.

— Вовсе нет, — возразил я, посмотрел на дымящийся пистолет в своей руке и пожал плечами. — Пытался изобразить монограмму ее императорского величества, только и всего.

— Нашел чем заняться, — фыркнула девушка и скрылась в коридоре. — Сходи в тир! Ты ужасно стреляешь! — крикнула она уже оттуда.

На смену рыжей ехидне пришел Теодор.

— Понадобится ремонт, виконт? — уточнил он, изучая учиненный мной разгром.

— Пожалуй, просто завесим ковром, — решил я и достал запасную обойму, потом обратил внимание на бледный вид дворецкого и спросил: — Все в порядке, Теодор?

— Разумеется, виконт, — ожидаемо уверил меня слуга, который заметно спал с лица, будто неким доступным лишь близнецам чуть-ем уловил гибель родного человека.

Стоило бы рассказать ему о гибели брата, но я заколебался, не представляя, как отреагирует на это известие слуга. Да и нужны ли ему лишние треволнения? Вовсе не уверен.

— Можешь идти, — отпустил тогда дворецкого, так и не придя ни к какому определенному решению.

Когда-нибудь я обязательно ему обо всем расскажу, но только не сейчас. В другой раз.

Трусость, скажете вы? Вовсе нет, обычная тактичность, и не более того. Нельзя же просто взять и вывалить на дворецкого эдакое известие! Нужно как-то его сначала к этому подготовить, что-то придумать...

Ладно, трусость, и что с того?

Кто из нас без недостатков?

Я перезарядил «Рот-Штейр», оделся и вышел из спальни. Спустился на первый этаж, придирчиво оглядел себя в зеркало, но костюм нигде не топорщился и сидел идеально, будто шили специально на меня. Удивительно даже, учитывая нестандартную фигуру. Длинный и тощий, на такого готовое платье покупать — сущее мучение.

— Лео! — окликнула меня с кухни Елизавета-Мария. — Идем пить чай!

— Не сейчас! — отказался, взглянув на настенные часы. Был второй час дня.

— Лео! — повысила голос девушка.

Я тяжело вздохнул и сдался.

— Давай попробуем представить, будто мы обычная семья, — предложила Елизавета-Мария, когда я уселся за стол и уставился в окно.

Меня так и подмывало ответить грубостью, но усилием воли я сдержал этот неуместный порыв и лишь заметил:

— В нашем случае речь идет о хозяине и прислуге. Такая аналогия представляется мне более уместной.

Елизавета-Мария насыпала в свою кружку две ложечки сахара и спокойно парировала:

— Во многих семьях так и живут, дорогой. Муж-повелитель и бесправная рабыня-жена.

Я взял из корзинки поджаренный тост и снял крышку с баночки малинового мармелада, зачерпнул его ножом и с горестным вздохом покачал головой:

— Суккуб-суфражистка. Куда катится этот мир?

— Не могу сказать, что в аду царит равноправие, но мы более чем толерантны к чужим недостаткам, дорогой. Смертным есть чему у нас поучиться.

— Вот уж даром не надо! — фыркнул я, отпил чаю и спросил: — Что ты знаешь о вампирах?

Девушка склонила голову набок и с интересом уставилась на меня, всем своим видом предлагая продолжать.

— Что непонятного? — пробурчал я, намазывая мармеладом второй тост. — Клыки, бледная кожа, аллергия на солнечный свет, нездоровая тяга к чужой крови. Что ты знаешь о них?

— Собрался в Трансильванию? — пошутила Елизавета-Мария.

Или не пошутила, а спросила на полном серьезе?

— Почему именно в Трансильванию?

— Помнишь, вчера зашел разговор о жжении? — Девушка задумчиво уставилась в чашку с чаем, потом отодвинула ее от себя и сходила за вином; бутылку крепленого красного она прятала в ящике с крупями.

— Жжение? — удивился я. — И что с того?

— Малефики испытывают боль, лишь когда творят заклинания. Это случается не так уж и часто, можно перетерпеть либо заставить страдать вместо себя знакомого. Оборотни мучаются непосредственно после обратного обращения в человека, но даже так в Новом Вавилоне они гости нечастые.

Я кивнул, соглашаясь с этим утверждением, и Елизавета-Мария продолжила:

— Выходцы из преисподней выбираются в этот мир наскоками, от боли они спасаются, облачаясь в чужую плоть, забирая людские души и тела. Иные существа, порождения былых времен, либо бегут от цивилизации, либо деградируют, теряя последние остатки разума. Лишь призраки и порождения магии не чувствуют боли, поскольку не чувствуют ничего.

— К чему ты ведешь?

— Никто не способен долго выносить подобную боль, — объявила Елизавета-Мария. — Вампир не может отказаться от своей сути и

вновь стать обычным человеком ни на день, ни на минуту. Вампир не зомби, поднятый гаянскими мастерами, он способен чувствовать боль. Но тело его мертво, а мертвая плоть не защищает от боли.

— Как давно тебя призвали в наш мир? — спросил я, уловив промелькнувшую в голосе суккуба тоску.

— Не важно! — раздраженно отмахнулась девушка и смежила ресницы, прикрывая засветившиеся недобрый сиянием глаза. — Это не важно, Лео. Главное, что ни один вампир не придет в Новый Вавилон по доброй воле. Это сродни самой изощренной пытке. Только если под угрозой смерти.

— И все же, где их искать?

— В Трансильвании, Румынии или Зюйд-Индии. Среди египтян или ацтеков. На Кубе или в африканских колониях. В сибирской тайге, горах Афганистана и бескрайних азиатских степях. Где угодно, только не здесь, не в больших городах. Даже в провинции жжение не столь сильно...

Но у меня перед глазами стояло обескровленное тело служанки с двумя аккуратными ранами на шее, поэтому я уточнил вопрос, продолжая настаивать на своем:

— Где искать вампира в Новом Вавилоне?

Елизавета-Мария посмотрела в ответ с неприкрытым сомнением, потом с безразличным видом пожала плечами, явно потеряв к этому разговору всякий интерес:

— В какой-нибудь дыре, чем глубже, тем лучше. Если он действительно прибыл в Новый Вавилон, то схоронился в свинцовом саркофаге где-нибудь в катакомбах за городом.

— Саркофаге? — удивился я. — А почему именно в свинцовом?

— Встретишь вампира — спроси. Возможно, он даже ответит, — отстраненно улыбнулась девушка, размышляя уже о чем-то совсем другом. — Какие у тебя планы на вечер? — вдруг поинтересовалась она, накручивая на палец длинный рыжий локон.

— Иду в цирк, — сообщил я, встал из-за стола и снял фартук, который надевал, дабы не заляпать мармеладом костюм. — А что?

— Ты не похож на любителя цирковых представлений.

На самом деле так и было; цирк я не любил. И цирк, и цирковых. Дьявол! Если разобраться, на свете было не так уж много людей, к которым я по тем или иным причинам не испытывал антипатии.

Мизантроп? Нет, скорее, клинический интроверт.

— Друг попросил составить ему компанию, — пояснил я Елизавете-Марии, а когда она вслед за мной вышла в прихожую, в свою очередь поинтересовался: — Это жжение, что его вызывает?

— Вопрос на миллион! — рассмеялась девушка, взяла перьевую метелку и принялась стряхивать с полок пыль. — Но во времена падших его не было, тогда весь мир принадлежал нам, и только нам.

— Да-да, — усмехнулся я и вышел на улицу, не став брать с собой ни плаща, ни куртки.

Погода порадовала. От вчерашнего ненастья не осталось и следа, небо прояснилось, и лишь на самом горизонте продолжали клубиться недоброго вида кучевые облака.

Я начал спускаться с крыльца, и немедленно неудобной ломотой напомнила о себе отбитая нога. И пусть сегодня она беспокоила не так уж и сильно, все же показалось разумным вернуться в дом за тростью Александра Дьяка.

— Быстро ты! — язвительно хмыкнула при моем возвращении Елизавета-Мария, не переставая стряхивать метелкой пыль.

— А ты, смотрю, все по хозяйству хлопочешь? — не остался я в долгу и с удивлением глянул под ноги, только сейчас обратив внимание на голый пол. — А ковер-то тебе чем не угодил?

— Ковер? — удивилась девушка.

— Да, ковер!

— Лео, ты принимаешь меня за домработницу? Какое мне дело до твоих ковров?

Я нахмурился и повысил голос:

— Теодор!

— Да, виконт? — вышел на крик дворецкий.

— Теодор, ты не убирал из прихожей ковер?

— Нет, виконт, — бесстрастно ответил слуга и больше не сказал ничего.

Елизавета-Мария уставилась на меня с живым любопытством. Я ответил ей не менее заинтересованным взглядом.

— Это точно не твоих рук дело?

— Не моих, — подтвердила девушка.

Сам не знаю почему, но я поверил. И от этого встревожился еще больше.

Прошелся по гостиной, внимательно глядя под ноги, и вскоре заметил длинный бурый мазок на одном из плитусов, словно кто-то пытался наскоро затереть пролитую там красную краску. Или кровь?

— Посмотри, — попросил я Елизавету-Марию.

Девушка грациозно присела, поскребла длинным ногтем насторожившее меня пятно, облизнула палец и озадаченно протянула:

— Как интересно!

— Что это?

— Кровь, — вынесла девушка вердикт и добавила: — Свежая.

Отстраненную невозмутимость Теодора как рукой сняло.

— Но позвольте! — возмутился он. — Кроме нас, в доме никого нет и быть не может! Виконт, вам ли этого не знать!

— И между тем пропал ковер, а пол перепачкан кровью, — пробурчал я, продолжая осматривать комнату. На первый взгляд все оставалось на своих местах, никаких других следов постороннего присутствия обнаружить не удалось.

— Опять твои кошмары? — промурлыкала Елизавета-Мария.

— Не знаю, — передернул я плечами и выглянул в коридор. — Теодор, принеси лампу!

Дворецкий выполнил распоряжение, и вскоре в неровном свете «легучей мыши» нам удалось обнаружить еще несколько капелек крови, смазанных и полузасохших.

Я вытащил из кобуры «Рот-Штейр» и дослал патрон. В доме был кто-то чужой, и даже думать не хотелось, для какой цели ему понадобилось скатывать ковер. Впрочем, кровь на полу особого простора для фантазии не оставляла.

Кто-то кого-то убил и теперь заметал следы.

Но кто? И самое главное — кого?

Теодор вооружился кочергой, Елизавета-Мария сбегала за саблей, и мы двинулись по кровавым отметинам, словно по следу из хлебных крошек. Особой аккуратностью злоумышленник не отличался, и выскрывать бурые пятна не составляло никакого труда.

Мы миновали чулан и кладовку, свернули в боковой коридор, и Теодор догадался:

— Каретный сарай!

И точно — капли крови тянулись к внутренней двери в пристрой; попасть в него можно было не только с улицы, но и напрямую из дома.

— Тише! — шепнул я, рывком распахнул дверь и шагнул внутрь со вскинутым пистолетом. Теодор быстро ступил следом и поднял лампу над головой, освещая темный сарай.

Застигнутый врасплох лепрекон досадливо сдвинул на затылок смятый гармошкой цилиндр, выплюнул на пол самокрутку и выругался:

— Драть, как не вовремя!

И в самом деле, когда тебя ловят у выложенного на верстак свежего трупа с ножовкой в руке, это и в самом деле совсем не вовремя...

— Какого черта?! — прорычал я и, пригнув голову, дабы не зацепить макушкой низкую притолоку, спустился по лестнице. — Какого черта ты творишь?

Лепрекон ничего не ответил. Он сорвал с себя кухонный фартук и ловко сиганул в открытое окно.

Я сунул пистолет в кобуру и подошел к телу с распоротой от уха до уха глоткой. Покойник не был мне знаком, и совершенно точно он не являлся сиятельным — в мертвых глазах уже растеклась кровавая муть опутавшего дом проклятия. Организм сиятельного не капитулировал бы перед аггельской чумой столь быстро.

— Знаешь, Лео... — с непонятым выражением протянула Елизавета-Мария, медленно перебирая заготовленные лепреконом инструменты: ножовку, топорик, набор сапожных ножей, молоток и зубило, — твои фантазии куда темнее, чем я могла полагать...

Я выругался.

— Это не моя фантазия!

— Тогда кошмар?

— Перестань! — отмахнулся я и перевернул валяющиеся на полу пожитки покойника.

Портмоне с парой сотен франков, перчатки, перочинный нож никаких подозрений не вызвали, но маска с прорезями для глаз, набор отмычек, короткий ломик и стеклорез говорили сами за себя.

Нас посетил взломщик. Что ж, он выбрал не тот дом.

— Сдается мне, ситуация неоднозначна, — пробормотал я, перекладывая деньги в собственный бумажник.

— Ну, если тебе хочется так думать... — ухмыльнулась Елизавета-Мария, забавляясь происходящим.

Теодор остался невозмутим.

— Что будем делать, виконт? — спросил он. — Избавимся от тела или сообщим в полицию?

Я прошелся по сараю, нервно постукивая пальцами по ящикам с трофейным оружием, потом решил:

— Уберем на ледник.

— Свежее мясо? — рассмеялась девушка и вскинула руки. — Лео! Не будь ты таким серьезным, это просто шутка!

— Хорошо, если так, — пробурчал я, расправляя залитый кровью ковер. — Теодор, помогай!

Вдвоем с дворецким мы спустили покойника на пол, завернули его и поволокли в дом. Елизавета-Мария подняла крышку люка, и нам осталось лишь спустить тело вниз и уложить его на лед.

— Это неправильно, — поджал губы дворецкий. — Он не может здесь оставаться!

— Не может, — согласился я, спешно покидая подвал; находиться там дольше необходимого не хотелось.

— И что мы с ним будем делать? — поднялся вслед за мной Теодор.

— Что-нибудь придумаем, — пожал я плечами, намереваясь позже пригнать броневик и вывезти тело за город.

Елизавета-Мария опустила крышку люка и ехидно поинтересовалась:

— Не хочешь спросить у своего воображаемого друга, что намеревался сделать он?

— Обойдусь без его советов.

— Виконт... — начал было дворецкий, но я его оборвал:

— Позже, Теодор! Разберусь с делами и что-нибудь придумаю.

Елизавета-Мария поправила мне шейный платок и улыбнулась:

— Дорогой, неужели есть более неотложные дела, нежели свежий покойник на леднике?

— Гораздо более неотложные, — подтвердил я, надел перед зеркалом котелок и вышел за дверь.

Контора моего поверенного располагалась в одной из безликих высоток из стекла и бетона, которые выросли в северной части города, где постепенно формировался новый центр деловой жизни империи. Крупные корпорации выкупали там под свои нужды целые этажи, менее состоятельные компании довольствовались арендой отдельных офисов. Особенно престижными среди успешных предпринимателей считались помещения с видом на историческую часть Нового Вавилона; мой юрист сидел в клетушке без окон.

Недавний выпускник юридического факультета, рыжий и болезненно-бледный, оторвался от бумаг и растянул губы в некоем подобии радушной улыбки. От нашего сотрудничества начинающий законник не получал ни сантима прибыли, довольствуясь лишь статусом поверенного виконта Круса, и потому полагал возможным работать спустя рукава. Обычно меня это вполне устраивало, обычно — но не сегодня.

Когда юноша начал подниматься на ноги, я толкнул его обратно на стул, а сам уселся на край стола.

— Есть срочное задание. Надо заняться им безотлагательно, прямо сейчас! — приказал тоном, не терпящим возражений.

— Но, виконт, я не могу бросить остальных клиентов! — запротестовал юрист, который и в самом деле до моего появления разбирал какие-то бумаги.

Я выложил перед ним чек на десять тысяч франков и улыбнулся:

— Твои комиссионные — десять процентов.

Поверенный изучил чек и перевел на меня изумленный взгляд.

— Десять процентов? — переспросил он с плохо скрываемым волнением.

— Да, — подтвердил я. — Десять процентов от десяти тысяч. Но придется потрудиться.

Юрист раскрыл блокнот и уточнил:

— При каких обстоятельствах вы получили чек и в связи с чем он был опротестован?

— Не важно, — отмахнулся я, соскочил со стола и распорядился: — Подай иск о взыскании всей суммы, в качестве обеспечительной меры наложи арест на банковские счета графа, его загородное имение и дирижабль «Сиракузы». Дирижабль надо объявить в розыск незамедлительно.

— Но, виконт! — запротестовал поверенный. — Для подобной суммы это чрезмерные меры...

— Не успеешь наложить арест на счета и содрать с графа наличные, придется на общих основаниях дожидаться средств от распродажи имущества. Мне бы этого не хотелось. А тебе?

Юрист покачал головой и нерешительно проблеял:

— Но дирижабль?

— Дядя может попытаться улететь на континент. Как только мы лишим его средства передвижения, он сразу станет стговорчивей.

— В случае добровольного погашения чека... — поверенный нервно хрустнул костяшками пальцев, — мои комиссионные остаются в силе?

— Да, десять процентов твои при любом раскладе. Но если не займешься этим делом прямо сейчас, придется нанять кого-то другого.

Юрист выскочил из-за стола, оправил жилет, сдернул с вешалки поношенный пиджак и отпраповал:

— Еду в суд немедленно!

— Стой! — Я едва успел его остановить. — Сначала составь официальную претензию, я завезу ее поверенному дяди, чтобы нас потом не обвиняли в недобросовестности.

Так поступил бы любой, не зная он наверняка о бегстве графа, и я не собирался давать повод заподозрить себя в излишней информированности.

Законник вернулся за стол, заправил лист в побитую временем печатную машинку и принялся с сумасшедшей скоростью колотить по клавишам, время от времени поглядывая на выложенный перед собой чек.

Я не стал садиться на шаткий стул для посетителей и принялся выхаживать от стены к стене. Неровное мерцание электрической лампы под потолком изрядно действовало на нервы.

— Вот, готово! Подпишите! — протянул мне заявление юрист четверть часа спустя.

Я подписывать ничего не стал, для начала внимательнейшим образом изучил претензию, велел исправить несколько опечаток и лишь после этого поставил внизу свою подпись.

— Потеряешь чек — оторву голову, — предупредил поверенного, убирая заявление во внутренний карман.

— Не извольте сомневаться! — проникновенно произнес тот. — Сдам на хранение в нотариальную контору.

— Сдай, — кивнул я. — И не трать время попусту.

— Уже иду!

Не став дожидаться юриста, я в одиночестве спустился на улицу, остановил первого попавшегося на глаза извозчика и велел ехать на Виа Бенардос, где обретался адвокат моего дражайшего дядюшки.

Мэтр Ласаль снимал контору на верхнем этаже здания, внешне изрядно напоминавшего кусок пирога: выходящий на небольшую площадь фасад был нормальной ширины, а вот боковые стены строители свели под сильным углом, дабы втиснуть архитектурного уродца между двумя соседними домами. При желании с крыши на крышу можно было даже не перепрыгнуть, а просто перешагнуть.

Въедливый вахтер на входе пожелал узнать цель визита, затем по слуховой трубке связался с помощником адвоката и, только получив от него подтверждение, разрешил пройти. Лифтов в здании не бы-

ло, пришлось подниматься на пятый этаж по лестнице, которая обвивала внутренний дворик — крохотный и темный колодец.

Помощник поверенного встретил меня в приемной и попытался задурить голову расспросами, но я досадливо отмахнулся от него и прошел напрямиком в кабинет адвоката.

— Виконт Крус! — с удивлением оторвался от бумаг худошавый, если не сказать субтильный господин лет пятидесяти, который вел личные дела сразу нескольких представителей старой аристократии, еще состоятельных, но уже давно утративших былое влияние. — Чем обязан визиту?

Я обернулся к настырному помощнику, вставшему в дверях, и раздраженно рыкнул:

— Скройся!

— Оставь нас, — приказал мэтр Ласаль и укорил меня: — Немного вежливости, виконт! Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как обычная вежливость.

— Ваше право, мэтр, но я бы предпочел наличные, — парировал я, выкладывая на стол претензию. — Например, десять тысяч франков.

Адвокат нацепил на нос очки для чтения и принялся изучать документ; я не стал стоять у него над душой и отошел к окну, которое выходило на соседний дом с ржавой гусеницей пожарной лестницы. Вид открывался на одну из боковых улочек, узенькую и кривую.

— Это какая-то ошибка! — воскликнул тут поверенный дяди. — Это просто недоразумение!

— Не думаю, мэтр, — покачал я головой, продолжая стоять у окна, — но в любом случае никто не запрещает вам связаться с графом и поговорить с ним напрямую.

— Чек у вас собой?

— А сами как думаете?

— Бред какой-то, — пробормотал адвокат, поднял трубку телефонного аппарата и попросил соединить с именем графа Косице. Вскоре он бросил трубку и сообщил: — Неполладки на линии.

— Досадно.

— Где вы взяли чек, виконт?

— Не имеет значения, он на предъявителя.

— Я ставлю под сомнение ваше право на него, его подлинность и сам факт отказа в погашении! — легко привел законник сразу три противоречащих друг другу аргумента, но меня так легко было не пронять.

— Остается только убедить в этом судью, — улыбнулся я.

— Это злоупотребление правом! — возмутился адвокат. — Требование ареста имущества, счетов и средства передвижения по столь малозначительному поводу просто смехотворно!

— Свяжитесь с графом, мэтр, — посоветовал я. — Свяжитесь и настоятельно порекомендуйте встретиться со мной в самое ближайшее время. Дальше будет только хуже.

Адвокат поднялся из-за стола и очень тихо, но четко произнес:

— Вы пожалеете об этом, виконт. Вы очень сильно пожалеете о своей неосмотрительности.

— Вежливость! — воскликнул я, покидая кабинет. — Мэтр, помните о вежливости!

Пытаться поймать извозчика на Виа Бенардос не стал, сразу свернул на одну из боковых улочек, прошел через арку на тихий бульвар и зашагал к Императорской академии, благо ломота в ногу беспокоила сегодня уже не так сильно. К тому же я никуда не спешил.

В итоге до Леонардо-да-Винчи-плац добирался минут десять. Когда заглянул в лавку «Механизмы и раритеты», Александр Дьяк читал газету.

— Леопольд Борисович! — обрадовался моему появлению изобретатель, обогнул прилавок и протянул руку. — Вас можно поздравить?

— С чем? — насторожился я.

— С удачно проведенным научным экспериментом, разумеется! — рассмеялся Александр Дьяк и осекся. — Или это не вы прикончили Прокруста?

Я обреченно вздохнул и поправил изобретателя:

— Это был не Прокруст.

— Как скажете, Леопольд Борисович, как скажете! — покивал хозяин лавки. — Надеюсь, вы не забыли о моей просьбе? Для науки крайне важны точные временные рамки...

Как ни удивительно, но о просьбе изобретателя я не забыл и прямо в опиумной курильне, пока дожидался наряда, накидал в блокноте полную хронологию событий — от первого выстрела и до последнего вздоха оборотня.

— Держите, — протянул я собеседнику вырванный из блокнота листок, а сам взял с прилавка газету и углубился в чтение, но, кроме броского заголовка «Прокруст мертв!», никакой конкретики в статье не содержалось. Запрет главного инспектора на общение с прессой соблюдался неукоснительно. Лишь кто-то из ассистентов коронера не сумел удержать язык за зубами и сболтнул о совпадении укусов на теле служанки Исаака Левинсона и слепков челюстей застреленного в китайском квартале оборотня.

Мое имя в передовице не упоминалось.

— Потрясающе, просто потрясающе! — бормотал себе под нос Александр Дьяк, изучая мои заметки. — Здесь есть над чем подумать.

— Боюсь, оборотни в Новом Вавилоне — гости нечестные, — улыбнулся я.

— Мир не ограничен одним лишь Новым Вавилоном, — пожал плечами изобретатель, свернул листок и спрятал его в карман сюртука. — Как трость?

— Выше всяких похвал, — ответил я, несколько не преувеличивая, — но у меня к вам новая просьба научно-прикладного характера.

— Очень интересно, — заинтересовался Александр Дьяк. — Что на этот раз?

— Огонь, — сообщил я. — Нужен компактный источник мощного пламени.

— Огнетет? — удивился изобретатель. — Леопольд Борисович, вам понадобился огнетет?

— Огнетет у меня есть, — с усмешкой признался я, — но он слишком громоздок и не слишком удобен в переноске...

— Рассказывайте, — махнул рукой изобретатель. — Помогу, чем смогу.

И я рассказал о странном душителе, его тенях и страхе перед огнем. Не стал уточнять лишь, где именно мы схлестнулись и почему опасаясь повстречаться с ним вновь.

А я и в самом деле опасался. Страх — это оружие, страх убивает, но есть вещи несравненно более смертоносные. К примеру, темные чары. Один раз малефик сбежал от огня, но больше этот фокус не сработает, только попробую — и он попросту оторвет мне голову. С существом, способным перехватить пулю десятого калибра, шутки плохи.

— Ну и задачку вы задали! — покачал головой Александр Дьяк. — С устройством огнетета я знаком, там нет ничего сложного, но огнетет компактный и пригодный для переноски...

— Знаю, — кивнул я, — это непросто....

— Баллон с огнесмесью, баллон со сжатым азотом, брандспойт, — начал перечислять изобретатель.

— Не нужен полноценный огнетет, — вновь напомнил я. — Достаточно будет чего-то на самый крайний случай, на один раз!

— Одноразовый огнетет? — задумался Александр Дьяк. — Да уж, Леопольд Борисович, с вами не соскучишься!

В этот момент в лавку вошла пара студентов, и я поспешил откланяться.

— Загляните ко мне завтра в это же время, — попросил изобретатель и отошел к покупателям: — Чего изволите, молодые люди?

Я вышел на улицу, купил свежий номер «Атлантического телеграфа» и отправился на площадь императора Климента своим ходом, не став тратить на извозчика.

Недавняя непогода пошла городу на пользу. Ливень смыл пыль и сажу, свежий ветер разогнал смог и дым печных труб, а лужи и многочисленные ручьи подсыхали на глазах. Сильно парило, на горизонте клубились новые тучки, темные и недобрые.

Непогода грозила вернуться, но пока на небе сияло солнце, горожане гуляли по бульварам и скверам, сидели на открытых верандах кафе, разглядывали сверкавшие свежевывытым стеклом витрины дорогих магазинов.

• Падший •

*ПРОЛОГ, или
ДИРИЖАБЛЬ И НЕМНОГО ОГНЯ*

Дым и зеркала — лучшие помощники иллюзиониста. Именно они, а отнюдь не запретная магия и не отринутое просвещенным обществом волшебство помогают фокусникам перекраивать реальность, заставляя зрителей поверить в несуществующие образы. Но дым и зеркала — простые инструменты, они лишь создают нужную атмосферу и дают почтенной публике повод задействовать собственное воображение.

Да! Все дело в нашем воображении. Именно способность сознания домысливать и достраивать окружающую действительность позволяет иллюзионистам увлекать зевак и морочить им голову. Ведь зачастую мы и сами рады обмануться, приняв желаемое за действительное...

Девушка в бесстыдно коротком хитоне выше колен, стройная и рыжеволосая, кружилась в безмолвном танце на фоне серого неба. Неподалеку волновалось море; я даже чувствовал его солоноватый вкус, но ни блеск солнца на ряби волн, ни мрамор античных развалин не трогали меня — все внимание приковала к себе танцовщица.

Станный танец горячил кровь; девушка изгибалась, будто дрожащее на ветру деревце, иногда в притворном падении она наклонялась к земле, но сразу выпрямлялась, не давая повода прийти на помощь. Раз за разом я не получал возможности проявить себя, и это рвало мое измученное сердце на куски.

Неровные движения танцовщицы гипнотизировали и сводили с ума; я бы давно потерял над собой контроль, если бы не навалившаяся ватным одеялом тишина. Уши словно залепили восковыми пробками: не играла музыка, не шумел ветер, не плескалась о прибрежный камень волна. Лишь доносился из неведомого далека, будто из другого мира, непонятный размеренный стрекот.

Один только стрекот, стрекот, стрекот. А еще — запах гари.
Дым и зеркала...

Едкий дым вызвал кашель, пальцы судорожно сжались, и тотчас хрупким стеклянным крошечком лопнул бокал, расплескался лимонад. Я подался вперед и вывалился из кресла на толстый персидский ковер. Без сил расластался на нем, уловил сотрясающую пол дрожь и лишь тогда вспомнил, кто я и где нахожусь.

Я Леопольд Орсо, виконт Крус, сиятельный. И сейчас я валяюсь посреди кают-компания собственного дирижабля, будто надышавшийся первосортной дряни опиумный курильщик.

Дым и зеркала? Проклятье!

Дым клубился под потолком, но внизу еще хватало свежего воздуха, и мне удалось немного отдышаться и прогнать затуманивший голову дурман.

Хрипло выдохнув, я смахнул выступившие на глазах слезы и перепачкал чем-то липким лицо. Кровь. Это была кровь. Порезы, оставленные лопнувшим стаканом на ладони, уже затянулись и пропали без следа, а кровь так быстро засохнуть не успела.

Плевать! Я приподнялся на локте и осмотрелся. Дыма в кают-компания было хоть отбавляй. Дыма, но никак не зеркал. Вместо коварных отражений на полотняном экране у дальней стены под размеренный стрекот проектора кружилось безмолвное изображение Айседоры Дункан — танцовщицы, ничуть не похожей на рыжеволосую девушку из моего видения.

Стоило лишь взглянуть на экран, и до меня вновь донеслись отголоски далекой мелодии. Сила воображения и талант сиятельного наполнили черно-белое изображение яркими цветами, придали ему глубину, поманили запретной притягательностью миража. Только закрой глаза — и окажешься на берегу далекого моря, подхватишь на руки любимую, прижмешь к себе. И останешься там навсегда...

К черту! Не хочу жить иллюзиями!

Дьявол бы побрал этот клятый синемаатограф и дурмящий разум дым!

Скрипнув зубами от накотившей вдруг злости, я собрался с силами и поднялся на четвереньки, но не удержался и вновь повалился на пол. Руки и ноги налились свинцовой тяжестью, до выхода из кают-компания пришлось ползти ползком.

В коридоре я кое-как поднялся по стенке, локтем высадил один из иллюминаторов, и внутрь тут же ворвался поток свежего воздуха, будто ледяной водой окатило. Стало легче дышать, вернулась ясность сознания.

Какого черта тут творится?! Куда сгинули капитан, навигатор и стюард? Почему команда не тушит возгорание? Или задымление вызвано не пожаром, а технической неисправностью?

Я прикрыл лицо полкой пиджака и побрел к капитанской рубке, то и дело опираясь на переборки и останавливаясь перевести дух. Ноги по-прежнему слушались плохо, а в лицо все явственней веяло жа-

ром, но отступить было некуда. Теперь только вперед, только вперед...

А впереди разверзлось огненное пекло. Чтобы понять это, хватило единственного взгляда в приоткрытую дверь командной рубки.

Пламенем была охвачена большая часть помещения, к едкому запаху паленой резины добавилась мерзкая вонь горелого мяса. Навигатор навалился грудью на приборную панель, да так и замер, объятый огнем, капитан безжизненно откинулся в кресле и не шевелился. Он тоже был мертв.

Вот дерьмо!

Внезапно резкий порыв сквозняка бросил в лицо длинный язык пламени, затрещали опаленные волосы; я отшатнулся и увидел, что дым выносит в распахнутую настежь дверь гондолы. И распахнулась та вовсе не сама по себе...

— Стой! — рявкнул я, но последний из команды дирижабля — стюард уже шагнул наружу и скрылся из виду. За его спиной нелепым горбом бугрился объемный ранец.

Мне не удалось удержаться от крепкого словца:

— Дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Загудело раздуваемое сквозняком пламя, и я бросился к двери. Захлопнул ее и сразу поспешил в кладовую, где хранились выписанные из российской провинции Александром Дьяком экспериментальные парашюты Котельникова, но меня ждало жестокое разочарование: все шелковые купола оказались вытащены из ранцев и порезаны ножом.

Стюард, сволочь такая! Оставил сгорать заживо!

Я не стал гадать, по какой причине он обрек меня на верную смерть, и вернулся к внешней двери. Там нацепил на нос очки с круглыми затемненными линзами и потянулся к своему таланту сиятельного. Умение воплощать чужие страхи не способно придать человеку крылья, как воображение не в состоянии погасить пожар, но я и не собирался превозмогать силу всемирного тяготения или останавливать физико-химический процесс, именуемый горением. Мне просто требовалось преодолеть собственный страх — страх падения, страх высоты. Это было и просто, и невероятно сложно одновременно.

Готовясь к неизбежному, я разложил вытащенный из кармана нож, зажал в зубах титановый клинок и открыл дверь гондолы. Внизу, далеко-далеко, мелькнули горная гряда и голубовато-серое зеркало озера. Накатила неуверенность, подогнулись колени. Но я переборол секундную слабость и прыгнул вдогонку за стюардом.

Наружу. Без парашюта. В свободное падение.

Впрочем, падение лишь представлялось свободным. Тут же налетел ветер, рванул расстегнутый пиджак, закрутил в вихре, сорвал с лица очки. Глаза моментально наполнились слезами, но к этому вре-

мени я уже разглядел купол парашюта, что распух на фоне горного озера белым пятном.

Растопырив в разные стороны руки и ноги, я сумел остановить вращение и развернулся в сторону зависшего на стропах беглеца. Прижал руки к туловищу, изогнулся, меняя положение в пространстве, и резко пошел вниз, но не камнем, а на манер планера — под углом. Скорость падения резко возросла, ветер засвистел в ушах, обжег лицо холодом и принялся рвать одежду.

Я падал на жертву подобно коршуну, несясь, как пущенная в цель стрела. Тело свело судорогой, выдерживать верное направление получалось лишь ценой огромных усилий, но даже так попасть в купол с отверстием посередине не получилось. Сообразив, что зацеплю парашют лишь по касательной, я перехватил рукой зажатый в зубах нож, и меня тотчас закрутило штопором. В следующий миг клинок скользнул по шелку, а я промчался мимо и устремился к земле.

После столкновения с парашютом вращение еще больше усилилось, в какой-то момент меня перевернуло на спину, и над головой мелькнул судорожно дергавший стропы человек. Несколькими резкими взмахами я вернул себе прежнюю устойчивость и расставил в разные стороны руки и ноги подобно воздушным рулям. Свист ветра слегка поутих, падение потеряло недавнюю стремительность, и очень скоро меня обогнал камнем несшийся вниз стюард, за которым тянулось располованное ударом ножа полотнище парашюта, обмякшее и спутанное.

— Отправляйся в ад, ублюдок! — выкрикнул я и посмотрел на озеро под собой. Некстати вспомнилось, что при падении с большой высоты вода не уступает по твердости камню, но я выкинул эту научную заумь из головы и заставил себя успокоиться. Страх не осталось; нечего больше было бояться, да и незачем.

Я парил, просто парил в небе, а потом озерная гладь вдруг стремительно понеслась навстречу, и лишь за миг до удара о рябь серой воды в голове оформился подспудно не дававший все это время покоя вопрос: откуда, черт возьми, среди бобин киноплёнки взялась запись танца Айседоры Дункан? Она ведь мне даже никогда не нравилась!

И сразу — удар и тьма...

Глава первая, или

ТАНЕЦ СО ЗМЕЯМИ И НЕМНОГО ОТРАВЫ

Времени нет.

Время — фикция, выдумка наивных романтиков и ученых не от мира сего. Именно благодаря им простачки на полном серьезе полагают, будто время — это закольцованный бег стрелок по циферблату часов. Нечто бесконечное, незыблемое и неизменное. Вечное.

Опасное заблуждение.

Никакого времени нет, есть лишь последовательность событий, которая может оборваться в любой миг. Один миг — и то, что выстраивалось годами, развеивается в прах, исчезает, перестает существовать.

Жизнь? И жизнь — тоже. Моя так точно. По крайней мере, жизнь как привычная упорядоченность бытия.

Сидя на каменистом берегу крохотного островка посреди горного озера, я сожалел вовсе не о сгоревшем дирижабле и даже не о несостоявшемся перелете в Новый Свет, нет! Выть в голос хотелось из-за потерянной иллюзии личной безопасности.

Меня пытались убить.

Опять!

Стюрд ведь не рехнулся, не действовал наобум, он все продумал заранее и выждал самый удачный момент. Рухнувший в горах дирижабль — что может быть банальнее? Да и найдут ли обломки вовсе? Разве что через несколько лет случайно кто-нибудь наткнется на искореженный при падении остов.

Но почему и зачем? Кому могла понадобиться моя смерть, если для всего мира я и без того давно мертв? Мертв либо пропал без вести больше года назад. Одно от другого не сильно отличается.

В покушении не было никакого смысла!

По моим следам могли идти обозленные малефики, эта братия возвела месть в ранг культа, но поджог дирижабля, замаскированный под случайное крушение, не вписывался в их обычный образ действий. Чернокнижники привыкли действовать гораздо более прямолинейно и были в своей прямолинейности чрезвычайно пред-

сказуемы. Они полагались исключительно на магию, подкуп не их стиль. Сделай свой ход они, и стюард облил бы себя керосином и со спокойной улыбкой чиркнул спичкой о боковину коробка, а не пытался удрать.

И в происки имперской разведки я не верил тоже. У людей из окружения кронпринцессы Анны не было никаких причин сомневаться в моей смерти: с вынутым из груди сердцем не выживет никто. После моей пропажи из госпиталя они могли искать похитителей распотрошенного тела, но и только.

Концы с концами не сходились; я оказался в тупике.

Вспомнилась объятая огнем рубка, накатила дрожь. Огонь мог уничтожить большинство inferнальных тварей, оборотни исключением не являлись. Просто повезло, что ускоренный метаболизм вывел из организма яд, прежде чем пожар успел распространиться на кают-компанию.

— Дьявол! — выдохнул я, отыскал среди мелкой гальки плоский камушек и резким движением руки запустил его прыгать по воде.

Так себе развлечение.

Чертовски хотелось есть, но на каменистом островке даже трава не росла. Оставалось лишь хлебать сырую воду.

Не подумайте, будто я провел тут несколько дней. Вовсе нет. Не более получаса назад я рухнул неподалеку отсюда и расшибся о воду. Было больно.

Но та боль — резкая и быстрая — не шла ни в какое сравнение с запредельными муками, когда начали соединяться сломанные кости, срастаться мышцы и сухожилия, возвращаться на свои места выбитые суставы.

Я оборотень, а оборотня не так-то просто прикончить даже падением с километровой высоты, но восстановление организма запустило маховик ускоренного обмена веществ, и мне требовалось срочно подкрепиться.

Подкрепиться? Проклятье! Жрать! Я хотел не есть, а именно жрать. Если прямо сейчас не набью брюхо мясом, сам себя начну переваривать.

И боль... от голода боль в мышцах и суставах становилась еще нестерпимее.

— Драть! — Изо рта невольно вырвалось любимое словечко вымышленного друга, и я понял, что дальше так продолжаться не может. Еще немного — и не поручусь, что сумею сохранить ясность мысли. Голод и боль после обратной трансформации зачастую лишали разума даже куда более опытных оборотней.

Я вспомнил отца. Теперь-то мне стало понятно, каких невероятных усилий ему стоило не превращаться в зверя целиком. Его спасала вера, но возможности человека не безграничны, и, дабы унять боль, папа пил, пил и пил. А потом умер. Если день за днем вливать в

себя смертельную для обычного человека дозу алкоголя, не выдержит даже печень оборотня.

От этой мысли стало не по себе.

Я поднялся с камня, взял расплзшийся по швам пиджак и огляделся по сторонам. Кругом — озеро и зеленые силуэты поросших лесом гор. С запада склоны были более крутыми и обрывистыми, в палитре там преваляло серый цвет, а в голубое небо ввинчивался столб черного дыма. Это догорал дирижабль.

По большому счету, от предстоящего заплыва останавливало лишь нежелание окончательно испортить и без того поврежденную падением с высоты одежду. После повторного купания даже самая качественная ткань неминуемо превратится в половую тряпку. В подобном виде и за бродяжничество задержать могут.

Я посмотрел на выловленные из озера лакированные туфли и с обреченным вздохом принялся сворачивать только-только просохший на ярком летнем солнце пиджак.

Не стоило возвращаться в метрополию — сейчас я осознавал это со всей возможной отчетливостью.

Налетел ветерок, и я поежился то ли от прохлады, то ли от неуютной мысли. Скорее все же второе — холодно не было, наоборот, бросило в пот.

Дьявол! Следовало лететь через Англию!

Следовало, да. Но в Лондоне было традиционно неспокойно: власти устраивали облавы на малефиков, масонов и социалистов, профсоюзы выводили рабочих на уличные демонстрации, да еще подливали масла в огонь пытающиеся отстоять независимость ирландцы. Полиция стояла на ушах, а мне вовсе не хотелось привлекать к своей персоне внимание бывших коллег. Пусть выправленный в российской провинции паспорт на новое имя и проходил по всем реестрам, но всегда оставался риск наткнуться на излишне бдительного констебля или того хуже — шпика Третьего департамента.

Еще не хватало, чтобы кто-нибудь опознал во мне Леопольда Орсо, виконта Круса.

Но вот опознали же!

Убить пытались именно Леопольда Орсо, в этом сомнений не было ни малейших. Лев Шатунов, как звали меня после смены документов, ни в чем предосудительном замешан не был. Получив доступ к вкладу, я сразу покинул Цюрих и путешествовал по Старому Свету, нигде подолгу не задерживаясь.

Серьезная неприятность за это время приключилась лишь единожды, да и та — банальней некуда: меня попытались ограбить. Сам виноват, поначалу не догадался оформить чековую книжку и всюду таскал с собой толстенную пачку франков. Грабитель попался ушлый и трусоватый, он попросту всадил мне в спину три пули. Я очнулся, когда жулик уже обчистил карманы и снимал с руки золотой браслет хронометра. Правду говорят, что жадность до добра не дово-

дит. Грабитель позарился на золотую безделушку и в итоге лишился головы. В прямом смысле — мой самоконтроль в то время оставлял желать лучшего.

Но было ли это попыткой ограбления? Или это — звенья одной цепи?

Дьявол, все же стоило лететь через Лондон! И ведь соблазнился же простотой пути!

Через Атлантиду переправиться в Новый Свет и в самом деле проще всего, не требовалось даже делать остановку в Новом Вавилоне. Прямо из Лиссабона я направился на западное побережье острова, где намеревался пополнить запасы перед перелетом через океан.

Я выругался, мотнул головой и осторожно ступил в прозрачную воду. У берега были прекрасно видны сновавшие над галькой рыбешки, дальше в озерной глади отражались горы и небо.

Плыть не хотелось. Хотелось посидеть, собраться с мыслями, подождать неизвестно чего, но голод не унимался и подгонял все сильнее. Голоду вторил здравый смысл. Я отдавал себе отчет в том, что ждать на острове нечего и некого, плыть придется в любом случае. Так какой смысл попусту терять время, отсрочивая неизбежное?

Но как же холодно...

Я вернулся на берег и уже начал расстегивать ремень брюк, как вдруг...

— Из-за острова на стрежень, — хорошо поставленным голосом пропел некто с другой стороны острова, — на простор речной волны...

Затянув ремень, я поспешил вскарабкаться на каменную кручу и шумно выдохнул, не веря собственным глазам.

На фоне серых отрогов далеких гор по зеркалу чистой воды спокойно скользила небольшая прогулочная лодка. Степенный господин средних лет на веслах размеренно греб, угрюмо опустив голову; его компаньон стоял на носу с бутылкой вина в руке и самозабвенно пел высоким басом, скорее подражая Шаляпину, нежели имея такой тембр голоса от природы.

Шанса выбраться с острова, не замочив ног, я упускать не собирался и замахал над головой пиджаком.

— Э-гей! На лодке!

Окрик заставил гребца испуганно вздрогнуть и втянуть в плечи короткую мощную шею, а певец приставил ко лбу ладонь и что-то сказал товарищу. Тот стал работать одним веслом, разворачивая лодку носом к островку.

Я с облегчением перевел дух и принялся разглядывать своих возможных спасителей. На охотников они несколько не походили: никаких парусиновых курток, высоких сапог и ружей. Певец в светлом льняном костюме отправился на водную прогулку с непокрытой головой; гребец в визитке и полосатых брюках от традиций отступать не стал и водрузил на макушку канотье. И правильно сделал: в июнь-

ский полдень солнце припекает даже в горах. Если вином злоупотреблять, точно на песнопения потянет.

Впрочем, худощавый господин на носу лодки пьяным не казался и легко удерживал равновесие, поглядывая на меня из-под приставленной ко лбу ладони. Русоволосый, с короткой аккуратной бородкой, он мог сойти за преуспевающего адвоката или даже профессора, если б не та самая легкость и даже некоторая резкость в движениях. Показалось почему-то, что к кулачному бою ему не привыкать.

Его спутник был более плотного сложения и веслами работал уверенно и без малейшей натуги. Переходившие в усы кустистые бакенбарды и трубка в зубах делали гребца похожим на капитана дальнего плавания, из образа несколько выбивалась лишь толстая золотая цепь карманных часов. Купец? Очень похоже на то.

— Господа! — повысил я голос, когда лодку отделяло от острова не более десяти метров. — Право слово, неудобно об этом просить, но не окажете ли вы любезность доставить меня до берега? А то вода нынче дюже холодна. Готов сам сесть на весла!

— Вот еще! — пробурчал гребец, нервно ежась.

Его компаньон, словно извиняясь за спутника, благодушно махнул свободной рукой.

— Доставим в лучшем виде, не извольте сомневаться. Ну как не помочь соотечественнику, господин...

— Лев Борисович Шатунов, к вашим услугам, — поспешил я представиться.

— Скорее это мы к вашим, — сварливо заметил гребец.

Певец рассмеялся.

— Не слушайте этого ворчуна, Лев Борисович. Прошу на борт!

— Одну минуту!

Я спустился с кручи, но не к лодке, а на другую сторону, за оставленными на берегу туфлями. Быстро схватил их и поспешил обратно, несколько даже опасаясь увидеть по возвращении спасителей уплывающими вдаль.

Но нет, меня дождались. Из-за прибрежных камней гребец не рискнул подводить лодку прямо к острову, и мне пришлось с закатанными штанинами брести к ней по колено в воде. Но это по сравнению с заплывом через все озеро — сушие пустышки.

Певец на носу лодки, нисколько не смущаясь нового попутчика в моем лице, приложился к бутылке вина и сделал добрый глоток.

— Смелее, граф! Нас ждут великие свершения! — объявил он после этого.

Я от такого обращения чуть обратно за борт не вывалился.

— Э-э-э... граф?

Певец закатил глаза и горестно вздохнул, на помощь мне пришел гребец.

— Ну, эта шарада даже мне по плечу, — добродушно усмехнулся он. — Лев — это как Лев Толстой. А кто у нас Лев Толстой? Правильно, граф.

— Но позвольте, — не согласился я, усаживаясь на банку, — почему именно граф, а не писатель?

— Помилуйте, Лев Борисович! — охнул певец. — Ну какой из него писатель? Писатель — это, знаете ли, по велению души, чтоб до полуночи в карты, чтоб за долги главы строчить и жечь их в пьяном угаре. А граф Толстой — он и есть граф. Я бы даже сказал: графоман-с. Так-то вот.

— Не буду спорить, — хмыкнул я, кинул туфли на прикрывавшую дно деревянную решетку и принялся раскатывать штанины.

— С твоими шарадами мы совсем забыли о приличиях, — проворчал гребец, начав отворачивать лодку от острова. — Позвольте представиться: Емельян Никифорович Красин.

— Иван Прохорович Соколов, — присоединился к товарищу певец и понимающе улыбнулся: — Граф, полагаю, нам не стоит интересоваться обстоятельствами вашего появления на этом клочке необитаемой земли?

— Очень обяжете, — вздохнул я, не желая выдумывать никакой правдоподобной лжи.

— От вас ждем того же, — проворчал Емельян Никифорович.

— Вот я раззява! — хлопнул вдруг себя ладонью по лбу Соколов. — Да вы же не просто граф, а граф Монте-Кристо!

— Все, поезд ушел, — благодушно рассмеялся Красин.

— Как только мог упустить из виду остров? — продолжал сокрушаться Иван Прохорович. — Эх, старею, старею...

Налетел порыв ветра, лодку качнуло, и меня уколол легонький отголосок чужого страха. Но чужие страхи сейчас мало занимали меня; я как замороженный смотрел на корзинку для пикника, от которой исходил одуряющий запах свежей стряпни, и глотал слюну.

Оборотня проймет лишь серебро и электричество, но помимо этого над перевертышами, подобно дамоклову мечу, висят боль и голод. Боль при возвращении в человеческое обличье и нестерпимое желание набить живот всякий раз, когда организму требуется восстановить силы после обращения или исцеления.

Я был дьявольски голоден, и аромат свежей сдобы и мясного пирога просто сводил с ума. К счастью, Соколов перехватил мой взгляд и предложил:

— Угощайтесь, Лев Борисович. Да и вина испить не откажите.

— Вино на эдаком солнышке — это лишнее, Иван Прохорович, — отказался я от выпивки, переставив корзинку себе на колени. — Но не сомневайтесь, я компенсирую все издержки.

При падении бумажник не вылетел из кармана, и хоть банкноты за время нахождения в воде изрядно размокли, в полную негодность они прийти не успели. С учетом монет у меня набиралось без малого

полсотни франков, чего хватало и на обед для трех персон, и на починку одежды. Но вот дальше...

Дальше была полная неопределенность.

— Ну как вам не совестно, Лев Борисович! — укорил меня Соколов. — Помогать попавшим в трудное положение соотечественникам — долг каждого приличного человека.

Оставалось лишь порадоваться тому, что дед выучил меня родному языку, сносно владевший русским отец не дал его позабыть, а после бегства из метрополии прошло достаточно времени, дабы закрыть лингвистические лакуны и выдавать себя за уроженца российской провинции без риска немедленного разоблачения. Акцент? Акцент — обычное дело для живущих на чужбине людей.

Я раскрыл корзинку для пикника и едва не захлебнулся слюной. Но все же приступать к трапезе не стал и поинтересовался у своих спасителей:

— Не желаете присоединиться?

Дородный гребец побледнел и поспешно отвернулся, а Соколов вновь улыбнулся.

— Емельян Никифорович, увы, не лучшим образом чувствует себя на воде. У него нет аппетита, — сообщил он и взглянул на бутылку в руке. — А я, пожалуй, ограничусь вином. Мадера восхитительна и прелестно самодостаточна!

— Развезет вас, Иван Прохорович, на эдакой жаре, — проворчал Красин, уверенно работая веслами.

Певец начал весьма пространно отвечать, но я уже не слушал его, опустошая корзинку для пикника. В итоге мясной пирог и расстегай с рыбой, кусок сыра и колечко кровяной колбасы, сдобная булка и два яблока умерили мой голод, но окончательно не насытили. Хотелось чего-нибудь горячего. Желательно — первого, второго и еще десерта. И непременно крепкого сладкого чаю.

Ну а пока я перегнулся через борт, зачерпнул пригоршню воды и напился. Красина при этом явственно передернуло, его округлое лицо с массивной челюстью враз сравнялось цветом со свежей побелкой.

И я вновь уловил страх. Тягучий и мощный, рвущий нервы в такт ударам стучащих о борта лодки волн.

Емельян Никифорович панически боялся воды. Обычной озерной воды, холодной и чистой.

И это всерьез удивило. В страхах людей зачастую нет никакой логики, взять ту же агорафобию, но зачем отправляться на лодочную прогулку со столь расшатанной нервной системой?

— Боюсь, я оставил вас без ланча... — задумчиво пробормотал я, вытирая жирные пальцы носовым платком.

— Не беспокойтесь, — шумно выдохнул Красин, его стиснувшие весла пальцы побелели от напряжения, — пообедаем в ресторане.

В этот момент мы обогнули скалистый мыс, и взгляду открылась небольшая бухта, ровную гладь которой рассекали многочисленные прогулочные лодки. Кавалеры и наемные гребцы работали веслами, дамы сидели под солнечными зонтиками в безмятежной праздности. Вдоль берега протянулась длинная пристань, у дальнего ее края над озером нависала открытая веранда со столиками для тех, кто водной прогулке предпочел чашку ароматного кофе и сэндвич.

— Монтекалида! — вырвалось у меня. Бывать в этом курортном городке мне раньше не доводилось, но открывшийся вид был прекрасно знаком по почтовым открыткам. В детстве я любил рассматривать их, мечтая посетить все эти чудесные места.

— Ну да! — удивился Соколов, затыкая пробкой опустевшую бутылку. — Что-то не так? Вы будто не ожидали...

— Ничего, ничего, — поспешил я закрыть эту тему. — Все в порядке.

Посещать курортный городок, известный на весь мир своими горячими источниками, не входило в мои планы, но более удачного места для крушения было просто не сыскать: именно здесь проходила железная дорога, связавшая восточное и западное побережье Атлантиды. Если повезет, уже сегодня укачу в Новый Вавилон.

Ветер стих, волны перестали бить о борт и раскачивать лодку; Емельян Никифорович расслабился и будто бы даже уменьшился в размерах, став упитанным господином средних лет. Лишь в его движениях еще проскальзывала некая неуверенность, но это легко объяснялось необходимостью лавировать, дабы избежать столкновений с другими отдыхающими. Зачастую те выполняли крайне необдуманные, если не сказать бестолковые маневры прямо по нашему курсу.

Я встряхнул свой пиджак, за немалые деньги пошитый у одного из лучших парижских портных, и почувствовал, как от стыда начинают гореть уши. На фоне всеобщей благости мой испорченный после пребывания в воде костюм смотрелся найденными на помойке обносками, а сам я — невесть что позабывшим на этом празднике жизни бродягой.

И как сойти в таком виде на берег?

— Не волнуйтесь, Лев Борисович, — добродушно усмехнулся Емельян Никифорович, уловив охватившее меня замешательство, — я по давней привычке прихватил с собой плащ, оставил его на пристани. Жизнь в Петрограде приучает не доверять погоде, знаете ли.

— Будете выглядеть лучшим образом, ваша светлость, — поддержал товарища Соколов.

— Светлость?! — встрепенулся я, не сразу поняв извилистую логическую цепочку собеседника. — Ах да! Лев — Лев Толстой. Лев Толстой — граф. Граф — ваша светлость.

— Именно, — наставил на меня указательный палец изрядно замелевший Соколов. — Вы делаете успехи, граф!

Ветер переменял направление и теперь дул от берега, до нас стали доноситься обрывки мелодии, которую играл расположившийся на пристани оркестр. Я прислушался и узнал ставший необычайно популярным в последнее время «Цветочный танец» Кейти Мосс.

Под плеск волн о причал лодка уткнулась в доски, и Соколов первым перепрыгнул на пристань. Я принял у него цепь, передал ее грузно подымавшемуся на ноги Емельяну Никифоровичу и тоже покинул лодку. Мне было чертовски неудобно находиться на всеобщем обозрении в рваном костюме, и все же я обратил внимание, с каким облегчением последовал за нами Красин. Нет, никаких ошибок — его совершенно точно страшила близость воды.

Но к чему тогда прогулка по озеру? Решительно не понимаю.

Емельян Никифорович зашагал напрямиком к кассам, мы двинулись следом. Соколов шел легкой походкой записного гуляки; я старался держаться позади него, напряженный, будто струна, в ожидании косых взглядов и ухмылок.

— Расслабьтесь, граф! — посоветовал Иван Прохорович. — Это же Монтекалида! Здесь если в луже лежит пьяница, еще неизвестно — бродяга это или модный поэт, а то и цельный драматург!

Я кивнул и постарался успокоиться.

Все верно: курортный городок как магнитом притягивал представителей богемы, особенно в летнюю жару, когда оставаться в задымленном Новом Вавилоне уже не было никаких сил. Впрочем, ехали на воды со всей империи и даже из колониальных штатов Нового Света. Альберт Брандт всегда говорил, что здесь — уникальная атмосфера...

Тут я привычно поморщился. Прошло больше года с тех пор, как мы виделись с поэтом последний раз, но всякий раз при воспоминании о нем душу начинала крутить ноющая тоска. У меня было не так много друзей, чтобы безболезненно пережить разрыв с любым из них. Если начистоту, у меня, наверное, и друзей-то больше не было, кроме Альберта.

Емельян Никифорович перекинулся парой слов с кассиром, и тот выдал ему длинный серый плащ. Я надел его и в целом остался доволен: пусть одеяние и оказалось слегка узковато в плечах, а ниже просторно болталось, но зато почтенная публика перестала одаривать меня то презрительно-удивленными, то удивленно-сочувственными взглядами.

— Коротковат, — отметил Соколов. — Вы, Лев Борисович, не граф, а просто король-пугало!

— Бросьте, Иван Прохорович, — одернул его Красин, доставая из кармана пачку папирос. — Отлично смотрится!

Но рукава и в самом деле были слегка коротковаты, запястья торчали из обшлагов, словно палки того самого пугала, с которым меня сравнил Соколов.

— Найдем извозчика? — предложил Емельян Никифорович, закурив.

— Бросьте свои барские замашки, господин рабовладелец, — отказался Соколов. — Идемте до электрической конки. Я знаю неплохой магазин готового платья здесь неподалеку. — И он обратился ко мне: — Или граф предпочтет обратиться к портному?

— Боюсь, костюм починить не получится, а я не могу позволить себе ждать, пока сошьют новый, — вздохнул я, решив до поры до времени не интересоваться обращением «рабовладелец».

Ивана Прохоровича отличала склонность к ассоциативному мышлению, изгибы его логики ставили меня в тупик. Как и он сам: не получалось определить его профессиональную принадлежность или хотя бы социальный статус. Но младшим компаньоном «господина рабовладельца» он не был совершенно точно. Слишком вольно держал себя с товарищем.

— В путь, господа! — позвал нас Соколов и по узенькой улочке зашагал прочь от лодочной пристани.

Навстречу нам спешили нарядные отдыхающие; покрасневший от натуги продавец в матросской шапочке прокатил подпрыгивавший на неровной брусчатке ящик с мороженым; рыскал от одного зеваки к другому разносчик газет. Жизнь в курортном городке была ключом.

Миновав два дома, мы вышли на широкий бульвар, в глаза сразу бросилась театральная тумба с яркой афишей. На фоне местного амфитеатра были изображены Карузо и Шаляпин. Подробности разобрать не успел: в конце улицы раздалось несколько отрывистых звонков, и сразу из-за поворота вывернул кативший по железным рельсам самоходный вагон.

— Не отстаем, господа! — ускорил шаг Соколов.

Красин глубоко затынулся и кинул окуроч в урну; я придержал рукой развевающиеся полы плаща и поспешил вслед за спутниками.

Опясывавшая город линия электрической конки, едва ли не самая старая в мире, считалась второй достопримечательностью Монтекалиды после термальных вод. Сине-белые вагоны были запечатлены на бесчисленном количестве почтовых открыток и марок. Появление столь странного для курортного места средства передвижения связывали с гидроэлектростанцией, выстроенной в горах самим Максвеллом, который провел здесь последние годы своей жизни.

Вагоновожатый сбросил скорость, конка остановилась, и ее покинули полтора десятка курортников. Мы без всякой спешки прошли в вагон, оплатили проезд кондуктору в форменной черной тужурке и фуражке с начищенным козырьком и заняли сидячие места.

Раздался звонкий щелчок, контактная сеть сверкнула электрическими искрами, и вагон тронулся с места. Нас легонько качнуло, а потом вагон набрал скорость и колеса размеренно застучали на стыках рельс.

Больше всего меня поразило полное отсутствие дыма. Горный воздух был невероятно прозрачным, дышалось им на удивление легко.

Вагон проехал мимо городского сада, на щит у ворот которого расклейщик прилаживал объявление о вечерней лекции на тему «Обитаемы ли планеты?». Солнце палило изо всех своих солнечных сил, раскаляя брусчатку и прогревая горный воздух; к будке с газированной водой выстроилась целая очередь. От яркого света даже заслезились глаза. Я поморщился и отвернулся от окна, решив при первой же возможности купить темные очки. Без них — совсем никак...

— Выходим, — предупредил нас Соколов и прямо на ходу ловко спрыгнул с задней площадки на мостовую, словно и не выпил незадолго до этого бутылку крепленого вина.

Я соскочил следом и немного даже пробежался, дабы сохранить равновесие. Красин последовал за нами, и мы вошли в узенький переулок между двумя трехэтажными домами с мансардами, предназначенными для сдачи внаем отдыхающим. Над головами тянулись бельевые веревки, вяло трепыхались на ветру наволочки, полотенца и чулки.

Долго идти не пришлось, только повернули на соседнюю улицу и оказались на месте. Вывеска магазина готового платья обнаружилась на первом этаже углового особняка.

Обычная тихая улочка: выгоревшие на солнце навесы, кафе с пыльной витриной, рядом — цирюльня и ломбард с забранными решетками прорезями окон. Где-то неподалеку тявкнула собака, простучал за домами железными колесами вагон электрической конки. На перекрестке парнишка с газетами выкрикивал новости, привлекая внимание прохожих.

— А мы, граф, подождем вас там! — указал Соколов на уличные столики кафе напротив. — Неплохое местечко, — сообщил он нам. — Душевное.

— Да это же я тебе его показал! — возмутился Емельян Никифорович.

— Так и есть, — улыбнулся Иван Прохорович. — Но на магазин готового платья, друг мой, ты внимания не обратил, так?

Красин только фыркнул и полез за бумажником.

— Лев Борисович, ссудить вас деньгами? — предложил он.

— Благодарю, не стоит, — отказался я в надежде использовать просохшие ассигнации и снял плащ. — И за одежду тоже благодарю. Просто выручили.

— Пустое! — отмахнулся Емельян Никифорович, перекинул плащ через руку и зашагал к Соколову, уже занявшему столик на тротуаре.

— Газеты! Господа, покупайте газеты! — подошел к уличному кафе парнишка с пухлой сумкой. — Бои в Рио-де-Жанейро! Волнения в Индии! Очередная вылазка тугов — душителее Кали!

Емельян Никифорович купил свежий выпуск «Атлантического телеграфа», Соколов ничего брать не стал. Я тоже покачал головой и толкнул дверь магазина. Над головой звякнул колокольчик, и одутловатый приказчик поспешил выйти из-за прилавка в зал.

— Чем могу помочь? — заученно улыбнулся он, не обратив внимания на мой порванный костюм. Точнее, усиленно делая вид, будто не обращает внимания.

Я с отвращением оттянул и отпустил лацканы пиджака.

— Нужны костюм-тройка, нижнее белье и сорочка.

В лавке пахло шерстью и пылью, рядами висели костюмы, различавшиеся лишь цветом материи и размерами. Сама мысль о том, что после пошитой на заказ одежды придется вновь одеться в подобное убожество, вызвала изжогу.

Или просто еда в корзинке для пикника испортилась на жаре?

Приказчик смерил меня наметанным взглядом и достал сантиметр.

— Это будет непросто, — объявил он, снимая мерки, — но что-нибудь обязательно подберем.

Замерив рост, ширину плеч, длину ног и рук, он побродил между вешалок и вынес темно-серый костюм.

— Это совсем не то, что было у вас раньше, — сказал приказчик, словно извинялся за ассортимент магазина, — но костюм требуется срочно, правильно понимаю? Раз уж вы обратились к нам...

— Все верно, — подтвердил я.

— Тогда прошу в примерочную! И вот еще сорочка, а белье, увы, не держим...

В отгороженном ширмой закутке я выложил на полку нож, расческу, золотые запонки, звякнувший монетами бумажник и жестяную коробочку леденцов, избавился от старого костюма и переоделся. Сорочка оказалась впору, ее рукава доходили до костяшек больших пальцев, а вот пиджак хоть и сидел как влитой, но ощутимо давил в плечах. Требовалось сохранять определенную осторожность, дабы он не разошелся по швам. В брюки я продел собственный ремень, они оказались впору, их стоило лишь самую малость укоротить.

— Ну, что скажете? — с интересом повернулся ко мне приказчик.

— Пиджак узковат в плечах, — сообщил я.

— Увы, ничего более подходящего подобрать не получится, — развел руками продавец.

— И надо подшить брюки.

Приказчик отметил мелком нужную длину и указал на стул за ширмой.

— Можете подождать здесь.

Я отдал ему брюки и остался в новой сорочке, жилетке и кальсонах. В задней комнате немедленно застрекотала швейная машинка.

В одиночестве я пребывал недолго, вскоре продавец вернулся и откровенно замялся, не зная, с чего начать разговор.

— Это, конечно, не мое дело, но... — вымолвил он, сбился, махнул рукой и сходил за зеркалом. — Позвольте, просто покажу. Вот, смотрите сами...

Я повернул голову и едва удержался от проклятия, разглядев сожженные на затылке волосы. Сразу вспомнилось, как заглянул в охваченную пламенем рубку дирижабля. Даже кровь к щекам прилила из-за осознания того, что разгуливал в подобном виде по городу.

Стыд и срам!

И эти двое... Могли бы и предупредить!

Раздражение быстро улеглось; в конце концов, никто не нанимался мне в няньки. И рваный костюм был куда большей проблемой, нежели сожженные волосы.

Прическа, к слову, была испорчена безвозвратно — среди подпалов проглядывала голая кожа.

— Могу послать кого-нибудь за цирюльником, — услужливо предложил приказчик.

— Будьте добры, — не стал отказываться я.

Вскоре принесли подшитые брюки, и я оделся, но покидать магазин не стал — появляться на улице с опаленными волосами категорически не хотелось. Уж лучше дождусь цирюльника.

— Сколько с меня? — спросил я, раскрывая бумажник.

— Двадцать пять франков, — ответил приказчик, заглянув в учетную книгу.

Сумма вышла весьма немалая даже по столичным меркам, и я внутренне поморщился, но торговаться не стал и выложил на прилавок пару красных десятков с портретом Леонардо да Винчи и присовокупил к ним синюю купюру с Александром Вольтой. Тут пришла очередь приказчика морщиться: пусть банкноты и успели просохнуть, но вид имели весьма подозрительный.

Впрочем, принял их продавец без единого вопроса. Он еще убил деньги в кассу, когда распахнулась дверь и к нам присоединился невысокий усатый цирюльник в белом переднике. В одной руке у него был кожаный саквояж, в другой — свернутая простыня.

— Кого стричь? — спросил мастер с явным континентальным акцентом, заметил меня и принялся выстреливать фразами как из пулемета: — А! Вы! И что у вас? Покажите. Повернитесь к свету. О! Да неужели? Вот это да! Вам очень повезло, моншер, огонь затронул лишь затылок. Но придется убирать опаленные волосы. Выходить в таком виде на улицу — моветон!

— Что вы предлагаете? — попытался я заткнуть фонтан его красноречия, но безуспешно.

— Садитесь! Садитесь! — потребовал коротышка и принялся ходить вокруг. — Поразительно! Еще и сбоку подпалина! Нет, виски в таком виде оставлять нельзя. Не получится, даже не просите. А вот сверху убирать ничего не надо. Не волнуйтесь, моншер, сделаю все в лучшем виде!

— Что сделаете? — с трудом вставил я в этот рваный монолог свой вопрос.

Цирюльник накинул на меня простыню, подоткнул за воротник и отступил на шаг назад.

— А какие варианты? — хмыкнул он, осматривая меня со стороны. — Вас спасет только андеркат. Очень модная стрижка... в определенных кругах.

Я беззвучно выругался. По работе в полиции мне частенько приходилось наблюдать на неблагополучных окраинах стриженных подобным образом молодых людей, и походить на одного из этих пронырливых типов не хотелось совершенно.

— По-другому никак? — спросил я в надежде на чудо.

Коротышка оправил пышные усы и вздохнул.

— Моншер, — обратился он ко мне будто к несмышленому ребенку, — у вас сожжена половина затылка и опален левый висок. Я могу просто подровнять волосы, но выглядеть результат будет просто похабно. Я ценю свой труд и уважаю клиентов, мне претит марать руки подобной халтурой. И не волнуйтесь, никто не собирается превращать вас в карикатурный шарж с последних страниц «Столичных известий», все будет... очень стильно. Вам понравится.

Я пожал плечами и разрешил:

— Приступайте.

Цирюльник кивнул и принялся за дело. Сначала он остриг затылок и виски, затем подровнял верх, зачесал волосы набок и увлажнил гелем.

— Вуаля! — передал он мне зеркало.

В зеркале отражался... не я. Ну, почти не я. И без того резкие черты лица с новой прической еще более заострились, и выглядел я, словно стригся подобным образом с юных лет. Головорез из неблагополучного района? Что ж, пусть будет так.

Опытный физиономист без всякого сомнения опознал бы во мне Леопольда Орсо, равно как и Льва Шатунова, но простого обывателя изменения вполне могли сбить с толку. И это было не так уж и плохо. Точнее, даже хорошо.

Я повертел головой из стороны в сторону и решил, что в определенной степени новая стрижка мне даже нравится. Теперь я буду выделяться из толпы даже без своего модного костюма. Как говорится, дешево и сердито.

Сердито? Да, вид у меня и в самом деле был определенно недобрый.

Цирюльник убрал простыню и несколько раз пшикнул одеколоном. Я поднялся со стула и встал у ростового зеркала, оглядел себя со стороны и кивнул. Неплохо.

— Ну как, моншер? — обратился ко мне цирюльник, убирая инструменты в саквояж.

— Лучшего и ожить было нельзя, — признал я и в порыве неоправданного мотовства протянул ему последнюю пятифранковую банкноту. Теперь у меня в кошельке оставалась лишь мятая десятка да несколько монет. — Вы мне очень помогли.

Но только направился на выход, меня окликнул приказчик.

— Господин! — встrepенулся он. — Ваш старый костюм!

— Выкиньте! — распорядился я и вышел на улицу. Постоял на тротуаре, наслаждаясь легкими дуновениями ветерка, достал жестяную коробочку, сунул в рот обвалынный в сахарной пудре леденец.

Мои спасители сидели за уличным столиком кафе, я не стал подходить к ним и заглянул в ломбард с отгороженной железной решеткой витриной, где среди выставленных на продажу ювелирных украшений лежало несколько карманных пистолетов и револьверов. Оценив расценки на золотые безделушки, запонки я не стал даже предлагать и сразу расстегнул браслет хронометра.

— Сколько?

Хмурый оценщик принял часы и первым делом взвесил их, затем через вставленный в глазницу окуляр оглядел клеймо, открыл заднюю крышку, сразу защелкнул ее и безапелляционно объявил:

— Тридцать франков.

— Сколько?! — решил я, будто ослышался.

— Тридцать.

— Да как так?! Золотой корпус, золотой браслет! Чистого металла — сорок граммов! Даже если за полцены, как лом в заклад брать, шестьдесят — семьдесят франков выйдет!

Оценщик выложил хронометр на прилавок и повторил:

— Тридцать франков.

— Наручные часы! Хронометр! Календарь! Меньше пятидесяти и разговаривать не о чем! — возмущился я. — Да если не выкуплю, их за полторы сотни с руками оторвут!

Мужичок поковырял меж неровных зубов заточенной спичкой и усмехнулся:

— Можно подумать, ты их покупал. Тридцать франков.

«Покупал!» — хотел рявкнуть я, но сдержался. Высокий и крепкий, характерная стрижка, недорогой костюм. И бесцветные глаза никакой роли не играют, мало, что ли, среди сиятельных головорезов? Ясно и понятно, откуда у такого типа золотые часы.

И если этим утром я легко мог выручить за хронометр и сотню франков, то теперь мой потолок — жалкая тридцатка.

Проклятье! Я так на них рассчитывал! Покупал с мыслью иметь при себе золотой запас на самый крайний случай, а в результате мне просто смеются в лицо!

Вернув часы на запястье, я защелкнул застежку браслета и достал бумажник. Выудил из него двухфранковую монету и раздраженно припечатал к прилавку.

— Будьте любезны, — указал я на затесавшиеся среди ювелирных украшений очки с круглыми черными линзами, напоминающие окуляры слепцов.

— Держите.

Нацепив очки на нос, я подошел к окну и выглянул на улицу. Линзы оказались сильно затемнены, и яркий солнечный свет наконец перестал резать глаза.

— Беру! — решил я.

— Да, пожалуйста, — лязгнул в ответ скупщик кассой.

Я покинул ломбард и направился к своим новым знакомым. Иван Прохорович, к моему удивлению, вместо вина заказал кофе; перед ним стояли пустая чашка и блюдце с оставшимися от круассана крошками. Емельян Никифорович грузно развалился на стуле, уткнулся в газету и курил.

Соколов первым обратил внимание на мой претерпевший изменения внешний вид и расплылся в широкой улыбке.

— Оригинально! — развел он руками. — Я намеревался рекомендовать вам купить шляпу, но, вижу, вы решили проблему самым кардинальным образом. Практически разрубили гордиев узел! Ваше второе имя, случаем, не Александр?

— Перестань, — попросил его из-за газеты Емельян Никифорович. — Ты так совсем запутаешься в именах и запутаешь меня.

— Пообедаем? — предложил я, потянув воздух носом.

— Ну не здесь же! — охнул Соколов и поднялся из-за стола. — Емельян Никифорович, идемте!

— Сейчас, сейчас, — отозвался тот, вдавил папиросу в пепельницу и принялся сворачивать газету.

— Да выкинь ты эту гадость! — посоветовал Иван Прохорович, погладив свою короткую шкиперскую бородку. — Что за манера портить себе аппетит чтением прессы?

— Мне интересно, что происходит в мире! — возмутился Емельян Никифорович. — Я же не читаю светскую хронику!

— И что нынче на первых полосах газет? Какие события?

— Все как обычно. — Красин нацепил на макушку канотье, а плащ накинул на согнутую в локте руку. — Война с ацтеками, стычки на Иудейском море, да еще бубонная чума и беспорядки в Индии. Полный набор.

— Не всех тугов еще переловили? — усмехнулся я. — Поразительно.

В последнее время душители Кали не сходили с первых страниц газет. Уничтоженная в прошлом веке англичанами секта почитателей богини смерти неожиданно для всех воспрянула из небытия, и фанатики-убийцы с удручающим постоянством отправляли на тот свет имперских чиновников, солдат колониальных войск и клерков Всеиндийской компании. А уж сколько было убито и закопано в неглубоких ритуальных могилах местных жителей, никто даже не считал.

Ивана Прохоровича мое замечание откровенно развеселило.

— Переловили? — всплеснул он руками. — О чем вы, граф? Если уж полковнику Слиману с его не ограниченными ни нормами права, ни рамками морали полномочиями не удалось выжечь заразу до конца, то что говорить о его нынешних коллегах? У них нет ни единого шанса!

— Ну, Индия и душители далеко! Где мы будем обедать, вот что меня сейчас интересует! — поспешил я отвлечь спутников от обсуждения последних новостей и перевести разговор на куда более актуальную для себя тему.

— Как где? В «Тереме», разумеется! — рассмеялся Иван Прохорович.

— В «Тереме»?

— Не слышали? Это русский ресторан, все наши там собираются.

— Как скажете.

Мы зашагали по улице, и Соколов не преминул вернуться к прежней теме.

— Емельян Никифорович, а вот ответьте: вся прогрессивная общечеловечность по-прежнему требует дать индусам независимость? — не слишком-то вежливо толкнул он товарища в бок локтем.

— Не без этого, — подтвердил Красин.

— Ничего в этой жизни не понимаю! — покачал головой Иван Прохорович. — Ну что за люди такие? В последнюю войну поздравительные телеграммы императору Поднебесной отправляли, теперь за душителей вступаются. Как так можно?

— В первую очередь, они ратуют за объективность. Призывают не повторять ошибок прошлого и не грести под одну гребенку, — рассудительно отметил Емельян Никифорович. — Если человек индус, он не обязательно душитель. Презумпция невиновности...

— Брось! — отмахнулся Соколов. — Индусы как тараканы. Они повсюду! Да еще умудряются своей мистической ерундой пудрить мозги цивилизованным людям. Теперь уже и англичане среди почитателей Кали попадают! Англичане, французы и голландцы! Можете себе представить?

Я мог, но не хотел. Хотел есть. Поэтому огляделся по сторонам и озадаченно спросил:

— Как вы здесь только ориентируетесь?

— Бросьте, граф! Заблудиться в этом городе невозможно! — уверил меня Соколов. — Он весь окружен линией электрической конки и нарезан на районы радиальными бульварами, словно неаполитанский круглый пирог...

— Пицца, — подсказал Красин.

У меня заурчало в животе.

— Именно пицца! Все радиальные дороги ведут к площади Максвелла, — подтвердил Иван Прохорович и махнул рукой. — Она там. Не промахнетесь.

Я посмотрел в указанном направлении и обратил внимание на висевший над городом дирижабль.

— Кто-то на воды прилетел? — пошутил я, озадаченно потирая свежесбривший затылок.

— Что? — проследил за моим взглядом Соколов. — Нет, это какой-то нувориш из Нового Света взялся финансировать реконструкцию амфитеатра. На днях состоится открытие, поэтому цены на проживание растут как на дрожжах!

Меня это известие оставило равнодушным, поскольку задерживаться в городе я не собирался. Пообедаю, дабы хоть немного унять резь в животе, и отправлюсь напрямиком на вокзал.

— Не нувориш, а миллионер и меценат, — укорил товарища Емельян Никифорович. — Уж поверь, перестройка амфитеатра влетела ему в копеечку!

— Нет, это ты мне поверь! — вспылил Соколов. — Отобьет свое на рекламе с лихвой! Подобная публика в убыток себе ничего не сделает. Капиталисты...

— Давай не будем ссориться, — мрачно глянул в ответ Красин. — К тому же мы уже пришли.

И в самом деле: на фасаде двухэтажного особняка красовалась яркая вывеска: «Терем». Перед высоким гранитным крыльцом ждали клиентов сразу несколько открытых колясок, а на входе гостей встречал слуга в синей поддевке, жилете и заправленных в начищенные ваксой сапоги штанах.

Моих спутников слуга знал и поспешно распахнул перед нами дверь. Емельян Никифорович задержался сунуть ему в руку мелкую монету.

Внутри оказалось шумно. Просторный зал с пальмами в кадках вдоль стен и огромной люстрой под потолком был наполнен гомоном голосов; играла музыка, кто-то пытался декламировать стихи. На глаза попало несколько свободных столов, но Иван Прохорович повел нас на второй этаж. Там было не так многолюдно.

— Франция — это просто какой-то кошмар, господа! — объявил собутыльникам статный молодой человек с пышной шевелюрой вьющихся волос. — Грязь! Физическая и, что еще страшнее, духовная!

Мы прошли мимо к свободному столу, и тогда Соколов небрежно бросил:

— Шлак!

Я обернулся и присмотрелся к столь нелицеприятно охарактеризованному им господину.

— От слова «шлакоблок», надеюсь? — спросил после у Ивана Прохоровича. — Не в плане оценки творчества?

Мои спутники рассмеялись.

— А вам, граф, палец в рот не клади! — покачал головой Соколов. — На ходу подметки режете!

Подошел официант, принес меню на русском.

— Чего изволите-с? — поинтересовался он.

За последний год я изрядно подтянул свое знание языка, поэтому в написанных кириллицей названиях не путался. Заказал тарелку ухи, черный чай и большую сковороду жареной картошки. Мог бы умять за один присест и целого поросенка в яблоках, помешала развернуться ограниченность в средствах.

Соколов остановил свой выбор на сибирских пельменях и соленьях, к ним велел принести графин водки.

— Только холодной, — предупредил он. — Не как в прошлый раз. Пить невозможно было.

— Возьмем с ледника-с, — уверил его халдей.

Красин, тяжело отдуваясь, вытер платком покрасневшее лицо и ткнул пухлым пальцем в строчку с супом-шпоре.

— Соленый арбуз и хлебную корзинку? — уточнил официант.

— Неси, — махнул рукой Емельян Никифорович и повернулся ко мне: — Лев Борисович, не просветите нас, чем зарабатываете на жизнь? Не сочтите за назойливость, просто это самый верный способ завязать разговор.

— Я не зарабатываю, я трачу, — нейтрально улыбнулся я. — Трачу матушкино наследство, путешествую по миру, смотрю новые страны, знакомясь с людьми...

— Это дело, — одобритительно кивнул Соколов. — А вот нам с Емельяном Никифоровичем приходится в поте лица на хлеб насущный зарабатывать.

— В поте лица — это про меня, — возразил Красин. — Вы же, Иван Прохорович, как попрыгунья-стрекоза, с места на место перелетаете.

— Ну, потею точно меньше вашего, — огладил русую бородку Соколов. — А что бегать приходится — так работа такая. Нашего брата ноги кормят. — Он повернулся ко мне и официальным тоном объявил: — Соколов Иван Прохорович, специальный корреспондент ряда ведущих российских газет и журналов. Помимо этого, публикую фельетоны под псевдонимом Гольий Король.

— Гол как сокол? Это от фамилии? — догадался я и потер подбородок. — Вот насчет короля не уверен. Что-то от Ивана к Цезарю?

— Два сапога пара, — фыркнул Емельян Никифорович. — Вам друг с другом точно скучно не будет.

— И какими судьбами здесь? — вежливо поинтересовался я. — Поправляете здоровье?

— Если бы! — горестно вздохнул Соколов. — На службе! — Он снял пробку с принесенного графина, налил себе стопку водки, потом зачем-то плеснул немного в чайное блюдечко и поинтересовался: — Лев Борисович, по маленькой?

— Пожалуй, воздержусь, — отказался я, с нескрываемым удивлением наблюдая за манипуляциями Красина, который положил в блюдце с водкой ломоть белого хлеба. — Жарко сегодня.

— Тут всегда жарко, — уверил меня Иван Прохорович. — Жарко, и не протолкнуться от известных личностей. А уж на открытие амфитеатра и вовсе весь бомонд собрался. Ожидается даже ее императорское высочество, слышали?

— Нет, — ответил я, нервно вздрогнув. Пересекаться со своей венценосной родственницей и тем паче ее окружением не хотелось абсолютно.

Обедаю — и сразу на вокзал. Без промедления.

Только вот не станут ли меня ждать именно там? Или даже не меня, а погибшего стюарда? Ведь он, без сомнения, намеренно выгадал время поджога, чтобы после прыжка с парашютом приземлиться в окрестностях Монтекалиды и укатить отсюда по железной дороге. Могут его встречать, могут.

Я погрузился в напряженные раздумья и едва не пропустил рассказ Соколова о причинах его пребывания в курортном городе.

— И вот меня посылают сюда светским обозревателем, — объявил Иван Прохорович, — а суточных выделяют — с гулькин нос. Не поверите, скоро начну милостыней побираться.

— Вашему брату к этому не привыкать, — сварливо отметил Емельян Никифорович, переворачивая хлеб. — Многие так и вовсе нормальным полагают сначала в газете человека грязью облить, а потом у него же на водку целковый занять.

На виске Соколова задергалась жилка, но он сдержался.

— У кого занимать-то? — криво ухмыльнулся репортер. — Творческий люд вечно без копейки сидит, это вам лучше меня известно.

— Известно, — подтвердил Красин и повернулся ко мне: — Лев Борисович, я в некотором роде литературный скаут.

— Рабовладелец, — вставил Соколов. — Писателей да поэтов поглавно и построчно скупает и перепродает. Проиграется бедолага в карты, а тут — Емельян Никифорович с людоедским предложением. Ну как ему отказать?

— Не преувеличивайте, — отмахнулся Красин, взял вымоченный в водке ломоть, разломил надвое и отправил в рот. — Ваше здоровье...

— Ваше! — Иван Прохорович отсалютовал ему стопкой и выпил водку.

Я отпил чая.

— Лев Борисович, вижу немой вопрос в ваших глазах, — усмехнулся Емельян Никифорович. — Я, видите ли, в некотором роде боюсь воды.

— Бешеный, — беззвучно рассмеялся Соколов, намекая на второе название бешенства — «водобоязнь».

— Совсем не пьете? — уточнил я.

— Совсем, — кивнул Красин, подцепил на вилку соленый груздь и отправил его в рот. Пожал плечами и принялся аккуратно нарезать на кусочки арбуз. — Привык уже, — спокойно произнес он после недолгого молчания. — Ем супы, восполняю недостаток влаги фруктами. Арбузы вот почти полностью из воды состоят. Но это — на закуску, а пару ломтей свежего съел — и хорошо.

Я не стал интересоваться обстоятельствами, приведшими к столь необычному выверту психики, спросил о другом:

— Но, Емельян Никифорович, что же тогда вы делали на озере?

Красин мрачно глянул на Соколова. Тот рассмеялся.

— Клин клином, граф! Клин клином! Это же элементарно! — объявил он. — Право слово, я был уверен, что прогулка по озеру легко избавит нашего дорогого Емельяна Никифоровича от его столь неудобной фобии. Вы даже не представляете, сколько усилий ушло, чтобы завлечь его на лодочную станцию!

— Карточный долг — это святое, — произнес Емельян Никифорович, с мрачной миной отправил в рот вторую часть пропитанного водкой ломтя и махнул рукой. — Наливай!

Я быстро расправился с ухой и отпил чая. Голод отступил, но лишь немного, поэтому, когда принесли жареную картошку, я постелил на колени салфетку и принялся набивать живот, абсолютно не интересуясь, насколько благовоспитанно это смотрится со стороны.

Бренчавшая уже какое-то время на первом этаже балалайка смолкла, заиграл оркестр. Отправлявший в себя рюмку за рюмкой Соколов быстро хмелел. Красин со своим смоченным в водке хлебом от него не отставал и, когда в очередной раз начали исполнять «Маруся отравилась», вдавил окурок папиросы в блюдце и решительно поднялся из-за стола.

— Закажу нашу, купеческую, — объявил он и зашагал к лестнице.

Я посмотрел на часы и поднялся следом, доставая бумажник.

— Пожалуй, мне пора.

На улице уже порядком стемнело, в ресторане включили главную люстру, но на втором этаже табачный дым продолжал плавать в легком полумраке, сюда свет особо не доставал.

— Стойте, граф! Стойте! — всполошился Соколов, который уже отчаялся всучить мне рюмку водки. — Сейчас вернется Емельян Ни-

кифорович, и мы покажем вам удивительное место, просто потрясающее!

— Не стоит, — отказался я и выложил на стол последнюю десятку.

Но уйти не успел. Внизу затыкнули: «Эх, полным-полна моя корбочка», и вернулся Емельян Никифорович.

— Собираетесь? — спросил он и кивнул: — Да и мы пойдем, пожалуйста.

Мы расплатились и покинули ресторан. Новые знакомые намеревались продолжить вечер в одном чудесном, просто замечательном, как хором уверяли они, игорном заведении неподалеку, мне же идти никуда не хотелось. Голод отступил, вернулась ясность мысли. Я вдруг понял, что ничего толком не знаю о своих спутниках, а кутить всю ночь напролет со случайными людьми — занятие не самое благоразумное.

Всюду зажигали газовые фонари, но, когда мы свернули с боковой улочки на один из «радиальных» бульваров, тот оказался погружен в темноту, лишь ближе к площади разливалось меж домами сияние электрических ламп. Газовое освещение меняли на электрическое, старые светильники уже скрутили, а на их место повесили новые и даже протянули провода, но напряжение подать не успели. К одному из столбов была приставлена лестница, забравшийся на нее рабочий крепил под плафоном тарелку громкоговорителя. На дороге стояла самоходная коляска с открытым кузовом, где лежали инструменты, запасные динамики и скрученные газовые фонари; рядом курил шофер.

Мы дошли до освещенного тротуара, и там я окончательно решил, что не хочу ни в какой игорный дом. Следовало добраться до вокзала и справиться насчет билетов до Нового Вавилона, а не коротать ночь за игрой в карты.

Мне лишь требовался благовидный предлог ретироваться, и я получил его, когда мы проходили мимо варьете «Три лилии». Поначалу взгляд зацепился за броскую афишу с овалом белой физиономии мима и надписью: «Невероятный Орlando», но она недолго занимала меня. Куда интересней показался рисунок девушки в экзотическом полупрозрачном одеянии, в тюрбане и с закрытым восточным платком лицом, которую художник изобразил с немалых размеров удавом. На плакате с другой стороны входа мелькали задранные ноги, пышные юбки и цветастые наряды танцовщиц кордебалета.

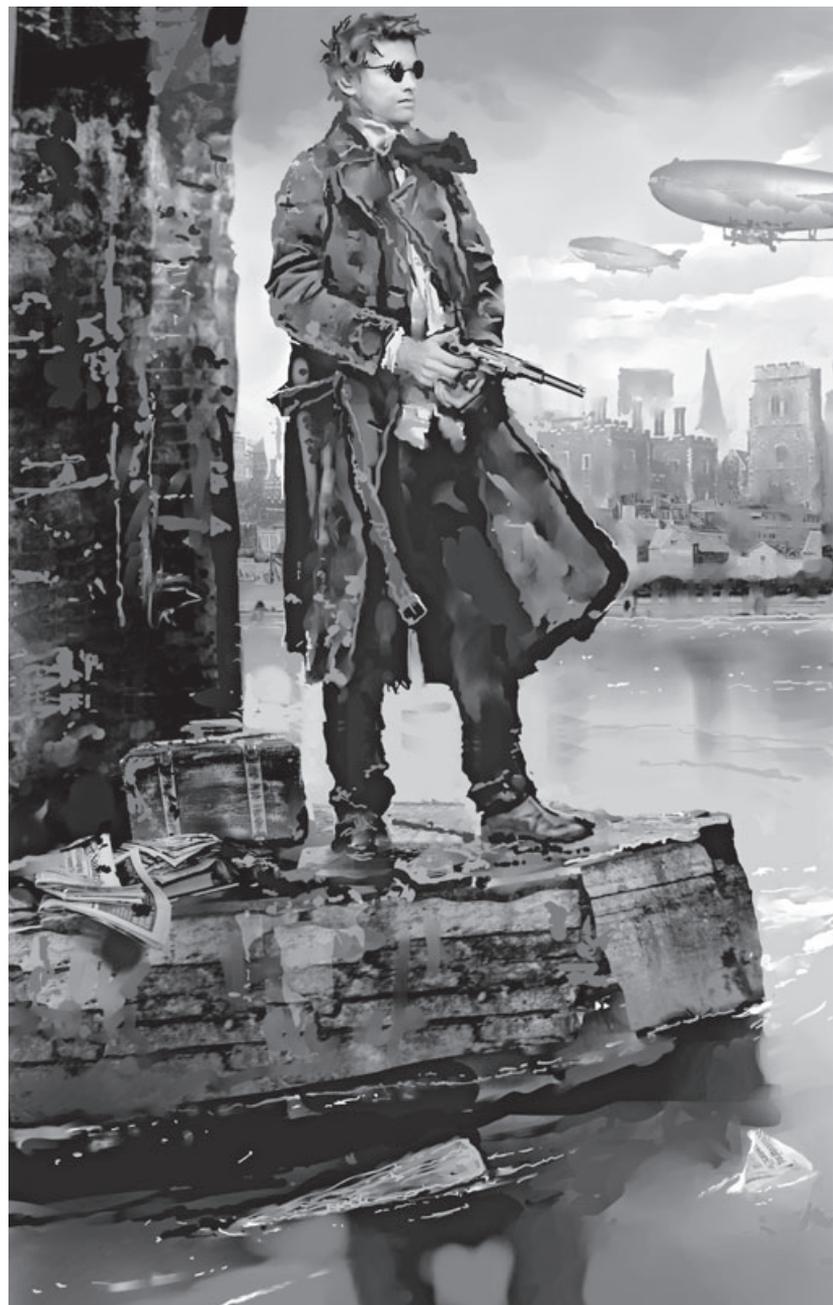
— Господа! — остановился я. — Премного благодарен за спасение, но вынужден вас оставить. Честно признаюсь, не слишком уважаю карточные игры, лучше полюбуюсь на красоток.

Мои спутники переглянулись.

— Эх, молодость! — протянул Емельян Никифорович, доставая пачку папирос.

— Одни девицы на уме, — поддакнул ему Иван Прохорович.

• Спящий •

Часть первая

МИШЕНЬ. СЕРЕБРЯНЫЕ ПУЛИ И ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

1

Любая бритва по сути своей является подобием ритуального серпа кельтских друидов в праздник обновления природы. Одно движение рукой — и кожа становится чистой, а лицо молодеет, словно вместе со сбритой щетиной отсекается груз прожитых дней.

Я оценивающе посмотрел на отражение в зеркале и кивнул, соглашаясь с собственными рассуждениями. Потом стряхнул пену с бритвы в тазик с теплой водой, провел лезвием по намыленной щеке, и вновь — чистая полоса.

Последнюю неделю я не утруждал себя бритьем, и потому заточенный металл словно бы убирал само время. Я молодец буквально на глазах.

Впрочем, бритву неспроста называют опасной: отвлечешься — и пореза не избежать.

Я не отвлекся. Меня отвлекли.

— Дорогой! — послышалось из спальни. — Ты уже думал о дне нашей свадьбы?

Рука дрогнула, лезвие безболезненно и очень легко надрезало кожу, выступила капелька крови. Я с обреченным вздохом залепил порез кусочком бумаги и продолжил приводить себя в порядок. Затем спрыснул одеколоном ладони, похлопал по щекам и уже после этого без всякой спешки покинул ванную комнату.

— Ты что-то сказала, дорогая? — со всей возможной невозмутимостью обратился я к Лилиане, которая лежала на кровати с дамским журналом в руках.

Та оторвалась от чтения и повторила вопрос:

— Ты уже думал о дне нашей свадьбы?

— Ты в положении?

— О, Лео! — закатила подруга глаза. — Ты совсем как моя мама! Она тоже постоянно интересуется, не в положении ли я!

— И ты?..

— Нет, я не беременна! — возмущенно фыркнула Лили. — С чего вообще такие мысли?

— А с чего разговоры о свадьбе? — парировал я.

— Не хочешь взять меня в жены?

Я хотел. Да и кто в здравом уме не желал бы сочетаться законным браком с красивой и умной наследницей немалого состояния?

Впрочем, я был достаточно богат, чтобы не принимать подобные условности в расчет. Общество единственной дочери маркиза Монтегю нравилось мне без каких-либо меркантильных соображений.

Лилиана откинула с лица черный локон и напомнила о себе, теряя терпение:

— Лео!

— Хочу! — встрепенулся я. — Разумеется, хочу. Как раз задумался об этой знаменательной дате...

— Врунишка! — легко раскусила Лили мою хитрость.

— На самом деле просто залюбовался тобой.

И вот это уже было чистейшей правдой. Мы с Лилианой были вместе три месяца, а мои чувства к ней лишь крепли день ото дня.

Звучит будто фраза из любовного романа? Все так, но я действительно ее... любил? Наверное. Главное, что при виде Лилианы у меня теплело на душе, а остальное не имело значения. Кто бы что ни говорил...

Лилиана перехватила мой задумчивый взгляд и оправила пеньюар, прикрыв длинной полкой обнаженные ноги.

— Лео, не отвлекайся! — потребовала она.

Я присел на кровать рядом с ней и поцеловал.

— Лео, нет! — рассмеялась Лили, отстраняясь. — Не сейчас! Мама и так говорит, что я совсем тебя загоняла!

— Так и говорит? — изумился я, от удивления даже перестав поглаживать стройную девичью ножку.

— Ну, не мне... — смутилась Лилиана. — Папе. Я случайно услышала.

— Подслушала.

— Лео, ты уходишь от разговора!

Я поправил Лили прядь черных волос, полюбовался красотой ее классического профиля и с улыбкой признал:

— Да, я похудел. И что с того?

За лето я и в самом деле сбросил полтора десятка килограммов, но при этом к своей прежней болезненной худобе несколько не приблизился, продолжив оставаться большим и мощным. Стал не худым, но поджарым. И наша любовная связь к этим изменениям не имела ровным счетом никакого отношения. Куда большую роль сыграл свежий воздух горного курорта, занятия с гантелями и правильное питание.

А еще я перестал быть оборотнем.

Да, фамильное проклятие оставило меня в том злополучном подвале в Монтекалиде, и порезы при бритье заживали теперь столь же медленно, как заживают они у всех остальных людей.

Честно говоря, я от такого давно отвык.

— Лео! — помахала ладонью Лилиана у меня перед лицом. — Лео, ты витаешь в облаках!

— Да, дорогая?

— Речь шла не о твоём весе, а о дате нашей свадьбы!

Я поднялся с кровати и отошел к окну. Отель «Бенджамин Франклин» был выстроен на возвышенности, и с его четвертого этажа открывался великолепный вид на историческую часть города. Точнее — открывался бы, не зятяни все кругом туманная дымка. Сентябрьская непогода и обычный для столицы смог укутали дома серым полотнищем, из которого выглядывали лишь силуэты крыш и высокие шпили дворцов.

— О дате нашей свадьбы? — задумчиво протянул я. — Тебя интересует какой-то конкретный день?

Лилиана зашуршала страницами журнала.

— Здесь пишут, герцог Логрин объявил о помолвке старшей дочери с бароном Алстоном. Бракосочетание состоится двадцатого октября, в день памяти императора Климента. Очень символичная дата, Лео, не правда ли?

Я пожал плечами.

— Меня устроит любая.

— Даже так?

— Да. Только не здесь, не в Новом Вавилоне. Завтра мы улетаем на континент, не забыла? Можем остановиться на неделю в Мадриде, а оттуда перебраться в Барселону. Как тебе такая идея?

— Идея просто замечательная! — улыбнулась Лилиана, но тут же наморщила лоб. — Подожди, Лео! Ты сказал — завтра? А у меня будет время повидаться с родителями?

— Вылет назначен на половину шестого вечера, — успокоил я ее и обернулся от окна. — А они разве еще не знают о нашем отъезде?

— Не было подходящего случая сообщить, — легкомысленно ответила Лили. — Завтра расскажем. Ты ведь поедешь со мной?

— Если это необходимо...

— Лео, не волнуйся! Папа с мамой от тебя без ума. Они не запрут меня дома!

— Очень на это надеюсь, — усмехнулся я.

— Хотя... — вздохнула Лилиана. — Ты точно не хочешь задержаться в Новом Вавилоне?

Я не хотел. В столице было проще простого случайно повстречаться с кем-нибудь из старых знакомых, а мне вовсе не хотелось вновь попасть в поле зрения Третьего департамента или хуже того — людей из окружения ее величества. И потому ответил я одним коротким безапелляционным:

— Нет!

Лилиана прекрасно расслышала проскользнувшую в моем голосе нотку раздражения и вскинула голову.

— Лео, тебя что-то беспокоит?

Я вздохнул. Давным-давно стоило посвятить Лили в некоторые тайны своего прошлого, но на это попросту не хватало духу. Я боялся напугать, боялся оттолкнуть. И потому молчал.

Не стал я раскрывать истинных причин своего беспокойства и сейчас. Отвернулся к окну и посмотрел на серый город, затем с тяжелым вздохом произнес:

— В газетах пишут, ее величество преставится со дня на день. У ее высочества здоровье тоже не самое крепкое. Рабочие устраивают стачки. Социалисты требуют роспуска императорского совета и учреждения выборного сената. Анархисты швырнули бомбу в министра юстиции, тот лишь чудом избежал смерти. Стреляли в судью Высокого императорского суда. Закидали бутылками с керосином призывной пункт. И так — каждый день. Я хочу оказаться как можно дальше отсюда, когда все полетит в тартарары.

— Как скажешь, дорогой. Как скажешь.

Я наклонился поцеловать Лилиану и предупредил:

— Вернусь часа через два.

— Я буду ждать, — вздохнула она, раскрыла журнал и вдруг поинтересовалась: — Помнишь, как мы останавливались здесь первый раз, в июне?

— Да. А что?

— Я тогда лежала в кровати и все ждала, что ты постучишься ко мне. Но так и не дождалась стука в дверь и уснула.

— Могу постучаться прямо сейчас, — с улыбкой предложил я.

— Нет! — не согласилась Лили. — Иди по своим делам. А я буду томиться в ожидании стука. Ты ведь постучишь?

— Всенепременно постучу, — пообещал я, еще раз поцеловал подругу и ушел в собственный номер, смежный с апартаментами Лилианы.

Надолго там не задержался. Только поменял сорочку на свежую, повязал шейный платок и надел пиджак. Ни зонт, ни плащ брать не стал — на улице было хоть и пасмурно, но сухо. Сезон осенних дождей еще не наступил.

Выдвинув верхний ящик секретера, я вынул из него паспорт, бумажник и «Цербер», рассовал их по карманам и направился на выход.

— Лео! — окликнула меня Лилиана.

— Да? — заглянул я в дверь смежного номера.

— Возвращайся скорее. И не забудь — мы приглашены вечером к Альберту и Елизавете-Марии!

— Не беспокойся, задерживаться не планирую, — спокойно уверил я Лилиану, хотя приглашение на ужин совсем вылетело у меня из головы.

После триумфального выступления в Монтекалиде, завершившегося обмороками и массовыми галлюцинациями, Альберт Брандт

приобрел скандальную известность настоящего кудесника слова и стал желанным гостем на столичных светских раутах. Вместо возвращения в Новый Свет он снял дом где-то неподалеку от академии и готовился поставить в Императорском театре собственную пьесу.

Проигнорировать приглашение поэта было бы с моей стороны по меньшей мере невежливо — кто знает, когда доведется вернуться в Новый Вавилон? — и оставалось лишь уповать на то, что в гости к Альберту не соберется вся столичная богема.

Я взял с полки котелок и вышел в коридор. Лифтом решил не пользоваться, вместо этого направился к лестнице, размышляя, какую безделушку подарить Альберту на память.

Проходя мимо стола коридорного, я небрежным кивком поприветствовал заспанного клерка, спустился на первый этаж и направился к стойке портье, но меня опередил шустрый господин средних лет, худощавый и рыжеволосый.

— К господину Витштейну, — произнес он с явственным ирландским акцентом, а когда портье открыл журнал, представился: — Линч. Шон Линч.

Клерк отыскал фамилию в списке гостей и молча указал на лифт, потом с дежурной улыбкой обратился ко мне:

— Чем могу служить, господин Шатунов?

Я поймал себя на том, что слишком уж пристально смотрю вслед рыжеволосому ирландцу, встрепенулся и выложил на стойку ключ от номера.

— Просто хотел оставить ключ!

— Будут какие-то пожелания?

— Нет, ничего, — покачал я головой и, нервно помахивая рукой, зашагал через вестибюль.

Прозвучавшая фамилия откровенно выбила из колеи, ведь речь точно шла об Аврааме Витштейне, вице-президенте одноименного Банкирского дома. Случайная встреча с ним в вестибюле отеля грозила легко и бесповоротно разрушить мое инкогнито.

Дьявол! Не стоило поддаваться на уговоры Лилианы и вновь останавливаться в «Бенджамине Франклине»! Черт бы побрал эту сентиментальность!

Я поморщился, нервным толчком распахнул дверь и шагнул на улицу к наряженному в цветастую ливрею швейцару. В ответ на дежурную улыбку я улыбнулся ничуть не менее формально, окинул быстрым взглядом запруженную праздною публикой Императорскую площадь и нацепил на нос темные очки.

Отвлекся лишь на миг, но это краткое мгновение все и решило.

— Ни с места! Руки вверх! — раздалось сзади, и я замер на полушаге.

Рука сама собой метнулась к боковому карману пиджака, и мне едва удалось отдернуть ее в сторону, прежде чем открыли стрельбу

обступившие со всех сторон крепкие парни в штатском. Револьверы они держали на изготовку, пальцы замерли на спусковых крючках.

А сыщик за спиной без промедления выдал новое распоряжение:

— На колени! Руки за голову!

Я заколебался, но сразу решил, что нежелание пачкать брюки о пыль брусчатки едва ли является достойной причиной испытать на себе действие электрического разрядника. Единственное, что позволил себе, — это опуститься на колени без лишней спешки, в тщетной попытке сохранить остатки собственного достоинства.

Где-то поблизости яростно рыкнул пороховой движок, и на площадь из переулка неожиданно резво выкатился неповоротливый полицейский броневик. Зеваки так и прыснули в разные стороны, а разносчик газет и вовсе едва не угодил под колеса, спеша откатить в сторону ручную тележку.

Сыщик подступил сзади, завернул мне руки за спину и, защелкнув на запястьях стальные браслеты наручников, с некоторой даже торжественностью в голосе объявил:

— Леопольд Орсо! Вы арестованы по обвинению в убийстве!

Я выдохнул беззвучное проклятие.

Прошлое все же настигло меня. И, как это обычно водится, настигло в самый неподходящий момент.

— Встаньте!

Неловко из-за скованных за спиной рук я поднялся с колен и уточнил:

— И кого же я убил?

— Об этом спросите следователя! — последовал лаконичный ответ, и меня втолкнули в темное нутро броневика.

2

Арестант — существо бесправное. С момента задержания и до прибытия в участок из правового поля он попросту выпадает, и приключиться с ним за это время может абсолютно что угодно. Вплоть до падения с моста в мутные воды Ярдена. А испытать на себе выворачивание рук, удары по почкам и удушающие захваты доводится едва ли не каждому второму задержанному.

Но не в моем случае. Набившиеся в броневик сыщики в штатском за всю поездку не задали ни единого вопроса, лишь удерживали на прицелах револьверов. Они словно опасались, что я разорву скованную браслеты наручников цепочку и наброшусь на них с кулаками.

Страх. Я чувствовал их страх.

Конвоиров было шестеро против одного, но они откровенно опасались меня, и это было действительно странно.

Наслышаны о моем таланте? Очень сомневаюсь...

Как бы то ни было, я не предпринял ни малейшей попытки разговорить сыщиков, дабы прояснить детали предъявленного обвинения, и молча сидел на лавке. Просто не хотелось давать повод нервным парням понаделать во мне дырок. Знаю точно, они открыли бы стрельбу на поражение без малейших колебаний.

Пороховой движок броневика размеренно чихал, мощные колеса сглаживали неровности брусчатки, и лишь когда попадались совсем уж серьезные выбоины, меня мотало на лавке от одного конвоира к другому. А потом дневной свет померк, серость хмурого неба за решетками боковых окошек сменилась полумраком ангара, и тяжелый самоходный экипаж остановился.

Броневик привез меня в гараж полицейского управления метрополии — на жаргоне столичных уголовников это называлось «сыграть в «Ящик».

Сыщик справа отцепил крепившуюся наручники к полу цепочку. Сыщик слева распахнул боковую дверь.

— На выход! — распорядился полицейский напротив.

Ох, как же вас много, ребята, на меня одного...

Но дальше стало только хуже. В просторном гараже меня дожидались вооруженные самозарядными карабинами и четырехствольными лупарами констебли. Лодыжки немедленно сковали ножными кандалами, и под брэнчание стальных звеньев я засеменял по коридору, будто особо опасный рецидивист.

Здание полицейского управления, огромное и монументальное, занимало целый квартал да еще уходило на несколько этажей под землю. Случайный человек мог блуждать по его запутанным закоулкам в поисках нужной двери часами, и среди констеблей ходило немало страшных историй о сослуживцах, которые пропали без вести, просто свернув не в тот коридор.

Честно говоря, я всерьез опасался разделить их судьбу, но не прошло и пары минут, как меня завели в небольшое помещение без окон, залитое ослепительно-резким светом электрических ламп.

Обыск много времени не занял, если это вообще можно было назвать обыском. Пришлось попросту снять всю одежду, а взамен натянуть полосатую робу арестанта. Личные вещи без досмотра убрали в холщовый мешок и запечатали сургучной печатью.

Следующая остановка случилась в фотомастерской. Там меня усадили на деревянный стул — своими многочисленными зажимами и крепежами он определенно напоминал стул электрический, — и флегматичный мастер закрепил голову в тисках, дабы сделать снимок анфас, а затем последовал снимок в профиль. После этого фотограф запечатлел все мои татуировки, а полицейский клерк снял отпечатки пальцев, вымарав кожу черной тушью и заставив приложить ладони к листу плотной желтоватой бумаги.

Последующая тяготи́на с измерением роста и составлением списка особых примет заняла никак не менее часа, и стало ясно, что в отличие от прошлых задержаний сейчас все серьезно и оформление идет в полном соответствии с протоколом.

Какого дьявола?!

Но хоть меня так и потряхивало от нервного перенапряжения, приставать с расспросами к бывшим коллегам я повременил. Скоро. Скоро все прояснится само собой. И, возможно, я еще пожалею, что не остался в блаженном неведении.

Но одно было ясно уже сейчас: задержание не имело никакого отношения к моим летним неприятностям в Монтекалиде, поскольку Томас Смит добился снятия всех обвинений в причастности к убийству бармена-индуса, а гибель супругов Тачини объявили несчастным случаем еще на стадии предварительного следствия. В заключении коронера ничего не говорилось о самоубийстве и пулевых ранениях, упоминались лишь многочисленные повреждения, полученные ими в результате обрушения перекрытий ветхого здания.

Потрясение прошло, тяжким грузом навалились страхи. Сдерживать тремор удавалось со все большим трудом, но я упрямо стиснул зубы и стал дожидаться окончания формальных процедур. Одно было ясно совершенно точно: это официальное задержание, а вовсе не произвол людей из окружения ее величества.

До меня добралась вовсе не лейб-гвардия, и это оставляло неплохие шансы на благополучный исход дела. И не важно, насколько серьезное обвинение собираются предъявить, — к богатым особое отношение. Я больше не был безденежным голодранцем, я мог позволить себе нанять самых известных столичных адвокатов. В худшем случае процесс затянется на годы, в лучшем — меня отпустят на свободу уже этим вечером.

Очень хотелось в это верить...

После фотомастерской под размеренный стук подкованных ботинок конвоиры провели меня в комнату для допросов. Там ножные кандалы прицепили к вмурованному в стену кольцу, а наручники соединили стальной цепочкой с массивным столом, чьи ножки были привинчены к полу.

Лампы под потолком светили прямо в глаза, но смотреть здесь в любом случае было не на что. Глухие стены с отсыревшей и потрескавшейся штукатуркой, пыльный пол, обшарпанная мебель. Если не брать в расчет электрическое освещение, в подобных декорациях мог проходить допрос преступника и сто, и двести лет назад.

Из общего ряда выбивалась лишь машина фонографа в дальнем углу. В камере он казался совершенно неуместным.

Какое-то время я щурился, разглядывая звукозаписывающий аппарат, затем откинулся на неудобную и жесткую спинку стула и за-

крыл глаза. Не стал их открывать, даже когда под скрип ржавых петель распахнулась входная дверь.

В этом попросту не было никакой нужды. Я узнал вошедшего и со смеженными веками. Слишком уж характерным оказался враз перебивший затхлую сырость камеры аромат его одеколона и тонкий запах дорогих сигарет.

— Давно не виделись, инспектор! — усмехнулся я старому знакомому.

— Старший инспектор! — поправил меня Моран, кинув на край стола со своей стороны пухлую папку с документами. — Старший инспектор, господин Орсо. Старший. Вам ли не знать разницы?

С нашей последней встречи Бастиан Моран нисколько не изменился. Худое лицо по-прежнему отмечала аристократическая бледность, а напомаженные волосы, круто заломленные брови и тонкие губы придавали ему несвойственный полицейскому вид декадентствующего франта. Утонченному образу полностью соответствовали ухоженные руки, да и модный костюм и дорогая сорочка с алмазными запонками нисколько не подкачали, но все решительно портили холодные серые глаза матерого душегуба.

Легавый — он легавый и есть. Это не оскорбление, это как каторжанское клеймо. Работа накладывает свой отпечаток на всех нас.

— Все готово! — объявил ассистент, вставив в фонограф новый валик.

— Начинайте запись! — скомандовал Моран.

Полицейский клерк запустил аппарат, и под тихое басовитое гудение тот принялся мелко подрагивать и едва слышно скрипеть. Свет в камере несколько раз мигнул, но, к моему величайшему разочарованию, сеть выдержала возросшую нагрузку и замыкания не произошло.

Ассистент покинул камеру, и я, прекрасно осознавая, что в протокол попадет каждое сказанное мною слово, не удержался от шпильки:

— Не прекратите хватать на улицах добропорядочных подданных ее величества, так и до понижения недалеко... старший инспектор.

Бастиан Моран изогнул крутую бровь в немом изумлении.

— Добропорядочных? — произнес он с показным удивлением в голосе. — Добропорядочный подданный ее величества в этой комнате только один, и это не вы, Леопольд Орсо. Или же вас следует называть Львом Шатуновым?

Старший инспектор достал из папки мой новый паспорт и с презрительной ухмылкой кинул его на стол. Я в ответ лишь спокойно пожал плечами.

— Как вам будет угодно, так и называйте.

Но едва ли мое спокойствие произвело на Морана хоть какое-то впечатление. Он скривил в ехидной улыбке тонкие губы и заявил:

— Добропорядочному человеку нет нужды в поддельных документах.

— Так меня только из-за этого в кандалы заковали? — звякнул я стальной цепочкой наручников. — Напомнить номер имперского уложения о национальных паспортах? Не забывайте, старший инспектор, мой дед был русским. Фамилию Орсо он взял при пожаловании дворянства...

И сейчас я нисколько не блефовал. Документы на имя Льва Борисовича Шатунова проходили по всем реестрам изначально, и впоследствии моему поверенному не составило особого труда составить и задним числом приобщить к делу официальное прошение о выдаче нового паспорта.

Обошлось это в небольшое состояние, но оно того стоило.

Не сказать, что Бастиан Моран при этих словах переменялся в лице, но вид он принял на редкость озадаченный.

— Леопольд, вы отдаете себе отчет, что это заявление чрезвычайно просто проверить? — спросил старший инспектор.

— Чем раньше направите телеграмму в Петроград, тем раньше получите ответ, — спокойно ответил я. — И тем меньшую сумму вчинит мой поверенный полицейскому управлению за незаконное задержание.

Моран поднялся из-за стола и покинул камеру, но очень скоро вернулся, вероятно поручив составить запрос в Петроград ассистенту. С ходу он возобновлять расспросы не стал, вместо этого достал из кармана пачку «Честерфилда», закурил и выдохнул к потолку струю пахучего дыма.

Я демонстративно поморщился.

Старший инспектор не обратил на мою гримасу никакого внимания, стряхнул пепел прямо на пол, вновь уселся за стол и принялся листать подшитые в папку документы, словно желая освежить в памяти материалы дела. Та легкость, с которой было опровергнуто первое обвинение, оказалась для него неприятным сюрпризом.

От табачного дыма у меня начало першить в горле, но, когда Бастиан Моран потушил сигарету, я нисколько этому не обрадовался. Очень уж резким и решительным движением вдавил он окурок в край столешницы, поверхность которой и без того пестрела многочисленными пятнами.

— Итак, приступим к делу! — объявил старший инспектор. — Готовы, Леопольд?

— Всегда, — улыбнулся я в ответ, но улыбнулся криво, маскируя за иронией пробежавшую по спине колючими мурашками нервозность.

— Где вы находились семнадцатого июня этого года? — спросил старший инспектор и даже подался вперед, словно пытаюсь застигнуть меня неожиданным вопросом врасплох.

И застал. Фыркнул я в ответ совершенно искренне:

— Понятия не имею. А вы сами-то помните?

— Я помню, — подтвердил Моран. — Благодаря вам о том дне у меня остались не самые приятные воспоминания. А это, учитывая мой стаж, — событие нетривиальное.

— Вы что-то путаете. Мы с вами не встречались уже больше года.

— Где вы были семнадцатого июня? — повторил старший инспектор свой странный вопрос.

Я отвел взгляд и принялся разглядывать неровную и потрескавшуюся штукатурку стен, припоминая события ушедшего лета. Июнь? Где я был в июне, семнадцатого числа?

Удивительное дело, но стоило лишь подумать об этом, и события трехмесячной давности восстановились в памяти сами собой. Не так-то просто позабыть давление охватившей шею удавки и безостановочное падение в бездну забвения.

— Нет, не помню, — покачал я головой некоторое время спустя.

— Но вы были в Новом Вавилоне в тот день?

— Вполне может стать, что и был.

— Были, — уверенно заявил Бастиан Моран и достал из папки выписку из журнала регистрации постояльцев «Бенджамина Франклина», заверенную управляющим отеля. — Вот бесспорные доказательства этого факта.

— Позвольте...

— Пожалуйста, — передвинул старший инспектор мне бумажный лист.

Рядом с подписью управляющего было проставлено сегодняшнее число, и это обстоятельство заставило надолго задуматься. Задержание враз перестало казаться апофеозом длительных розыскных мероприятий; скорее всего, все же угораздило попасться на глаза кому-то из старых знакомых.

— Надеюсь, вы не станете утверждать, будто тогда еще не были Львом Шатуновым? — усмехнулся Моран, доставая из пачки новую сигарету.

— Вы слишком много курите, — предупредил я. — Это плохо для легких.

— Отвечайте на вопрос!

— В середине июня я действительно провел несколько дней в столице и действительно останавливался в «Бенджамине ФранкLINE». Было ли это именно семнадцатого числа? Не помню, но оснований не верить выписке у меня нет. Предположим, в этот день я был в Новом Вавилоне. Что дальше?

Никак не выказывая своего удовлетворения моим ответом, старший инспектор глубоко затянулся, затем снова вдавил сигарету в столешницу и спокойно произнес:

— Отпечатки ваших пальцев были обнаружены на месте преступления.

— Да будет вам! — рассмеялся я. — Вы меня разыгрываете!

— Ничуть.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Это какое-то недоразумение.

Бастиан Моран без всякого сомнения раскусил мою игру, но, поскольку я не запыртался и не отрицал своего присутствия в Новом Вавилоне, ему волей-неволей пришлось выложить на стол свой следующий козырь. Точнее, колоду козырей в виде многочисленных снимков стреляных пистолетных гильз, фотокопии карточки с отпечатками пальцев из моего досье и заключения экспертов, заверенно-го сразу несколькими синими печатями.

— Эти гильзы были обнаружены на месте преступления, — начал излагать свою версию старший инспектор, — и снятые с них отпечатки пальцев совпали с вашими отпечатками, хранившимися в полицейской картотеке. Заключение криминалистической экспертизы, как и сегодняшнее повторное исследование, это полностью подтверждает. И что, Леопольд, вы скажете на это?

Меня пробил пот, и сохранить невозмутимое выражение лица получилось с превеликим трудом. Да и получилось ли? Уверен, собеседник видел меня насквозь.

Желая выгадать время, я протянул руку за фотографиями, но слишком короткая цепь не позволила достать до них.

— Разрешите? — попросил я тогда старшего инспектора.

Бастиан Моран спокойно пододвинул ко мне стопку снимков и расслабленно улыбнулся.

— Никакого подвоха, Леопольд! И уверен, вы и без моих напоминаний знаете, что чистосердечное признание смягчает ответственность. Подумайте об этом. Хорошенько подумайте!

Я ничего не ответил, быстро просмотрел фотоснимки и перевел взгляд на старшего инспектора, но тот уже вернул заключения криминалистов обратно в папку, не дав возможности ознакомиться и с ними. И это было воистину странно: без экспертных заключений все эти фотографии — простой набор невнятных картинок, так почему же Моран не захотел вбить последний гвоздь в крышку моего гроба?

Я был почти уверен, что знаю ответ, и все же горло пересохло, а душу уколол острый приступ страха, зазвенело в ушах. Да, я испугался. А кто бы на моем месте сумел сохранить присутствие духа? Жизнь на каторге не сахар, и невелика разница, отправят меня заниматься заготовкой леса в заснеженной Сибири или сгноят адским трудом в не столь отдаленных каменоломнях. В любом случае едва ли получится дожить до конца срока, который назначит судья за убийство шести человек, пусть даже индусов. Будет совсем непросто доказать, что они были душителями Кали и напали на меня первыми...

Дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Усилив воли я подавил панику, отвел взгляд от довольной физиономии Бастиана Морана и уставился на пятно обвалившейся штукатурки. Фонограф в углу по-прежнему размеренно гудел, по-

этому я не спешил с объяснениями, тщательно подбирая правильные слова.

— Леопольд, — вздохнул Бастиан Моран, уловив охватившие меня сомнения, — буду предельно откровенен: я не до конца понимаю, что именно тогда с вами произошло. Подозреваю, это могла быть самооборона. И если вы расскажете, как все случилось, дело едва ли дойдет даже до предъявления обвинения. Возможно, вас смутили обстоятельства задержания, но мы действовали строго по протоколу. Ничего личного, вы ведь уже попадали в подобные ситуации, не так ли? — напомнил старший инспектор с примирительной улыбкой. — Посудите сами: убитые находились под подозрением в причастности к запрещенной секте тугов, а обнаруженные на месте преступления улики не оставляют в этом ни малейших сомнений. Ни один судья не вынесет в подобных обстоятельствах обвинительный приговор...

В словах собеседника имелся определенный резон, но я слишком хорошо знал внутреннюю кухню Ньютон-Маркта, чтобы принять увещания старшего инспектора о выгодах сотрудничества со следствием за чистую монету. Когда вас сначала старательно загоняют в угол, а потом вдруг открывают путь к спасению, каждая услужливо распахнутая следователем дверь приведет лишь в еще более тесную камеру.

И потому я предпочел не откровенничать, а соорудить удивленный вид.

— Туги? О чем вы говорите? Я не имею никакого отношения к душителям Кали!

— Леопольд! — досадливо поморщился Бастиан Моран. — Давай не будем играть в эти игры! Дело висит на мне как камень на шее. — Старший инспектор даже приложил к воротнику сорочки холеную ладонь. — И мне надо закрыть его во что бы то ни стало. Главный инспектор рвет и мечет! Помоги мне, и обещаю — уголовного преследования не будет.

— Я всегда рад оказать помощь следствию, — по-прежнему глядя мимо собеседника на пятно обвалившейся штукатурки, произнес я, тщательно подбирая слова. — Но было бы неправильно брать на себя вину за преступление, которого не совершал. Нет, я мог бы оказать вам подобную услугу, но в этом случае истинный убийца избежит наказания, а это противоречит моим принципам. Поймите это правильно, старший инспектор.

— Отпечатки пальцев! — напомнил Моран.

— А что с отпечатками пальцев?

— На гильзах с места преступления обнаружены ваши отпечатки, Леопольд. Глупо и бессмысленно отрицать это. В случае вашего отказа сотрудничать со следствием расследование затянется на долгие месяцы, и все это время вам придется пробыть под стражей. Действительно этого хотите? Лично я не горю желанием созерцать вашу кислую физиономию каждый рабочий день на протяжении года, а то

и двух. Уверен, вам общение со мной тоже не доставляет особого удовольствия. Так давайте поможем друг другу. Я не требую ничего сверхъестественного. Просто расскажите, что именно тогда произошло!

Предложение старшего инспектора выбрать меньшее из двух зол совершенно точно не являлось экспромтом; именно на такое развитие событий он уповал, приказывая задержать меня и доставить в Ньютон-Маркт с соблюдением всех предписанных протоколом формальностей. Кандалы и тюремная роба должны были ясно показать, чем обернется отказ сотрудничать со следствием. Вот только излишняя откровенность еще никого до добра не доводила.

Я знал это наверняка и потому предложил:

— Давайте вернемся к отпечаткам пальцев. Насколько точны результаты экспертизы?

— Ошибка исключена!

— Ну конечно! — не удержался я от откровенной усмешки. — Это ведь обычное дело — найти на стреляной гильзе четкий след пальца! И я сейчас не говорю о воздействии пороховых газов и высокой температуры, просто гильза сама по себе... невелика, а площадь ее соприкосновения с подушечкой пальца — еще меньше. Ошибка исключена? Да бросьте!

— И тем не менее это так, — спокойно заявил в ответ Бастиан Моран. — Обнаруженные узоры папиллярных линий полностью соответствуют вашим.

— Те узоры, которые вам удалось обнаружить, старший инспектор. Насколько помню, частичные отметины криминалисты вообще отказываются принимать к рассмотрению, разве нет?

— Я настоял на дактилоскопической экспертизе, и она была проведена с соблюдением всех требований.

Я покривился.

— Не уверен, что суд примет ее результаты в расчет.

— Нет никакой необходимости доводить дело до суда.

— Хорошо! — сдался я. — Вполне допускаю, что это действительно мои отпечатки пальцев. В те дни я выбирал пистолет и обошел несколько оружейных магазинов. Пересмотрел множество моделей и, разумеется, их заряжал и разряжал. Вероятно, это и объясняет совпадение... — нет! — сходство обнаруженных отпечатков.

Высказав свою версию, я отвел взгляд от пятна обвалившейся штукатурки и посмотрел на Морана. Вид у того был как у гурмана, хлебнувшего вместо изысканного марочного вина кислый яблочный уксус.

— Хорошая попытка, — скептически улыбнулся старший инспектор. — Но позволю себе усомниться в ваших словах.

— Сомневайтесь сколько вам угодно. Вопрос в том, усомнятся ли в них присяжные. При задержании у меня изъяли «Цербер». Про-

верьте по журналу продаж магазина «Золотая пуля». Я купил его как раз в те дни.

— Леопольд! — хлопнул ладонью Бастиан Моран. — Достаточно лжи! Модель пистолета, из которого были произведены выстрелы, не поступала в открытую продажу! Вся партия была направлена прямым путем в Новый Свет! В магазине вам дать подобный пистолет в руки попросту не могли!

— А что скажете об оружейном рынке на пятачке Архимеда? — прищурился я. — Помню, однажды во время облавы мы изъяли там крупнокалиберный «гатлинг», украденный во время ремонта с армейского дирижабля!

Старший инспектор шумно вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Теперь в его взгляде читалась откровенная ненависть. Оно и немудрено — названная мной оружейная барахолка была давнишней головной болью полиции метрополии, и если пропавшие по дороге в Новый Свет пистолеты где-то и могли всплыть, так это там.

— Значит, на рынке... — протянул Бастиан Моран некоторое время спустя. — Но лавку, где смотрели пистолет, разумеется, не помните?

— Я даже не знаю, какой именно из пистолетов вас интересует. Бродил там несколько часов.

Моран вдруг резко подался ко мне и произнес:

— Я знаю, Леопольд, что это были вы!

— Присяжные обычно с недоверием относятся к интуиции полицейских, — спокойно ответил я, хоть сердце так и дрогнуло, а на спине выступила испарина. — А вот в предубежденность полицейских к задержанным они, напротив, верят чрезвычайно легко. Вы предубежденно относитесь ко мне, старший инспектор. И теперь это зафиксировано в вашей записи.

— Вздор! — коротко выдал Бастиан Моран и в очередной раз хлопнул ладонью по столу. — Вы убили индусов. Я знаю это наверняка. И у меня достаточно улик, чтобы доказать это!

Я откинулся на спинку стула и попытался скрестить на груди руки, но этому помешала натянутая до предела цепь, которой были прикованы к столу наручники.

— Позвольте усомниться в ваших словах. Вы не впервые выдвигаете против меня ничем не обоснованные обвинения, старший инспектор. Ведь так?

Мои слова угодили точно в цель. Бастиан Моран покраснел от бешенства, но все же сдержался и не отвесил затрещину, что непременно проделал бы в подобном случае с обычным арестантом.

— Мои обвинения, Леопольд Орсо, — официальным тоном произнес он, — были обоснованны и тогда, и сейчас!

— Вы это серьезно? — опешил я. — До сих пор подозреваете меня в убийстве Левинсона?

Управляющий столичного отделения Банкирского дома Витштейна был растерзан оборотнем, и Бастиан Моран поначалу заподозрил, будто это моих рук дело. Даже железное алиби не разубедило старшего инспектора, лишь проведенный полицейским медиком анализ крови вынудил его отказаться от предъявления официально обвинения.

Да — тогда я еще не являлся полноценным оборотнем, как не был им и сейчас. И никакой анализ не сможет показать обратное. Пусть часть способностей, вроде инстинктивного уклонения от серебра, и сохранилась, но этот благородный металл больше не был способен отравить мой организм. Кровь не вступит с ним в реакцию ни при каких обстоятельствах.

Бастиан Моран поджал губы, но от прямого ответа на вопрос уходить не стал.

— Да, виконт. Я до сих пор подозреваю вас в причастности к смерти Левинсона! — заявил он после недолгого молчания.

— Но ведь именно я застрелил его убийцу! Я лично сделал это!

— На допросе оборотень мог рассказать об истинных мотивах своего преступления, а вы убили его. Очень удобно, не находите?

— Об истинных мотивах? Разве Прокруст когда-либо нуждался в мотивах?

— Бросьте, Леопольд! — отмахнулся Бастиан Моран. — Мы установили личность застреленного вами оборотня, во время нескольких преступлений Прокруста он дожидался смертной казни в Килмэнхеме! Сбежать ему удалось уже позже!

— Чего вы хотите от меня, старший инспектор? — прямо спросил я.

— Правды!

— Вы ее услышали.

Моран раскрыл папку и небрежно перекинул мне одну из лежавших там фотографий. Я взглянул на снимок и невольно вздрогнул. С листа на меня смотрели мертвые черные глаза индуса. Но напугало вовсе не это, не по себе стало из-за раздавленной гортани покойника. Раздавленной моей собственной рукой.

— И что это за несчастный? — спросил я, подавив нервную дрожь.

— Это одно из тел, рядом с которыми была обнаружена гильза с вашим отпечатком, — пояснил Бастиан Моран.

— С фрагментом отпечатка, — машинально вставил я, но старший инспектор пропустил мою ремарку мимо ушей.

— А вот этот снимок, — выложил Моран следующую фотографию, — был сделан в доме Левинсона. Как видите, характер ранений погибшего в июне индуса и охранника банкира полностью совпадают. Более того, я поднял из архива снимки жертв Прокруста...

— Довольно! — не выдержал я. — Чего вы от меня хотите? Говорите прямо!

— Правды!

— Я все сказал.

— Я знаю, что это вы, — прямо заявил Моран. — Это вы, Леопольд Орсо, убили индусов и вы, без всякого сомнения, причастны к убийству Левинсона. Не знаю, зачем и как, но будьте уверены — это лишь вопрос времени. Я остановлю вас, чего бы мне это ни стоило!

— Мне нужен адвокат.

— Адвокат не поможет! — отмахнулся старший инспектор. — Вы никогда больше не выйдете на свободу, уж поверьте — я об этом позабочусь!

Во рту появилась противная кислинка, но я пересилил себя и усилием воли прогнал подступившую панику.

— У вас нет улик, а сравнение отпечатков было проведено не по правилам. Ни один суд не примет это в расчет. Отпечаток зубов убитого мною оборотня совпал с одной из посмертных ран служанки Левинсона. И к тому же, если я оборотень, давайте пойдем самым простым путем и сделаем анализ крови. В прошлый раз он ничего не показал!

— Всему свое время, — нахмурился Бастиан Моран. — Проведем и анализы. Я лично разрежу вас на мелкие кусочки, но добьюсь правды.

— Звучит как угроза.

Старший инспектор поднялся из-за стола, выключил фонограф и вынул из него валик.

— Да неужели? — обернулся он ко мне с недоброй ухмылкой. — Что навело вас на эту мысль?

Ответить я не успел. Резким толчком распахнулась дверь, и в камере в один миг стало тесно и невыносимо душно, хоть к нам и присоединился один-единственный человек.

Главный инспектор полиции метрополии Фридрих фон Нальц был стар и лицом походил на туземного идола, вырезанного из древнего соснового корневища. Отблеск бесцветных глаз был явственно различим даже в ярком свете электрических ламп, а исходящий от старика призрачный жар заставлял воздух колебаться вокруг него раскаленным маревом.

Впрочем, мне это только показалось. У страха глаза велики, а я боялся главного инспектора куда больше всех угроз Морана вместе взятых. Если фон Нальц решит выбить из меня правду, помехой ему не станут ни адвокаты, ни Высокий императорский суд.

Талант главного инспектора мог прожарить человека за пару секунд, но, к счастью, обратил свое внимание старик вовсе не на меня.

— Бастиан! — обратился фон Нальц к старшему инспектору. — Что здесь происходит?!

— Проводятся следственные мероприятия, — ответил тот с невозмутимым видом и выгнул бровь. — А что?

— Прошу извинить нас, Леопольд, — вздохнул Фридрих фон Нальц и позвал Морана в коридор. — На минуту, Бастиан...

Мне окончательно сделалось не по себе, ведь главный инспектор прекрасно знал о моем родстве с императорской фамилией. Пусть мама и была незаконнорожденной дочерью великого герцога Аравийского, брата императора Климента, но кровь не вода. Фон Нальц полагал подобный статус вполне достаточным для вмешательства в мою судьбу, и в прошлый раз это вмешательство обернулось вырезанным сердцем.

Чем оно обернется сейчас, было даже страшно представить.

3

Разговор в коридоре продолжался никак не менее четверти часа, и это было удивительно по той простой причине, что едва ли кто-то в полиции метрополии мог противостоять натиску главного инспектора столь долго.

Я уж было подумал, что полицейское руководство решило продолжить разговор в кабинете фон Нальца, но тут вновь распахнулась дверь, и в камеру шагнул Бастиан Моран с побледневшим и закамевшим от бешенства лицом.

Будь старший инспектор сиятельным и обладай его взгляд способностью убивать, мое сердце остановилось бы в тот же самый миг, да и так по спине побежали мурашки.

Но обошлось.

— Леопольд Орсо, вы свободны! — звенящим от напряжения голосом объявил Бастиан Моран, развернулся и покинул камеру, неестественно четко впечатывая подошвы туфель в каменный пол подвала.

Явившийся ему на смену констебль отпер мои наручники и снял кандалы, а затем незнакомый детектив-сержант выложил на стол целую кипу документов, на каждом из которых требовалось проставить подпись об ознакомлении.

Впрочем, подписка о невыезде вкупе с обязательствами сообщать о смене места жительства и по первому требованию являться в Ньютон-Маркт была в этой ситуации меньшим, что только могли на меня навесить. Я не расстроился.

Черт! Да я был практически на седьмом небе от счастья!

Из помещения для допросов меня препроводили в служебную раздевалку с обшарпанными шкафчиками, затхлым влажным воздухом и кранами, из которых текла ржавая вода. Я попытался отмыть с рук тушь для снятия отпечатков, но лишь впустую перевел обмылок да испортил носовой платок. Кожа на ладонях осталась синевато-серой.

Впрочем, ерунда. Я переделся в возвращенную одежду и, бросив на скамье полосатую тюремную робу, вышел в коридор, уже ощущая

себя свободным человеком, но вместо выхода усатый сержант повел меня куда-то вглубь Ньютон-Маркта.

— Простите, любезный... — насторожился я. — Выход в другой стороне!

— Вас желает видеть главный инспектор, — сообщил полицейский и распахнул дверь на лестницу. — Следуйте за мной.

Оспаривать приказ не имело ни малейшего смысла, и с обреченным вздохом я принялся подниматься из подвала. Сержант шагал впереди, сзади шумно сопели два крепких констебля.

Обложили...

В приемной главного инспектора изрядно заинтригованный происходящим адъютант под роспись вернул изъятые при задержании вещи, дал время рассовать их по карманам и лишь после этого уведомил фон Нальца о моем появлении.

— Проходите, главный инспектор готов вас принять, — объявил он, опуская трубку телефонного аппарата на рычажки.

В некоторых ситуациях «готов вас принять» ничем не отличается от «желает вас видеть незамедлительно», поэтому я подавил обреченный вздох и решительно распахнул тяжелую дубовую дверь.

«Цербер» в кармане пиджака придал мне определенную уверенность, но значение имел больше сам факт наличия оружия, а вовсе не возможность пустить его в ход.

В кабинете главы полиции метрополии царил полумрак. Окна закрывал плотный тюль, он скрадывал проникавший с улицы свет и без того пасмурного сентябрьского дня. В камине плясало на дровах тусклое пламя, на стенах приглушенным светом горели газовые рожки. Лампу на заваленном газетами и корреспонденцией столе не включили, и на фоне всеобщей серости помещения ярким светом сияли одни только глаза главного инспектора.

— Вы меня удивляете, Леопольд, — брюзгливо произнес фон Нальц, даже не предложив присесть. — Вы хоть понимаете, что своим поведением дискредитируете память своего великого предка?

— Я не совершил ничего предосудительного, главный инспектор.

Фридрих фон Нальц поморщился и спросил:

— Зачем вам понадобился второй паспорт?

— Хотел начать новую жизнь, — ответил я в общем-то чистую правду. — Разве это запрещено? Паспорт настоящий.

— Окажись он фальшивкой, я не стал бы вмешиваться, — прямо заявил старик. — Но выдвинутое в отношении вас обвинение нельзя...

— Надуманное, — подсказал я.

— Сомнительное, — высказал главный инспектор собственную трактовку. — И поскольку собранные улики являются исключительно косвенными, не вижу оснований удерживать вас на время рассле-

дования под арестом. Надеюсь, вы не заставите меня об этом решении пожалеть.

Жгучий взгляд бесцветных глаз ожег недобрым огнем, но тут, к счастью, главный инспектор отвлекся на затрезвонивший телефонный аппарат, и я с облегчением перевел дух.

— Пусть ждут, сейчас спущусь, — выслушав сообщение, ответил Фридрих фон Нальц и раздраженно бросил трубку на рычажки. Несколько секунд он сидел, напряженно глядя перед собой, затем решительно поднялся из-за стола, приблизился и похлопал меня по плечу ладонью, худой и твердой будто доска.

— Леопольд! Мой вам совет: держитесь подальше от неприятностей. Вы ведь не простой обыватель. Ваша репутация должна оставаться безупречной ради памяти деда, который был важнейшим политическим деятелем эпохи становления империи!

Я судорожно сглотнул и сумел выдавить из себя лишь нечто малоразумительное:

— Все это какое-то недоразумение...

— Хочется на это надеяться.

Холодный тон фон Нальца напугал до икоты, и все же я переборол нерешительность и попросил об одолжении:

— Главный инспектор! Не сообщайте ничего моим... родственникам. Я хочу сам решить свои проблемы. Сам, понимаете?

— Это достойно уважения, — кивнул Фридрих фон Нальц. — Думаю, никакой нужды в этом нет. Здоровье ее величества оставляет желать лучшего, ей точно ни к чему лишние волнения.

— Благодарю, — перевел я дух с несказанным облегчением.

Главный инспектор улыбнулся.

— Надеюсь, Леопольд, наша следующая встреча случится при куда менее двусмысленных обстоятельствах.

Я часто закивал — сейчас я был готов соглашаться с главным инспектором решительно во всем, — и поспешил выскользнуть в приемную. Адьютант при моем появлении оторвался от печатной машинки и спросил:

— Вызвать дежурного констебля?

— Нет, выход найду, — отказался я. — Мне понадобится какой-нибудь пропуск?

— Идите, я позвоню на проходную.

— Благодарю!

С чувством невероятного облегчения я покинул приемную и первым делом вытянул из кармана пиджака носовой платок, но тот оказался весь в черно-синих разводах туши, вытереть с лица пот не получилось. Сердце постукивало как-то слишком уж неровно, поэтому на втором этаже я по старой памяти заглянул в мужскую уборную, умылся и уставился на отражение в мутном и потрескавшемся зеркале над раковиной.

Отражение выглядело осунувшимся и напуганным.

Проклятье! Да таким я и был: выжатым, словно лимон, и напуганным, как маленький пастушок, вокруг гаснущего костерка которого кружат голодные волки.

Бастиан Моран не отступится. Дьявол! Он точно доведет расследование до конца, раскопает всю подноготную. И дело не в личной неприязни или желании восстановить правосудие — черт, да я же тугов убил! — у старшего инспектора имелся в этом деле какой-то собственный интерес.

Карьерный рост? Фридрих фон Налыц стар, ему недолго занимать пост главного инспектора, но как мое дело поможет продвижению Морана? Да и к чему стремиться раскрыть преступление, если общественность уверена, будто тугов застрелили сами полицейские?

Не понимаю...

На проходной на меня никто даже не взглянул. Начиналась перемена: одни констебли спешили на службу, другие направлялись на выход после службы. Все они были в штатском, и в общей сутолоке я спокойно покинул Ньютон-Маркт.

А когда вышел в ограниченный колоннадой портика внутренний двор полицейского управления, то с удивлением обнаружил, что на ступенях там собралась немалых размеров толпа. На демонстрацию столпотворение нисколько не походило — жидкая цепочка полицейских легко сдерживала прилично одетых господ, вооруженных не плакатами и палками, а блокнотами, карандашами и фотокамерами.

«Газетчики!» — сообразил я, надел котелок и уже двинулся к боковой арке, когда за спиной вдруг прозвучало:

— Лев! Лев, стойте!

Меня чуть удар не хватил! Машинально и совершенно не задумываясь над собственными действиями, я сунул руку в карман пиджака, но в последний момент опомнился и просто обернулся. Вдогонку за мной спешил черноволосый худощавый молодой человек в неброском костюме и мятой серой кепке.

— Лев, вот уж не ожидал тебя здесь встретить! — рассмеялся Томас Элиот Смит, сыщик Детективного агентства Пинкертона.

Я с облегчением разжал обхватившие рукоять «Цербера» пальцы и, вынув руку из кармана, протянул ее Смигу.

— А уж как я не ожидал встретить тебя, Томас! — улыбнулся я после обмена рукопожатиями и спросил, нацепив на нос темные очки: — Ты ведь собирался возвращаться в Новый Свет? Каким ветром тебя занесло в столицу?

— Это все работа, будь она неладна! — с наигранным сожалением сообщил сыщик, привычным движением разгладил черные усики и поинтересовался: — А что привело тебя в этот оплот правопорядка? Неужели опять проблемы с законом?

— Небольшое недоразумение, — поморщился я. — Ничего серьезного.

— Могу чем-то помочь?

— Нет, все уже разрешилось самым лучшим образом.

В темных глазах сыщика промелькнуло профессиональное недоверие. Впрочем, темными они казались лишь из-за цветных стеклянных линз. Томас Смит был сиятельным, но весьма искусно это скрывал.

Желая отвлечь сыщика от причины своего визита в Ньютон-Маркт, я поспешил спросить:

— Полагаю, стряслось нечто чрезвычайное, раз тебя вновь отправили через Атлантику?

— Лев, я так хорошо зарекомендовал себя этим летом, что меня решили оставить в Старом Свете! — рассмеялся сыщик. — Теперь я разъездной агент-консультант с зоной ответственности в половину Европы! Париж, Лондон, Лиссабон и Мадрид — где я только не побывал за это лето! Теперь намечается работа в Новом Вавилоне...

У меня на языке так и вертелось обидное словечко «коммивояжер», но смеяться над собеседником я и не подумал. Выпытывать подробности его нового задания тоже не стал, вместо этого указал на толпу.

— Полагаю, ты в курсе причины всеобщего ажиотажа? Что стряслось? Очередная диверсия на оружейной фабрике или громкая выходка анархистов?

По лицу Смита скользнула едва заметная гримаса, словно тема была ему неприятна, и вместо ответа он сунул мне утренний выпуск «Столичных известий», аршинный заголовок которых гласил «Кровавый ритуал на бульваре Фарадея!».

— Очередная утка? — уточнил я, пробежав глазами по статье.

— Нет, — качнул головой сыщик. — Все так и было.

— В самом деле? — удивился я, поскольку в передовице говорилось о преступлении, неординарном даже по меркам всякое повидавшего Нового Вавилона. Убийства в доходных домах редкостью не являлись, но на этот раз своей жертве — молодой незамужней женщине легкого поведения — убийцы выкололи глаза и вырезали сердце. Полицию вызвал квартиросъемщик этажом ниже, с потолка которого начала капать кровь. Выдвигалась версия, что в деле замешаны малефики, но никаких доказательств этого не приводилось. Полиция объявила в розыск сутенера погибшей.

В этот момент два констебля с красными повязками дежурных по управлению на рукавах распахнули входные двери и для надежности заблокировали их железными стопорами. Газетчики подались вперед, и полицейским из оцепления пришлось приложить немало усилий, дабы выдавить их обратно за колонны портика.

— Главный инспектор собирается сделать заявление? — догадался я.

— Именно, — подтвердил это предположение Томас Смит. — Да вот и он сам...

Фридрих фон Нальц вышел на пресс-конференцию в парадном мундире; адъютант с папкой в руках следовал за главой полиции в некотором удалении. Констебли напряглись и еще более потеснили примолкших газетчиков, но на ступенях те уперлись намертво, отвоевать удалось лишь два или три верхних ряда.

— Пожалуй, пойду, — решил я. — Рад был увидеться...

Томас Смит протянул руку на прощанье, и в этот миг через оцепление проскочил растрепанный молодой человек.

— Умри, кровавый сатрап! — крикнул он и, прежде чем успел сорваться с места хоть кто-то из застигнутых врасплох неожиданным нападением полицейских, вскинул пистолет. — Свободу узникам совести!

Стоило бы стрелять молча, но политические лозунги для подобной публики всегда стояли на первом месте, и потому анархист сначала крикнул и лишь затем открыл стрельбу. Точнее, открыть стрельбу попытался, нисколько в этом не преуспев: его пистолет просто взорвался!

Обломки оружия разлетелись по сторонам раскаленной шрапнелью, никого при этом, к счастью, серьезно не зацепив, а несостоявшегося убийцу немедленно повалили на пол подоспевшие констебли. Впрочем, угрозы никому он теперь не представлял, более того — нуждался в неотложной помощи сам: из культи его изуродованной руки безостановочно хлестала кровь.

— Врача! — заголосил кто-то из газетчиков, но помог анархисту вовсе не полицейский медик.

Фон Нальц решительно растолкал окруживших его констеблей и приблизился к раненому. До меня донесся жгучий отголосок таланта сиятельного, а потом страшная рана зашипела и в один миг перестала кровоточить. Раненый парень тотчас перестал биться и обмяк на руках констеблей. Так, в бесчувственном состоянии, его и занесли в Ньютон-Маркт.

— Пресс-конференция переносится на более позднее время! — выкрикнул белый как мел адъютант главного инспектора.

Томас Смит сразу сообразил, чем будет чревата для нас любая заминка, и потянул меня к боковому выходу.

— Идем! Иначе застрянем здесь до вечера!

Каким-то чудом нам удалось покинуть двор Ньютон-Маркта, прежде чем арку перекрыли подоспевшие констебли, а на улице Томас Смит сразу свернул в один из боковых проездов, где перед бакалейной лавкой его дожидалась самоходная коляска — тот самый «Форд-Т».

— Что это было, черт возьми?! — обратился ко мне сыщик, раскопчегаривая паровой котел. — Лев, ты что-нибудь понимаешь?

— А что тут понимать? — хмыкнул я. — Это либо анархист, либо боевик очередной подпольной ячейки социалистов. Возможно, что и христианин, но это вряд ли. Лозунги у них совсем другие.

— Не это! — резко обернулся Смит. — Почему взорвался пистолет?!

— Главный инспектор — сиятельный. У него крайне... зажигательный талант.

— Ах вот оно что! — протянул сыщик, натянул шоферские краги и спросил: — Тебя подвезти?

Я на миг задумался, потом уточнил:

— Подкинешь на проспект Менделеева?

— Это где?

— Здесь недалеко. Я покажу.

— Покажешь? Тогда поехали!

Я уселся рядом с Томасом, и самоходная коляска тронулась с места и задергалась на неровной брусчатке переулка, чтобы уже через пару минут выехать к служебным воротам ближайшей станции подземки.

— Здесь направо, — подсказал я сыщику на перекрестке, и тот резко вывернул руль, едва не сбив при этом стоявшую на тротуаре старушку.

Вдогонку нам понеслись проклятия, но Смит и ухом не повел. Он прибавил скорость, обогнал телегу, проскочил перед самым носом полицейского броневика и вырулил на проспект Менделеева с такой уверенностью, словно всю жизнь колесил на самоходной коляске по запутанным улочкам Нового Вавилона.

Впрочем, вскоре удача оставила его. Не рискуя на полном ходу проскакивать через рельсы, Томас сбросил скорость до минимума, а потом «Форд-Т» вклинился в плотный транспортный поток, и дальше пришлось плестись с черепашной скоростью.

Ветра не было, улицы заполнял смог, из-за неприятного запаха запершило в горле. Темные очки худо-бедно защищали глаза от пыли, и все же я откровенно завидовал сыщику, который нацепил плотно прилегающие к лицу гоглы.

— Я в столице первый день, — сообщил Томас Смит. — Не знаешь какой-нибудь тихий спокойный отель в районе Центрального вокзала? Только чтобы без штанов не остаться.

— Ничего не подскажу.

— Мне рекомендовали «Генрих Герц».

— Извини, никогда о таком не слышал.

На одном из перекрестков у груженной пустыми бочками телеги отвалилось колесо, и она перегородила половину дороги. Возница и несколько добровольных помощников пытались то ли устранить неполадку, то ли освободить проезжую часть, но у них ничего толком не получалось. К остававшемуся свободным зазору выстроилась длинная вереница карет, повозок и самоходных колясок, и, как это обычно водится, извозчики и шоферы свистели, ругались и обещали оторвать друг другу голову, если им немедля не дадут про-

ехать. Двое констеблей с философским спокойствием наблюдали за столпотворением с тротуара и ничего предпринимать не спешили.

Томас Смит тратит нервы на пустую ругань не стал, вытащил из планшета карту Нового Вавилона, развернул ее и попросил указать наше местоположение.

— Ага, — обрадовался сыщик, стоило мне выполнить его просьбу. — Лев, если я высажу тебя у моста Броуна, будет нормально? Думаю уехать по нему на другой берег Ярдена.

Я мельком взглянул на карту и согласился.

— Нормально.

И тут мое внимание привлекла карандашная пометка на самой границе Старого города. Просто жирная точка в одном из жилых кварталов, но хватило и этого.

— Был на бульваре Фарадея? — догадался я.

Томас Смит зашуршал бумагой, сворачивая карту.

— С чего ты взял? — искоса глянул он на меня.

— Простое предположение. Агентство расследует это дело?

В этот момент телегу наконец откатали с проезжей части, и движение возобновилось. Я решил, что ответа на вопрос уже не дождусь, но сыщик все же решил удовлетворить мое любопытство.

— Да, ты прав. Мне поручили это расследование, — со вздохом сообщил он после театральной паузы. — Но не стоит распространяться об этом, хорошо? Агентство не терпит трепачей, у меня могут быть неприятности.

— Ты же знаешь, я не из болтливых, — ответил я без ложной скромности.

— Очень на это рассчитываю, — вздохнул сыщик и вывернул к тротуару в надежде обогнать повозку, что на редкость медленно тащилась впереди, но ничего этим маневром не выгадал, поскольку в крайнем ряду неспешно катил тихоходный паровой грузовик.

Такими темпами до моста Броуна нам оставалось ехать никак не меньше десяти минут, и я решил продолжить расспросы.

— Так понимаю, это не простое убийство, раз тебя привлекли к нему. Либо замешан известный агентству Пинкертона малефик, либо...

— Либо, — перебил меня сыщик. — Ты все понял правильно.

Я присвистнул. Милой привычкой вырезать сердца жертвам отличались жрецы ацтеков, а заставить этих дикарей забраться столь далеко от родины могли только воистину чрезвычайные обстоятельства.

— Намечается что-то серьезное? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Смит. — Никто не знает.

— Но ты здесь. И прибыл в столицу заранее.

— Ты же знаешь, как это обычно бывает, — хмыкнул Томас. — Кто-то что-то кому-то сболтнул, но концов уже не найти, и меня

присылают во всем разобраться. Обычное дело, только на этот раз слухи подтвердились. Ацтеки действительно в городе.

Я кивнул, вполне допуская, что сейчас сыщик со мной вполне откровенен. Любому полицейскому прекрасно известно, сколь непросто бывает иной раз отследить человека, который первым распустил ту или иную сплетню.

В этот момент впереди наконец показался мост Броуна; Томас Смит повернул на него и остановил самоходную коляску, позволяя мне сойти на тротуар.

— Благодарю! — отсалютовал я сыщику.

Тот вскинул в прощальном жесте руку над головой, и «Форд-Т» покатил прочь.

Я тоже на мосту задерживаться не стал, перебежал через дорогу и заскочил на заднюю площадку медленно взбиравшегося на пригорок паровика. На нем я доехал до ближайшей станции подземки, спустился вниз и отправился на фабричную окраину. Требовалось незамедлительно переговорить с Рамоном Миро и выяснить, что именно он сделал с остальными ворованными пистолетами. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы пускать ситуацию на самотек или доверять телефонному звонку...

4

В подземке оказалось на удивление немногочленно. Подошедший на станцию состав оказался без вагонов первого класса, но и во втором классе на протянувшихся вдоль бортов скамьях вопреки обыкновению обнаружилось изрядное количество свободных мест.

И что удивительней всего — вместе со мной на станции у Сталелитейного завода Маркхофа вагон покинули лишь три человека, хотя обычно здесь сходила едва ли не половина пассажиров.

Но только поднялся в вестибюль станции, и причина столь странного положения дел разъяснилась сама собой: с улицы доносились сливавшиеся в единый гул крики многоголосой толпы.

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

— Нет увольнениям!

И снова:

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

— Нет увольнениям!

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

На улице шла стачка.

Я беззвучно выругался и с некоторой даже опаской подступил к дверям вестибюля, у которых нервно прохаживался перепуганный беспорядками дежурный по станции в форменной тужурке с железнодорожными нашивками и высокой фуражке с золоченой кокардой.

Впрочем, все оказалось не так уж и плохо: рабочих, запрудивших площадь перед заводоуправлением, сдерживали выстроившиеся в шеренгу констебли со щитами и дубинками в руках. Неподалеку от станции подземки замер броневик, и пулеметный ствол в его башенке нервно двигался из стороны в сторону, контролируя площадь. Рядом стояло несколько полицейских грузовиков, в кузовах которых ждали своего часа стрелки с приведенными к бою самозарядными винтовками.

Неожиданно прозвучал резкий свисток, и полудюжина констеблей стремительным броском вклинилась в толпу протестующих. Сверкнули электрические разряды дубинок, кто-то вскрикнул от боли, кто-то заголосил благим матом. В следующий миг полицейские отступили обратно, волоча за собой отчаянно извивавшегося агитатора с разбитым в кровь лицом.

Рабочие кинулись на помощь товарищу, но констебли сомкнули шеренгу и погасили натиск, приняв его на выставленные перед собой щиты. Из толпы полетели пустые бутылки, выломанные из мостовой булыжники, железные пруты и обломки черепицы. Один из камней угодил констеблю в лицо, и бедолага с протяжным стоном осел на брусчатку. Коллеги поспешно унесли его к стоявшей у грузовиков карете «скорой помощи».

— Свободу братьям! — единым криком выдохнула толпа. Рабочие усилили напор, и полицейским пришлось отступить, но вскоре к ним подоспело подкрепление и ситуация выровнялась.

Только надолго ли? С высокого крыльца станции было прекрасно видно, что протестующими заполнена не только площадь перед заводоуправлением, но и примыкавшие к ней улицы.

Большого я рассмотреть не успел — какой-то излишне ретивый констебль из охраны грузовиков обратил на меня внимание и двинулся к станции, на ходу подтягивая ремешок шлема.

Я без промедления сбежал с крыльца и зашагал по улице прочь от шумной толпы. Констебль преследовать меня не стал и вернулся к броневику. Не иначе принял за газетчика; на рабочего в своем недешевом костюме я несколько не походил.

Сейчас это обстоятельство позволило избежать объяснений с бывшими коллегами, но в дальнейшем дорогая одежда могла послужить причиной самых серьезных неприятностей: попадавшие навстречу работники окрестных заводов поглядывали на меня с нескрываемым подозрением, а то и злостью. Еще летом ничего подобного не было и в помине, и оставалось лишь гадать, из-за чего произошло столь резкое обострение классовой борьбы.

Решив лишний раз не мозолить глаза представителям пролетариата, я свернул в первый попавшийся переулок и окольными путями пробрался к Слесарке — району частных мануфактур. В узких проездах сразу прибавилось грязи и мусора, стало попадаться еще

больше людей, но одновременно я словно стал невидимкой. На Слесарке никому не было до меня никакого дела.

Оно и немудрено: добропорядочным обывателям тут делать нечего, и солидный господин мог оказаться либо жуликом, либо деловым партнером одного из местных дельцов. А здешние заправилы терпеть не могли, когда кто-то начинал совать нос в их дела. Да и участники классовой солидарности по отношению к заводским рабочим сроду не испытывали. Высокие идеалы равенства и братства тут были не в чести, значение имели только деньги.

Ночью шел дождь, дороги толком не подсохли, и, когда я добрался до конторы Рамона, мои туфли потеряли всякий вид. Отскрести комья грязи с подошв о железную решетку не получилось, лишь впустую потратил на это время, дожидаясь, пока кто-нибудь ответит на мой стук.

Я уже намеревался постучать вновь, но тут распахнулась калитка и на улицу выглянул невысокий паренек в рабочем комбинезоне, смуглый и черноволосый. Именно он изображал полицейского водителя, когда мы трясли индусов в поисках пропавшего бармена в мой прошлый приезд в столицу.

— Рамон у себя? — спросил я не здороваясь.

— Да, — ответил тот и посторонился, освобождая проход. — Он в конторе.

Я пересек двор и поднялся на второй этаж пристроенного к длинному складу флигеля, где и располагался кабинет моего бывшего напарника.

Рамон Миро сидел за столом и делал пометки в толстой амбарной книге. От происходившей из аборигенов Нового Света матери он унаследовал не только красноватый оттенок кожи, но и внешнюю невозмутимость, и все же при моем появлении не удержался от удивленного присвиста.

— Лео?! — озадачился Рамон, рассеянно приглаживая черные жесткие волосы, которые стриг коротко, на военный манер. — Что на этот раз?

— Ничего хорошего, — ответил я, и в черных глазах бывшего констебля мелькнуло раздражение.

— А конкретней? — потребовал он объяснений.

Я встал у открытого окна и посмотрел на улицу. Низкая облачность растеклась над городом серым плотным пологом, густые клубы дыма из заводских труб ввинчивались в него огромными столпами, и лишь властвовавший на высоте ветер развеивал их, превращая в нарисованное небрежными мазками гениального живописца подобие мутных волн. Грузовые дирижабли на их фоне казались нападавшим в сточные воды сором.

— Лео! — заволновался Рамон, поднялся из-за стола и принялся расправлять закатанные рукава сорочки. — Что стряслось? Говори уже прямо!

— Ворованные пистолеты, — обернулся я к нему, — те, что предназначались для восставших Рио-де-Жанейро. Что ты сделал с ними?

— Ты просил избавиться от них, Лео, забыл? Я сделал все, как ты велел!

Я вздохнул.

— Рамон, каким именно образом ты избавился от них? Продал кому-то, спрятал или утопил в доках? Мне важно знать, что пистолеты не приведут к тебе наших бывших коллег, понимаешь?

— Утопил в канализационном коллекторе, — спокойно ответил Миро, и на его скуластом лице промелькнула непонятная ухмылка. — Что, не ожидал? Думал, стану мелочиться? Нет, Лео. Ты сказал — дело серьезное, и я избавился от них. У меня серьезное предпринятие, не хочу прогореть из-за таких мелочей. К тому же ты компенсировал все издержки.

— Компенсировал, да, — кивнул я, с облегчением переводя дух.

После увольнения из полиции бывший констебль занялся частным сыском, и, к моему немалому удивлению, изрядно в этом деле преуспел. Что послужило тому причиной — опыт работы в полиции или заведенные за это время полезные знакомства, сказать было сложно.

Тот Рамон, которого я некогда знал, никогда бы не выкинул ящик новых пистолетов в канализационный коллектор, но люди меняются. По-крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Может, теперь расскажешь, что происходит? — в свою очередь потребовал объяснений Рамон.

— Налей воды, в горе пересохло, — попросил я, уселся в шаткое кресло для посетителей и выставил перед собой перепачканные тушью для снятия отпечатков ладони. — Что, кстати, подсказывают твои дедуктивные способности?

Рамон Миро налил мне содовой, затем разбавил его белое вино для себя.

— Говори! — потребовал он, сделав длинный глоток.

— Помнишь такого Бастиана Морана, старшего инспектора Третьего департамента?

Мой бывший напарник болезненно скривился. Вылетел со службы Рамон именно из-за этого господина.

Я в несколько глотков осушил стакан, жестом попросил приятеля наполнить его вновь и вздохнул.

— Моран решил, будто сумеет меня сожрать, — медленно произнес я после этого. — Он немного просчитался, но, если свяжет меня с тем пистолетом, я сяду надолго.

— Что ты натворил?

Врать я не стал.

— Помнишь, в начале лета мы как-то наведались к индусам, и примерно в это же время полицейские устроили облаву на тугов и застрелили шестерых?

— Да, дело было громкое, в газетах про него много писали. Главный инспектор даже получил благодарность от министра юстиции.

— Так вот, это сделали не полицейские, а я.

— Вот черт! — выругался Рамон, одним глотком допил вино и наполнил стакан вновь, добавив на этот раз содовой куда меньше, чем прежде. — Как на тебя вышли?

— По отпечаткам пальцев с гильз.

— И с такими уликами тебя отпустили из-под ареста? — удивился крепыш и насторожился: — Тебя ведь отпустили? Проклятье! Лео, скажи, что ты не удрал!

— Успокойся! — потребовал я, отпив воды. — Улики против меня исключительно косвенные, поэтому и отпустили.

— Нет, пистолеты не всплывут, — задумчиво произнес Рамон и потер широкую переносицу. — И знаешь... через неделю после того, как ты предупредил о пистолетах, на Слесарке устроили облаву — якобы искали взрывчатку. У меня тоже перевернули все вверх дном. Вот теперь я и думаю: а может, дело было вовсе не в динамите?

— Дьявол! — поежился я, допил воду и отошел к окну. — Обложили...

— Успокойся! Пистолетов больше нет!

— Хоть это радует, — вздохнул я и махнул рукой. — Ладно, черт с ними! Скажи лучше, у тебя самого как дела? Стачки не беспокоят?

— Шлялись какие-то мутные личности, но ты же знаешь — у нас агитаторов и провокаторов не жалуют.

— Пошумят и успокоятся, думаешь?

Рамон пожал плечами.

— От меня ничего не зависит, не вижу смысла забивать себе этим голову, — резонно отметил он и вдруг сказал: — Скорее всего, в ближайшее время покину город.

— Далекó собрался? — заинтересовался я.

— На Карибы. Куба, Эспаньола, Ямайка.

— Гонять ацтеков?

— Нет, ацтеков оттуда давно выгнали и без меня. Сейчас начались волнения среди рабочих на плантациях. Слышал о вуду? Власти хотят приструнить служителей культа, готовится полицейская операция.

— И ты?

— Мне предлагают возглавить собственный отряд. Деньги обещают серьезные.

— Ну не знаю... — неуверенно протянул я. — Хорошо, если спицу в твою куклу сразу в сердце воткнут, а ну как куда пониже?

СОДЕРЖАНИЕ

СИЯТЕЛЬНЫЙ. ПРЕЛЮДИЯ. <i>Рассказ</i>	5
СИЯТЕЛЬНЫЙ	25
БЕССЕРДЕЧНЫЙ	317
ПАДШИЙ	581
СПЯЩИЙ	849